

ВЕТЕР ИСТОРИИ

После моей смерти на мою могилу
нанесут гору мусора, но ветер истории
безжалостно развеет ее!

И.В. Сталин

ГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ

Елена Прудникова

адонии, сбли-
желель встретив
но сказан:
и, кто был
разговора
зрк Малкуц,
иже восстание.
протну, в
али моря,
рассказал,
из 2, 8, и 10
начате одновре-
"своих".
и стужака-
лу тоже в
штрафник
мужей и
Менель рас-
вате проходная
выжон в зоне.
новник поль-
ино сумели
расписании
арат гербон
и оти раньше
диплому, котат
офенне под-
ижа-то, вrade
олей проводы
ов, которые в
распоросали,

Ветер истории

Елена Прудникова

Гибель империи

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Прудникова Е. А.

Гибель империи / Е. А. Прудникова — «ВЕЧЕ», 2025 — (Ветер истории)

ISBN 978-5-4484-5291-8

В документально-публицистических очерках Елены Прудниковой анализируются получившие широкое распространение мифологемы о жизни в Российской империи в конце XIX — начале XX в., ее социально-политическом строе и личности последнего императора — Николая II. Возникнув в период «перестройки», они продолжают воздействовать на общественное сознание и в наши дни. Отдельный очерк посвящен полемике вокруг пакта Молотова — Риббентропа.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4484-5291-8

© Прудникова Е. А., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Неотвратимая гибель империи	6
Предисловие	6
Цифра что дышло	9
Пейзане и морок	15
Игра в цифирки	18
Сколько в России сытых?	23
Голод	26
Агрономия и выживание	28
Демография катастрофы	33
В поисках выхода	35
Третья аграрная реформа	40
Деревня уходит в город	43
Жить, чтобы работать	45
А сколько платили?	49
Дом, милый дом...	52
Расходный материал как он есть	56
Благодетель земли русской	60
Запроданное детство	62
«Сбережение народа»	65
Лучшая в мире земская медицина	68
О здравии народном	72
Все там будем. Вопрос – когда?	75
Зачем чумазому грамота?	78
«Подпольная» реформа	84
Название одно, а наполнение?	86
Перспективы	88
Практика социального расизма	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Елена Прудникова

Гибель империи

© Прудникова Е. А., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

* * *

Неотвратимая гибель империи

В любой образовательный вакуум заползает суррогат истории.
Дмитрий Евстафьев, политолог

Предисловие

В те далекие годы, когда гремела по всей стране перестройка, вышел на экраны фильм Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли». Люди тогда были доверчивые, к подлянкам агитпропа не приученные, да и вообще всё, выходящее за рамки официальной пропаганды, встречали с радостно открытыми глазами, сердцами и прочими каналами связи между душой и окружающим миром. Ура, нам наконец говорят правду!

А что есть правда? Ну ясно же – то, что не совпадает с официальным агитпропом. Почему создалось такое мнение, кто, зачем, на какие деньги... о том особый разговор. Факт тот, что оно было.

С тех пор прошло тридцать лет, и цену многим из тогдашних «правд» успели узнать, равно как и причину, по которой их вбрасывали в массовое сознание. Сказочкой о «прелестях рынка» нас теперь не проймешь, равно как и о ста сортах колбасы, клубнике в шесть часов утра, «великой западной цивилизации» (засилье клопов и крыс в славном городе Париже как-то подозрительно совпало по времени с отлучением Европы от дешёвых российских энергоносителей). Но вот сказка о «России, которую мы потеряли» оказалась более живучей, и уцелевшие в потоке истории монархисты снова начинают её раскручивать.

«Россия, которую мы потеряли». *«Как так случилось, почему Господь отнял у людей разум, как можно было разграбить и уничтожить такую богатую страну? И почему, почему мы ничего не знали о ней, о своей Родине?»*

Ну, как же не знали? В школе не учились? Программа по литературе и рассказывает именно о говорухинской России. Балы, красавицы, лакеи, юнкера... На седьмой минуте фильма начинается перечисление деликатесов Елисеевского магазина: окорока вареные, копченые, икра такая, сякая, разэтакая, омары... Оттого-то и прогремел фильм и был воспринят как правда, что замечательно лег на программу по русской литературе. Которую каждый применял к себе лично – и, конечно же, видел себя исключительно в дворянской усадьбе.

О той России, которую монархисты не упоминают, да и не знают вовсе – а зачем им знать об изнанке императорской России, – нам рассказывали на уроках истории. Но ведь, как утверждается в фильме, программа по истории написана идеологическими лакеями новой власти, по сути, убийцами России. Да и деликатесы с балами там не описывали – скучно...

На самом деле правы и те и другие. Это вопрос не качества, а количества. Кто-то закупался у Елисеева, а кто-то ел хлеб с лебедой. Вопрос лишь в том, сколько было первых и сколько – вторых и каким образом первые могли вторых держать в узде. Ну и до какого срока, конечно...

Изображать Российскую империю процветающей державой начала еще русская эмиграция и ведь нисколько не лукавила. Для них, бывших представителей верхушки общества, страна, в которой они очень неплохо жили, и вправду была «потерянным раем». Взять хотя бы «Лето Господне» Ивана Шмелева – воспоминания сына московского купца о сытом и радостном детстве. А для работников его папеньки жизнь была так же светла? А для бедной вдовы с ребенком, приходившей за подаяннием?

Сын купца об этом не задумывался. Мог бы задуматься взрослый писатель, но у него все затмевала ненависть. Его сын, врангелевский офицер, был расстрелян в Крыму, сам писа-

тель оказался в эмиграции. Кстати, относился к той части русской эмиграции, которая приветствовала Гитлера, и еще как! Наступление немцев под Москвой он сравнивал со вступлением Сергея Радонежского в свою обитель. Интересно, переменил ли он мнение, когда узнал, что творили немцы на нашей земле?

Но мы отвлеклись. На вопрос о том, кто грабил богатейшую страну, мы ответим по ходу книги, а вот кто её уничтожил... Империю погубила отнюдь не Октябрьская революция, а Февральская. Которую, кстати, большинство представителей высшего общества и просто общества восприняли восторженно. Большевики еще были кто по ссылкам, кто по заграницам. Чего бы они ни хотели, чьи деньги ни крутились бы по их кассам, но развал армии, пылающая деревня, отпадение национальных окраин – всё это было до них и без них. Они просто подобрали упавшую власть и принялись, как умели, спасти страну. Кто-то считает, что плохо сумели – ну, так попробовали бы сами. А то критиков государственной политики хоть в бочках засаливай, только работать некому.

Почему вместо приличных демократических преобразований в «богатой, процветающей стране», где, пользуясь терминологией фильма, «развивалась промышленность, крепло крестьянство», началось такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать? Верхушка, или, как нынче модно говорить, «элита», оказалась кто в Париже, кто в Берлине. И полетел над миром «плач Ярославны» по загубленной империи. Раз большевики разорили их, хозяев русской жизни, значит, они разорили и Россию, чего тут непонятного? Ведь они – лучшие люди державы, а значит, они и есть Россия.

Где-то мы уже такое слышали, причем совсем недавно. «Это Россия уехала от вас, м... Потому что Россия – они, а не вы». История повторилась еще раз, в виде фарса. Действительно, куда уж стране выжить без раскрученных комедиантов! Но она, как оказалось, вполне способна прожить и без дворян с купцами. Как такое можно признать?

А поскольку успехи Советского Союза настолько очевидны, что отрицать их не получается, что остается? Доказать, что империя была процветающей державой и добила бы того же самого без всяких революций, причем с намного меньшими издержками.

Метод, кстати, был избран совершенно социалистический – жонглирование показателями. Доказать-то можно все, что угодно, если умело обращаться с цифрами – что люди ходят на руках и люди ходят на боках, особенно если априори объявить всех несогласных вражескими агентами.

Что же произошло такого, что империя вдруг обрушилась – причем одномоментно, за несколько дней и по всей стране? Что, русские мужики вдруг все хором возжелали конституционной монархии? Решив развести Николая с Александрой Федоровной и женив его на принцессе Конституции? ¹ Им-то чего спокойно не сиделось, не пахалось, не воевалось?

Если смотреть фильм о «золотой России», сие совершенно непонятно. Просто помрачение какое-то нашло. Как писал горячо любимый русскими монархистами писатель Владимир Солоухин:

«Теперь позвольте спросить: если все цело: наука, музыка, литература, театр, певческие голоса, балет, живопись, архитектура, бурно развивалась промышленность, наступающая на пятки самым передовым странам; русским хлебом и салом завалены мировые рынки; в деревнях праздники, хороводы и песни; на масленицах катания; магазины ломятся от продуктов; все дешево, доступно, – и вот если все это цело, так что же тогда гнило?»

Задача имеет два ответа. Первый: все цело, но русский народ внезапно кинулся разрушать собственное государство. Почему?

¹ Когда 14 декабря 1825 года декабристы вывели на Сенатскую площадь солдат, у них был лозунг: «За Конституцию». Последующие распри установили: солдатики полагали, что Конституция – жена царевича Константина.

Александра Федоровна, жена последнего императора, честно ответила на этот вопрос. В 1905 году она изронила в письме золотое слово: *«Русский народ искренне предан своему монарху, а революционеры, прикрываясь его именем, настраивают крестьян против помещиков и т. д., каким образом, не знаю»*².

Ни один монархист тоже ничего внятного, кроме неких злокозненных революционеров, пляшущих под дудку внешних врагов и смущающих народ, не придумал.

Второй вариант – не ответ, а скорее нуждающийся в проверке вопрос: а точно ли все цело?

² Масси Р. Николай и Александра. СПб., 2012. С. 139–140.

Цифра что дышло

В чем заключаются основы сказок о «золотой России, которую мы потеряли»? В попытках доказать, что если бы не революция, то Россия бы – о-о-о! Империя была экономически развитой державой, которую революционеры сперва разорили, а потом снова индустриализировали. А если бы не разорили, так и большевистская индустриализация была бы не нужна, и результаты выше.

Один из основоположников апологетики той России – эмигрантский писатель Борис Бразоль, автор очерка «Царствование императора Николая II в цифрах и фактах». Большинство современных апологетов императорской России, как русская литература из гоголевской «Шинели», вышли из этого труда.

Бразоль. *«В период между 1890 и 1913 гг. русская промышленность учетверила свою производительность. Её доход не только почти сравнялся с поступлениями, получавшимися от земледелия, но товары покрывали почти 4/5 внутреннего спроса на мануфактурные изделия. За последнее четырёхлетие до Первой Мировой войны количество вновь учреждавшихся акционерных обществ возросло на 132 %, а вложенный в них капитал почти учетверился».*

Ну, в 90-е годы у нас еще не столько акционерных обществ открывалось – а что с экономикой творилось? Все помнят? Да, и есть у меня смутное подозрение, что задача промышленности не ограничивается производством мануфактуры. Или я ошибаюсь, и задача русской экономики – замотать страну по уши в морозовские ситцы?

Что же касается темпов роста, на которые радостно ссылаются все без исключения монархисты – так это вообще интересный показатель. Приведем простой пример, доступный ученику начальных классов. Допустим, есть две страны. В первой имеется один металлургический завод, во второй – десять. Каждая из них построила еще по одному. В первом случае мы получили рост в 100 процентов, во втором – в десять процентов. Какая страна имеет лучшие перспективы – та, в которой два завода, или та, в которой одиннадцать? Правильный ответ: та, в которой два, ведь у нее темпы роста выше.

А это точно так?

Экономика, конечно, росла – было бы уже совсем странно, если бы она оставалась на том же уровне при общемировом росте, но как именно? Она может расти как в Европе, а может – как в Индии, где 80 % населения живут в жуткой нищете и этот рост их вообще не касается.

Какой у нас основной показатель экономического развития? Ну, конечно же, ВВП – непонятно как исчисляемый, но считающийся надежным. Итак, в предвоенном мире, если смотреть по убывающей, первая пятерка выглядела так (в долларах США по курсу 1990 года):

США – 517 млрд,
Германия – 280 млрд,
Россия – 265 млрд,
Великобритания – 230 млрд,
Франция – 129 млрд.

Все очень мило, но, согласитесь, несколько странно сравнивать страну с населением в 40 млн человек, какой была Франция, и Россию, в которой проживало вчетверо больше людей. В таких случаях используются показатели на душу населения. И вот тут все гораздо более грустно.

Первое место предсказуемо занимают США (5170 долл.). Далее идут по убывающей:
Великобритания – 5032,
Бельгия – 4130,
Нидерланды – 3950,

Германия – 3833,
Дания – 3764,
Австрия – 3458,
Франция – 3452,
Швеция – 3096,
Италия – 2507,
Норвегия – 2275,
Испания – 2255,
Чехословакия – 2096,
Финляндия – 2050,
Россия – 1488³.

Сама по себе цифра ни о чем не говорит. Да, в России ВВП на душу населения меньше, чем в Европе. Но он, наверное, больше, чем где-то еще? С кем сравнить?

Давайте возьмем Британскую империю. Ее ВВП – 57,9 млрд долл. Население 447 млн человек, из которых 304 млн проживало в Британской Индии, 26 млн – в других азиатских колониях и 52 млн – в Британской Африке. То есть почти 400 млн жили в азиатских и африканских колониях, где уровень жизни был запредельно низким. Так вот: на душу населения там приходилось 1300 долларов. То есть на долю гражданина России получается аж на 500 долларов в год больше, чем на жителя Индии, и на 500 меньше, чем в Чехословакии. Воистину, есть чем гордиться!

Да и, по правде сказать, странный он показатель, этот ВВП. Вот, например: каким образом он исчисляется у страны, половина населения которой живет натуральным хозяйством? Пересчитывать съеденные ими караваи по рыночным ценам? Или представим себе «нефтяную» монархию Персидского залива: большой ВВП на душу населения, высокий уровень жизни, но вот является ли, скажем, тот же Катар промышленно развитой страной?

Что же все-таки представляла собой дореволюционная промышленность Российской империи, которую нам презентуют все время в каких-то обрывках?

Бразоль. *«Объёмы выплавки стали в предвоенные годы росли быстрее, чем в любой другой стране Европы; быстрее, чем даже в США. Протяжённость железных дорог выросла с 50 тысяч км в 1900 году до 74 тысяч в 1914-м. Меньше чем за четверть века добыча угля выросла шестеро – с 6 миллионов тонн в 1890 до 36 миллионов в 1914 (это, впрочем, было только начало, уже тогда считалось, что угля в России больше, чем во всей Европе). По производству нефти Российская Империя уступала только США, намного обгоняя всю Британскую империю. И все это – без “индустриализации” и “коллективизации”»⁴.*

А вас тут ничего не смущает? Добыча угля и нефти – кому принадлежат эти предприятия, куда идет продукция, сколько на внутренний и сколько на внешний рынок? Выплавка стали – на что идет эта сталь? Рост железных дорог – а для чего? Обеспечивать промышленную логистику или вывозить богатства страны? Где конечный продукт? Сколько чего было произведено в Российской империи?

«Россия, которую мы потеряли». *«В тринадцатом году страна развивалась неслыханными темпами. Россия уже перестала нуждаться в привозе иностранных товаров, её заводы могли выпускать всё: от самоваров и велосипедов до подводных лодок и современных автомобилей».*

³ Демографическая история Европы. Великое преобразование (1800–1914) // http://www.k2x2.info/istorija/demograficheskaja_istorija_evropu/p7.php

⁴ Экономика империи: статистика и реальность. Ч. 1 // <https://dzen.ru/a/Yp4nAxtRqhqcان1M>

Могла-то она могла – но выпускала ли? Россия и сейчас может выпускать практически всё, по почему-то куда ни плюнь – всюду импорт, и даже из самых распатриотичных патриотов мало кто ездит на «Ладе», а всё больше на иномарках рассекают. Вот интересно: почему так?

Сами по себе цифры промышленного роста не говорят вообще ни о чём. Получить число десять можно, сложив девять и один, восемь и два и т. д. Можно поставлять бриллианты для утех миллионеров, а можно растить хлеб для прокорма собственного населения. Вывозить нефть или делать самолеты. Чтобы понять, что представляла собой экономика империи, надо разбираться в частностях.

Давайте посмотрим структуру российской промышленности на любимый наш 1913 год⁵. Абсолютный лидер в России – пищевая промышленность, которая составляла 37,4 % валового объема производства. (Для сравнения: в США пищепром составлял 21,2 %, притом что городского населения там было 42 %, а в России – 15 %.)

Ассортимент производимой еды в России до чрезвычайности простой, чтобы не сказать убогий. Абсолютным лидером являлось производство муки и крупы – 27 % от стоимости пищевого прома. (Надо учесть, что мука была товаром дешевым, так что в реальности превосходство еще более подавляющее.) За ним с небольшим отрывом следовала сахарная промышленность – 20 %. Потом идет винокуренно-дрожжевая и водочная промышленность – 8 % и почему-то отдельно – производство хлебного вина (кому охота, пусть разбирается в отличиях) – 12,5 %. Итого, алкоголь в сумме занимал 20,5 % валовой продукции. Дальше по удельному весу идет табак (6,5 %), производство растительного масла (6 %), ну и по мелочам – пивомедоваренная (5 %) и крахмалопаточная (1,2 %).

А теперь давайте вспомним Елисеевский магазин и те отрасли пищепрома, которые мы знаем по современной жизни. Гастрономия, молочная промышленность, мясная, рыбная, кондитерская, консервная... Все эти отрасли настолько ничтожны, что объединены в группу «прочие пищевые» и в сумме составляют 10 %⁶ по стоимости – а ведь надо еще учесть, что товары эти дорогие.

И таки что мы отсюда видим? А видим мы очень простую вещь: большая часть пищевой промышленности империи до чрезвычайности примитивна: 90 % производства приходится на муку, сахар, масло, алкоголь, табак. Часть всего этого идет, конечно, на экспорт, но насильно туда выдавливали только сахарную промышленность. Почему, кто и чьи интересы лоббировал в правительстве – сейчас уже не разобраться, но сахар был товаром подакцизным. Кроме акциза, на него накладывали еще и дополнительный налог, а вот на экспорт он шел беспопытно, поэтому потребление в стране было невелико. Все остальное экспортировали в разумных пределах.

Подсчитаем теперь продукцию пищепрома на среднюю душу населения. Валовая продукция данной отрасли – 1,7 млрд руб., население страны – 170 млн. Получается, что средний россиянин тратил на покупную еду 10 рублей в год или меньше рубля в месяц. Прямо-таки от жира лопались и сало от Елисеева по губам текло.

Как такое может быть? В промышленно развитой стране, конечно, никак. Люди на таком пайке долго не проживут, даже если хлеб стоит две копейки фунт, потому что и на хлеб не хватит. Но не стоит забывать, что 85 % населения Российской империи составляли сельские жители, которые питались в основном со своего хозяйства, а покупали самые простые вещи: крупу, масло, табак, алкоголь, немного чаю и сахарку. Всякие там сыры, макароны, консервы, конфеты и пр. – развлечения для горожан, причем тоже не самых бедных. А поскольку производство определяется платежеспособным спросом, то где тут, скажите, оперативный простор

⁵ Промышленность Российской империи // <http://ricw.ru/riind.html#g4>

⁶ Промышленная переработка непищевого и пищевого сырья в Российской империи // <http://ricw.ru/food.html#g5>

для развития пищевого прома? Одного Елисейского магазина на город вполне достаточно, второй уже прогорит...

Ладно, пойдем дальше. 29,8 % от валового производства составляла текстильная промышленность, причем в основном хлопчатобумажная (в США – 13 %). Русские ткани на мировом рынке большой ценности не имели, а по деревням морозовские ситцы, как называли яркие, не слишком качественные хлопчатобумажные ткани, расходились неплохо, поскольку были дешевы. Хотя, как утверждает тот же Бразоль, 20 % мануфактурных товаров всё равно ввозилось из-за границы. Люди побогаче старались всё же носить английское сукно. Ну а крестьяне обходились в большинстве домотканой одеждой и в этой статистике не участвовали.

Далее идут: 3,8 % – химическая промышленность, 6,5 % – деревообрабатывающая и бумажная, еще 6,1 % – некие другие отрасли. Но нас интересует не это. Нам нужна тяжелая промышленность, в первую очередь машиностроение. Согласитесь, без нее не может быть развитой индустриальной державы. И вот смотрите, какая хитрость – в одну графу, довольно приличную (16,4 %), объединены добыча полезных ископаемых, металлургия, производство металлоизделий, машиностроение. А вот сколько – чего? Что тут относится к добыче угля, что – к производству ложек и вилок, а что – станков и паровозов? Отделять машиностроение от металлообработки и горного дела – задача, достойная Золушки, но той помогала фея.

У нас роль феи играет сайт «Istmat», напичканный огромным количеством самого разнообразного статистического материала. Оттуда мы узнаем, что удельный вес импортной машиностроительной продукции в 1913 году составлял 43,6 %⁷, а всего импортировано её было на сумму 179,3 млн руб⁸. Составив простейшую пропорцию, мы получим, что произведено было одной продукцией примерно на 225 млн рублей. Сколько она составляла процентов от валовой продукции промышленности?

Общую сумму мы подсчитаем без труда: пищевому прому нам дал 1,7 млрд руб. и около трети общего производства, стало быть, общий объем составляет около 5 млрд руб. Правильно? Таким образом, на продукцию машиностроения приходится 4,5 %. И это еще не все, потому что существует структура, и это тоже очень интересно.

Итак, 41,4 % составляет производственное машиностроение – тут особых вопросов не возникает. 20,4 % – паровозо- и вагоностроение – тоже, в общем-то, машиностроение, но удельный вес его непропорционально громаден. Что отсюда следует? А то, что во многом тяжелая промышленность России продолжала работать на железные дороги. С одной стороны, неплохо, с другой – это ни разу не свидетельствует об индустриальном развитии. А о чем? Ну, в первую очередь о протяженности страны. А уж как дороги используются – для развития регионов или для того, например, чтобы с большим комфортом довозить до рынка российские богатства – это уже второй вопрос. Еще 10,7 % – военное и гражданское судостроение.

А вот следующие два пункта весьма сомнительны. 13,1 % составляло сельскохозяйственное машиностроение, к ведению которого относилось производство сельскохозяйственных орудий. Каких именно? Тракторов и комбайнов у нас не делали – совсем. Орудия начинались с серпов, кос и плугов и заканчивались жнейками-молотилками. Едва ли такое можно отнести к машиностроению.

Следующая позиция – электротехническое машиностроение (14,4 %). Казалось бы, уж здесь-то... Ан не спешите! Основной продукцией был кабель, более сложная электротехника ввозилась из-за границы. Так что еще четверть объема долой. Итак, валовый объем машиностроительной продукции в нашей бурно развивающейся державе – 3,5 % от общего. В денежном выражении.

⁷ Машиностроение в Российской империи // <http://ricw.ru/engin.html>

⁸ Внешняя торговля России в 1913 году // https://istmat.org/files/uploads/17721/vneshtorg_1918-1966_prilozhenie.pdf?ysclid=Irsace7q86398307351

Для сравнения: в США в 1914 году «металлическая» промышленность (металлургия, металлообработка и машиностроение) давала 17,6 % валовой продукции промышленности, плюс 8 % – добыча полезных ископаемых, да еще отдельно 3,8 % автомобильная. Итого получаем почти 30 % против российских 16,4 %. Это не говоря о том, что и сами суммы, судя по ВВП, там куда больше.

Второй показатель, по которому можно судить о характере экономики, – это структура экспорта – импорта. Итак, что мы имеем по состоянию на 1913 год?⁹

Основная, идущая с колоссальным отрывом, группа экспортных товаров – это продовольствие (54 %), а в нем 33 % – зерно, прочее по мелочам. Далее – лес и целлюлозно-бумажные изделия (10,9 %). Следующая группа – текстильное сырье и полуфабрикаты (8,9 %). Все остальные позиции меньше 5 %. 4,7 % приходится на промышленные товары народного потребления и аж целых 0,3 % – на машины и оборудование.

Теперь об импорте. Тут основная группа – продовольственные товары (21,2 %). Затем, с небольшим отрывом, идет текстильное сырье и полуфабрикаты (18,3 %). Следующая позиция – машины и оборудование (16,6 %). Потом – промышленные товары народного потребления (10,3 %), остальные позиции меньше 10 %.

Итак, в 1913 году было экспортировано машин и оборудования на сумму 3,1 млн руб., ввезено на 179,3 млн. Как-то непохоже это на внешнюю торговлю развитой страны, вы не находите?

И наконец, еще один важный вопрос: в какой степени российская промышленность была российской?

Можно сколько угодно спорить, на кого на самом деле работал Троцкий, – но дураком он не был и в экономике понимал. И вот какой интересный факт подметил Лев Давидович, сравнивая США и Россию.

«Мелкие предприятия, с числом рабочих до 100 человек, охватывали в 1914 году в Соединенных Штатах 35 % общего числа промышленных рабочих, а в России – только 17,8 %. При приблизительно одинаковом удельном весе средних и крупных предприятий, в 100–1000 рабочих, предприятия-гиганты, свыше 1000 рабочих каждое, занимали в Штатах 17,8 % общего числа рабочих, а в России – 41,4 %! Для важнейших промышленных районов последний процент еще выше: для Петроградского – 44,4 %, для Московского – даже 57,3 %. Подобные же результаты получаются, если сравним русскую промышленность с британской или германской»¹⁰.

Как такое может быть? С одной стороны – крестьянская страна с сельскохозяйственным производством на уровне феодализма, с другой – рекордное количество крупных предприятий. Только одним образом: если промышленность не выросла в результате естественного развития страны, а была импортирована. Тот же Троцкий пишет: *«Тяжелая промышленность (металл, уголь, нефть) была почти целиком подконтрольна иностранному финансовому капиталу, который создал для себя вспомогательную и посредническую систему банков в России. Легкая промышленность шла по тому же пути. Если иностранцы владели в общем около 40 % всех акционерных капиталов России, то для ведущих отраслей промышленности этот процент стоял значительно выше».*

Уже в конце XIX века 60 % капиталовложений в российскую тяжелую промышленность и горное дело были заграничными. Англо-французский капитал контролировал 72 % производ-

⁹ Внешняя торговля России в 1913 году // https://istmat.org/files/uploads/17721/vneshtorg_1918-1966_prilozhenie.pdf?ysclid=Irsace7q86398307351

¹⁰ Троцкий. История русской революции. Т.1. М., 1997. С. 39–40.

ства угля, железа и стали, 50 % нефти – а ведь были еще капиталы бельгийские, немецкие, даже американские... Иностранцы вкладывали деньги в то, что им было нужно, развивая не экономику в комплексе, а отдельные отрасли – попросту пользуясь тем, что труд в России дешевле, чем в Европе. Формально их предприятия входили в российскую экономику, а фактически иностранцы использовали страну как колонию, производя нужные им товары и качая прибыли.

«Можно сказать без всякого преувеличения, что контрольный пакет акций русских банков, заводов и фабрик находился за границей, причем доля капиталов Англии, Франции и Бельгии была почти вдвое выше доли Германии»¹¹.

Можно ли вообще такую промышленность назвать российской? И какое будущее ожидало страну с такой экономикой, даже если бы не было войны?

Только одно: промышленный подъем уперся бы в отсутствие платежеспособного спроса и прекратился сам собой. Ну, выжили бы добывающие отрасли, работающие на границу, – нам-то что с этого? Проходили в 90-е, знаем. Нефть, полезные ископаемые, золото вывозят по дешевке, производства при ближайшем рассмотрении оказываются «отверточными». Большевики могли себе позволить индустриализацию, потому что практически все производства были государственными и всё производимое – госзаказом, а государство в принципе тем или иным способом платежеспособно. А как это делать при капитализме?

«Думская делегация, нанеся дружественные визиты французам и англичанам, могла без труда убедиться в Париже и Лондоне, что дорогие союзники намерены во время войны выжать из России все жизненные соки, чтобы после победы сделать отсталую страну полем своей экономической эксплуатации. Разбитая Россия на буксире победоносной Антанты означала бы колониальную Россию»¹².

И как только наступит удобный момент, они попытаются уже прямой военной силой приобрести себе русские колонии. В этом, а вовсе не в идеологическом или мировоззренческом противостоянии смысл Гражданской войны.

Так что вовсе не так всё было шоколадно в экономике. От Индии оторвались, до Европы не добрались, зависли где-то посередине, и вовсе не факт, что движение продолжилось бы. Тем более иностранным хозяевам русских предприятий совершенно не нужен был конкурент их основных заводов. Одно дело – создать в Питере или в Туле фабрику швейных машинок, чтобы поближе к потребителю, и совсем другое дело – сложное высокотехнологичное производство, да еще и пресловутый «полный цикл», когда все необходимое производится внутри страны. Интерес «мирового сообщества» к нашей стране всегда был один и тот же: в политике – сателлит, в экономике – сырьевой придаток. И с чего бы в начале XX века было иначе?

¹¹ Троцкий. История русской революции. Т.1. М., 1997. С. 39–40.

¹² Там же. С. 56.

Пейзаны и морок

Впрочем, экономическое развитие государства не имеет прямого отношения к революции. Не все богатые страны живут тихо, не все бедные бунтуют. Просто эта сказка была первой.

«Россия, которую мы потеряли». Есть в фильме сквозной персонаж: бабулька девяносто семи лет. Сидит рассказывает, как жила её семья до революции. У её отца было четыре дойных коровы, пять-шесть лошадей да жеребец. Мяса стояли соленого кадки, хлеба было сколько угодно. Пришла советская власть – «и оборвали всех».

Кто они, эти «советские», от которых всё прахом пошло? Марсиане, рептилоиды, змеи-искусители или искушённые змеем? Вспомним фильм.

«Россия, которую мы потеряли». *«Как так случилось, почему Господь отнял у людей разум, как можно было разграбить и уничтожить такую богатую страну?»*

Советские историки утверждали, что движущей силой революции являлся рабочий класс. Им и положено это утверждать, потому что они были марксистами. А по Марксу, социалистическую революцию должны делать рабочие, городской пролетариат – которому нечего терять и который привык на своих заводах к коллективным действиям¹³. А крестьяне – мелкобуржуазная стихия, скопище индивидуалистов и что они могут?

В Европе, где великий теоретик прожил жизнь, возможно, так и было. Но не в России. Русские пролетарии большей частью являлись рабочими в первом поколении, маргиналами, перебравшимися в город из деревни. Ну, самое большее – во втором. С маргиналами удобно работать, ими легко управлять, формировать в партии и профсоюзы, пропагандировать любые идеи – чем и занимались русские социал-демократы. Но по-настоящему организованной была русская деревня. Крестьяне, спаянные веками общинной жизни, четко знающие свои интересы и неуклонно их отстаивающие, – их нельзя было ни сдвинуть, ни переубедить – только гладить по шерсти¹⁴.

А какие были у них интересы? Могло ли русское крестьянство быть тем классом, который поддержал революцию?

Да не только могло – без него ни у каких революционеров просто ничего бы не вышло. В начале XX века в городах Российской империи проживало 14,2 % населения¹⁵. Остальные 85,8 % жили в деревне и в большинстве своем занимались сельским хозяйством. Если бы их устраивала прежняя жизнь, все события 1917 года так и остались бы поверхностной пеной, городским бунтом. Сменили бы царя, приняли Конституцию, у кого-то права бы расширили, у кого-то урезали – все это жизни абсолютного большинства российского населения не касалось никак. Почему же тогда уже с начала марта 1917 года запылали сельская Россия? Если крестьянство, как утверждает бабушка из фильма, крепло и богатело...

Согласно официальной версии, как советской, так и антисоветской, крестьяне хотели земли. Вот только это – еще один морок. Потому что земли-то они и вправду хотели – кто ж откажется от дармовой прибавки? Но вот какой именно земли, почему хотели и сколько её было – в этих-то частностях все собаки и прикопаны...

Бразоль. *«Ходячее мнение, издавна пущенное в оборот социалистами всех толков, будто крестьяне были “обездолены землею”, ни на чем не основано. В действительности Царское Правительство систематически стремилось увеличить площадь крестьянского земле-*

¹³ Это, конечно, вульгарный марксизм – однако нас в школе учили именно так.

¹⁴ Кстати, мгновенно вспыхивавшие стачки, где десятки и сотни людей действовали, как один человек, тоже отражение деревенской общинности. Сход приговорил – все выполняют...

¹⁵ Данные на 1913 год.

владения, причём эта аграрная политика получила особенное развитие в царствование Императора Николая II... Накануне февральской революции крестьянам на началах собственности и аренды принадлежало: 100 % пахотных земель в азиатской России и около 90 % всей площади Европейской России».

На самом деле господин Бразоль клеветает на правительство последнего царя. Оно принимало много самоубийственных шагов, но в этом конкретном неповинно. Земля переходила к крестьянам по более прозаической причине: после реформы 1861 года большинство помещиков не сумели справиться с ведением хозяйства в новых условиях и постепенно разорялись. Почему-то не получалось у них без рабов. Но правительство тут было совершенно ни при чем. А главное, каждая полученная крестьянами десятина добавляла новый штрих на печати, коей был прилеплен смертный приговор империи. Если бы крестьянам принадлежала хотя бы половина земель, Российская империя могла бы выжить. При таком раскладе она была обречена.

А знаете, какой процент земли принадлежал крестьянам после большевистской революции? Ноль целых и ноль в периоде! Декретом о хлебе земля, леса, недра – все было объявлено государственной собственностью. И никто не кричал: «Обманули!» Деревню это вполне устроило. А как же лозунг «Земля – крестьянам?».

Как говорила Алиса, та, которая гуляла по Стране чудес, «все чудливей и странноватей»...

Почему русская деревня практически единодушно поддержала революцию? Какой бес и какими посулами ее попутал? Давайте все разнесем, и вместо того, чтобы есть в три горла, вы будете есть в четыре – как это было в перестройку? Или, может статься, причина была иной? Но какой?

История у нас – дама городская. Целые библиотеки посвящены грызне власти и оппозиции как в начале XX века, так и в 20-е годы. Там описаны в качестве судьбоносных все политические группы и течения, вплоть до самых мелких, из трех интеллигентов с пятью мнениями. О да, конечно, это архиважно – какая оппозиционная шишка на ровном месте что сказала про власть!

А сколько написано про самый многочисленный класс России? Когда я писала «Битву за хлеб», практически любые данные доставались в ходе такого квеста! Да чего там мелочиться – даже у самого слова «крестьянин» выявилось как минимум три значения: крестьянин как сельскохозяйственный труженик, как деревенский житель и как сословная принадлежность. И они не совпадали! Сталин, например, от самого рождения городской житель, в паспорте писался как крестьянин. Сословие!

А с другой стороны, чего про них писать – все же понятно! Жили крепкие мужички, пахали землю, сеяли хлеб, кормили Европу. Потом пришли злые большевики... впрочем, это уже другая история. А так народ был силен, богобоязнен, семьи крепкие и многодетные, ржи-пшеницы хватало и себе, и людям... Бунтовали, правда – так это потому, что народ добр и наивен, легко поддается на зловредную агитацию.

Только это не крестьяне, это пейзаны. Те, что видны из окна поезда или с балкона барской усадьбы. В сказочке о процветающей России они представляют из себя некую однородную массу. Вшестеро меньший слой горожан разобран и изучен. Тут тебе и дворяне, и чиновники, и мещане, и рабочие, и прислуга. Даже нищих не позабыли, городское дно. А на селе все в равной степени хлебоборобы, одинаковые статистические единицы. А ведь удобно! Взять усредненного пейзанина, скажем, Хоря из «Записок охотника» (а других где возьмешь? Русская литература мужичками читателя не баловала), умножить на 130 миллионов и заявить: вот, мол, как жила деревня.

Именно так и поступил Столыпин в своей речи перед Думой, где он говорил о планируемой реформе, всячески расписывая деревенского хозяина, инициатива которого скована

задубевшими общинными порядками. А через десять лет после начала его реформы сельская Россия запылала от края до края, и общинники с «хозяевами» схлестнулись в лютой битве. И скажете, что Столыпин со своей *экономической* реформой был тут ни при чем! Точнее, пока его реформа обеспечивалась «стольпинскими галстуками» и его же имени командами усмирителей, она шла, а как только сил у правительства поубавилось, тут-то и грохнуло!

Неужто только потому, что пришли злые революционеры, или морок напал на русский народ, и он начал, взбесившись с жиру, разрушать собственное государство?

Игра в цифирки

Одним из основных тезисов монархистов является тот, что до 1917 года Россия была передовой сельскохозяйственной державой мира. А как могло быть иначе, если 85 % ее 170-миллионного населения занималось сельским хозяйством?

Но вот вопрос: в каком смысле передовой? Если по количеству сельского населения – точно впереди. Найдите еще страну, претендующую на то, чтобы считаться развитой, у которой в городах проживает 15 % населения, а на селе, соответственно, 85 %.

У передовых стран Европы такое соотношение, как в России, было в конце XVII – начале XVIII века. По состоянию на 1910 год в Великобритании в городах жило 69 %, в Германии – 49 %, в США и Канаде (кстати, крупных экспортерах сельхозпродукции) – 41,1 % населения¹⁶.

В США три крестьянина кормили двоих горожан и еще для экспорта оставалось, в России для прокормления троих горожан требовалось семнадцать хлеборобов. Чем они там занимались в деревне – мотыгами, что ли, землю ковыряли, как во времена фараонов? Или, наоборот, выращивали столько, что могли завалить зерном полмира?

Борис Бразоль. *«Накануне революции российское земледелие было в полном расцвете. В течение двух десятилетий, предшествовавших войне 1914–1918 гг., сбор урожая хлебов удвоился. В 1913 г. в России урожай главных злаков был на 1/3 выше такового же Аргентины. Канады и США, вместе взятых...»*

Всё очень замечательно, но глаз цепляется за одно слово: «главный». Что считать главными злаками? В России это пшеница, рожь, ячмень, овёс. В 1913 году их собрали 5,1 млрд пудов. В Аргентине, Канаде и США, вместе взятых, – 3,7 млрд. Да здравствует великая Россия, так оно и есть!

Но позвольте спросить, а что считается главными злаками в США? А есть там один такой, совершенно непопулярный в России, зато в Штатах в 1913 году его валовый сбор был втрое больше, чем пшеницы. Кукуруза называется! Которой в России собрали всего 129 млн пудов, а в США – 3,8 млрд! А теперь подсчитаем валовый сбор не четырех, а пяти основных злаков в США и в России: 6,4 млрд и 5,3 млрд пудов соответственно!¹⁷ Как видим, Аргентина с Канадой нам уже не нужны.

Вот так наши господа ностальгисты и работают!

Теперь о пресловутом «удвоенном» урожае. Простите, от года к году урожаи в России скакали с проворством блохи, так что результат зависит от того, какой год с каким сравнивать. Скажем, в 1894 году было собрано 2969,8 млн пудов зерновых, а в 1914-м – 3276 млн. Ну никак не выходит в два раза, как ни старайся, какие-то жалкие 10 %. А теперь возьмем 1895-й (2673, 2 млн пудов) и 1913-й (4265,4 млн) и получим около 60 %. А если мы приплетем сюда антирекордный 1897-й (2263,3 млн) – так почти вдвое натянем¹⁸. С тем же успехом можно и отрицательную динамику продемонстрировать – все в наших руках.

Но даже это ещё не самое интересное.

Мне бы очень хотелось знать: каким образом вообще подсчитывался валовый сбор зерновых? Это в СССР было просто, колхозы и совхозы собрали урожай, подсчитали, отчитались. Кроме них, никто хлеба не сеял, ибо какой интерес, если даже в далеком селе его можно купить в магазине?

¹⁶ Доля городского населения в различных странах мира в 1800–1910 годах // <https://andrew-vdd.livejournal.com/8950.html?ysclid=lrp2dqxmpa238288516>

¹⁷ Медведева Т. Россия и мировое сельское хозяйство в 1913 г. // [file:///C:/Users/Vi/Downloads/rossiya-i-mirovloe-selskoe-hozyaystvo-v-1913-g-%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/Vi/Downloads/rossiya-i-mirovloe-selskoe-hozyaystvo-v-1913-g-%20(2).pdf)

¹⁸ Цифры приведены по: Обухов В. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883–1915 гг. // <https://istmat.org/node/21586?ysclid=lqzpj5njfx730304516>

А когда в деревне сто хозяев, у каждого по десять полосок и на каждой полоске – на каждой! – разный размер и разная урожайность. Неужели статистики бегали по всем деревням, спрашивая у каждого крестьянина о том, сколько зерна он собрал на каждом из своих полей? Да, а крестьянин еще и честно отвечал, не приbedняясь на всякий случай...

Скорее всего, при подсчетах брали навскидку какие-то поля, подсчитывали сбор с десятины и умножали на площадь посева уезда или губернии, благо землемеры работают, и она то более-менее известна.

А откуда брали сбор с десятины? Как решается сия загадка статистики? О, это диво дивное! За статистику в империи отвечали аж три ведомства: Центральный статистический комитет при МВД, статистические органы при земствах и статистические органы при Департаменте земледелия. Ну, то, что эти конторы давали разные результаты – так это и к бабке не ходи, но сам метод сбора! ЦСК рассылал анкеты, по 12 в каждую волость (по 6 для яровых и 6 для озимых культур). По Европейской России охват был около 100 тысяч хозяйств плюс еще сколько-то для остальной части империи. И это из 20 миллионов хозяев!¹⁹

Но и это ещё не всё. Как вы думаете, кому рассылались анкеты и кто на них отвечал? Чтобы справиться с таким многотрудным занятием, человек должен быть хотя бы грамотным. Грамотных по деревням насчитывалось не больше 20 %, и, как нетрудно догадаться, группировались они в деревенской верхушке. А у помещиков и у богатых крестьян урожайность выше, поскольку и поля обрабатываются лучше, и удобрений больше. Поэтому валовый сбор изначально был завышен. Насколько? А кто ж его знает... Урожайность могла гулять от 50–60 пудов с десятины у зажиточных хозяев до 25–30 у бедняков в одной и той же деревне и в одно лето.

Урожайность, кстати, не менее важный показатель, чем валовый сбор. Ее тоже непонятно как подсчитывали... то есть понятно как: условный валовый сбор делился на общую посевную площадь. Если вынести за скобки рекордно урожайные и рекордно неурожайные годы, она держалась где-то на уровне 45–55 пудов с десятины, или 7,5–9 ц с гектара (и опять, с учетом крестьянских полосок, показатель наверняка завышен). Это в нашей передовой сельскохозяйственной державе – а что за границей?

Возьмем рекордный для страны по урожаю 1913 год и сравним с другими странами. В России в том году урожай пшеницы составил 8,2 ц с га. В США, где тоже было сколько угодно земли, большие расстояния и сложная логистика, что естественным образом ограничивало применение удобрений, все же 10,2 ц. А вот сколько собирали в по-настоящему передовых государствах: Великобритания – 22,3 ц, Бельгия – 25,2 ц, Германия – 23,5 ц с га, т. е. в три раза больше, и это ведь не предел.

А ещё есть такой замечательный показатель, как товарность: какой процент продукции хозяйства идет на продажу. Именно товарность определяет, сколько горожан может прокормить один крестьянин. А тут у нас вообще все весело!

Сейчас только самый ленивый не приводит знаменитую таблицу из доклада Сталина «На хлебном фронте» (1927). Согласно ей, до войны товарность сельского хозяйства России выглядела так:

¹⁹ Башкин А. Урожай тридцатых или украденные достижения // <https://istmat.org/node/21358?ysclid=luibclh8cy255841828>

		Валовая продукция хлеба		Товарный хлеб (внедеревенский)		
		Млн пуд.	%	Млн пуд.	%	% товарности
1	Помещики	600	12,0	281,6	21,6	47,0
2	Кулаки	1900	38,0	650,0	50,0	34,0
3	Середняки и бедняки	25000	50,0	369,0	28,4	14,7
	Итого	5000	100	1300,6	100	26,0

Как мы видим, общая товарность российского сельского хозяйства составляла 26 %. То есть на уровне «средней температуры по всем больницам империи», чтобы прокормить одного горожанина, нужно было четыре крестьянина. Троих, соответственно, должны были кормить двенадцать, а оставшиеся пять из семнадцати обеспечивали экспорт.

Впрочем, как водится, везде много нюансов, или, говоря образно, дьявол прячется в деталях.

Частновладельческих, или, иными словами, помещичьих, хозяйств перед войной насчитывалось около 76 тысяч. Владели они 7,2 млн десятин, или в среднем по 100 десятин на душу помещика. Тоже, как видим, те еще агрогиганты, но попадались в этом садке и довольно крупные рыбы. 9,9 тысячи из общего числа засевали около 55 % общей помещичьей площади, или 4 млн десятин. Тут уже приходится 400 десятин на хозяйство. И лишь 2,7 тыс. хозяйств (3,2 %) имели посев более 500 десятин²⁰.

Какая-то часть хозяев действительно занималась своим делом всерьез – применяли машины, покупали сортовые семена, изучали передовые технологии. Но что такое даже 4 млн десятин по сравнению с общей посевной площадью державы, которая составляла в 1914 году 107 миллионов?²¹ Меньше четырех процентов!

Большинство же мелких помещичьих хозяйств не слишком отличались от крестьянских: та же архаичная технология обработки земли, лишь чуть-чуть получше по качеству за счет более сытых лошадей, поперечной вспашки, какой-нибудь прикупленной сеялки-жнейки. Это качество давало прибавку на пару десятков пудов с десятины по сравнению с крестьянами, но и только. Отсюда и такая низкая товарность (совхозы, например, даже в первые годы своего существования давали около 60 % товарной продукции). Надо было оставлять зерно на семена, на прокорм скота, да и работу батраков большей частью оплачивали не деньгами, а натурой. Правда, многие хозяйства имели свои винокуренные заводы и мельницы, что несколько повышало товарность за счет разных скрытых механизмов. Как бы то ни было, при 12 % валового сбора помещики давали 21,6 % продаваемого хлеба и имели товарность 47 %. Даже при том, что их насчитывалось очень мало, при дальнейшем укрупнении хозяйств это был перспективный путь развития аграрного сектора. Но не они определяли состояние пресловутого сектора, увы... Для этого их было слишком мало.

Зажиточных крестьянских хозяйств, именуемых в таблице кулаками, насчитывалось около 5 %, или примерно 1 млн хозяйств. Составляя 5 % от общего числа хозяйств, они производили 38 % валового сбора и половину товарного хлеба. Кстати, а как они ухитрились это делать? Давайте посчитаем, безбожно завышая при этом показатели. Самые зажиточные кре-

²⁰ Сельское хозяйство в 1910–1914 гг. // <https://www.winstein.org/publ/36-1-0-2470>

²¹ Сидоров А. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. 1973 // https://sergeyhry.narod.ru/txt/sidorov_a_/econom_rus_ww1_014.htm

стьянские хозяйства имели наделы не более 15 десятин (те, у кого больше, составляли такой ничтожный процент, что ими можно пренебречь). Урожайность возьмем среднюю в хороший год – 50 пудов с десятины. Совершив простую арифметическую операцию с этими очень завышенными цифрами, мы получим валовый сбор кулацких хозяйств в 750 млн пудов. Откуда же взялись остальные 1200 миллионов?

Дело в том, что кулак являлся не только и не столько хлеборобом, сколько мелким сельским предпринимателем. Во-первых, ростовщиком: давал займы зерно, лошадей, инвентарь. Оплату он, естественно, получал натурой – зерном, отработкой, землей «в аренду». Одному хозяину дал весной семян, получив осенью за каждый мешок два. У другого за долги прибрал земельный надел, третьему, тоже за долги, велел его обработать, а урожай положил себе в амбар. Кроме того, промышленляли они еще и скупкой зерна у бедных хозяев, которым не было резона ехать на ярмарку ради десятка пудов. Так вот, по зернышку, и набегали 38 % валового сбора.

Назвать кулацкий путь развития сельского хозяйства перспективным язык не поворачивается. Скорее это был путь к гражданской войне на селе – как в итоге и получилось.

Но общее состояние аграрного сектора определяют не передовики производства, а основная масса хозяйств. Сколько, кстати, их было? А вот это тайна! Общее число крестьянских дворов я не нашла ни в одном справочнике. Пришлось идти, как «нормальному герою», хитрым обходным путем. В справочнике «Россия. 1913 год»²² мне удалось найти таблицу распределения сельскохозяйственных машин по дворам. Выбрав из списка сенокосилку, я выяснила, что одна такая машина приходится на 104 двора. А всего на 1910 год в Российской империи их было 200 380 штук. Перемножив эти два числа, я получила без малого 20,8 млн дворов (округлим до 21 млн). Видите, какой занимательной наукой иной раз бывает история?

Итак, 20 млн прочих хозяев производили половину хлеба, если считать по валу, и поставляли на рынок всего лишь 28,4 % продаваемого зерна.

Ну и толку с них для державы? Если бы этих хлеборобов вообще не существовало, стране была бы ощутимая выгода. Они поставляли всего 30 % товарного хлеба, а численность их – 115 млн человек, три четверти населения. И ведь все есть хотят! Средняки еще туда-сюда, а беднота, с точки зрения экономики передовой сельскохозяйственной державы, точно лишняя на этом свете, поскольку поставляет на рынок своего продукта меньше, чем его же с того рынка потребляет.

Так что вал – он, конечно, вал, но не от всех и не для всех.

Бразоль. *«В царствование Императора Николая II Россия была главной кормилицей Западной Европы...»*

До чего всё же умилительно это постоянное стремление вроде бы патриотично настроенных людей привязать историю своей страны к Европе. То Россия от татар западных соседей спасала, то от революции, то от Наполеона. Да и еще кормила... И никакой благодарности!

А холопов и не благодарят, ими пользуются и держат в людской. И все эти прогибы: «Ах, мы кормили, защищали, по-французски говорили!» – производят впечатление исключительно на самих холопов, преисполняя их особого рода гордостью. Никто не задумывался, почему Сталин, характеризуя отношение нашей интеллигенции к Западу, выбрал именно слово «низкопоклонство»? Не самое распространенное, но, надо полагать, оно показалось ему самым точным.

²² Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. Российская академия наук. Институт российской истории. СПб., 1995 // <https://istmat.org/node/188>

А теперь проиллюстрируем этот термин. Да, действительно, в 1913 году Россия вывезла около 555 млн пудов зерновых, что составило примерно четверть мирового экспорта²³. Но... опять это отвратительное «но».

В 1913 году (хороший урожайный год) Россия производила 471 кг зерна на душу населения. Англия, Франция, Германия чуть меньше – 430–440 кг, Канада – около 800 кг, США – более 1000 кг, Аргентина – 1200 кг. При этом три европейских страны зерно покупали. Экспортерами были Канада, США, Аргентина и... Россия, у которой меньше 500 кг на душу. Получается, что немцам не хватало зерна, а России при таком же душевом производстве – хватало? Или она буквально реализовывала знаменитый лозунг: «Недоедим, но вывезем»?

Думаю, что недоедали все же одни, а вывозили другие. Но... правительство на это спокойно смотрело. Никаких запретительных пошлин на вывоз, даже определённая гордость присутствует: «Мы кормим Европу!»

Полагаете, это высокое христианское смирение? А я вот думаю, что это колониальная экономика...

²³ *Медведева Т.* Россия и мировое сельское хозяйство в 1913 г. // [file:///C:/Users/Vi/Downloads/rossiya-i-mirovloe-selskoe-hozyaystvo-v-1913-g-%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/Vi/Downloads/rossiya-i-mirovloe-selskoe-hozyaystvo-v-1913-g-%20(2).pdf)

Сколько в России сытых?

«Россия, которую мы потеряли». «Крестьянство крепло...»

Всё ж таки делать серьёзные выводы, основываясь на рассказе одной 97-летней бабушки, несколько опрометчиво. Кто ж спорит – были и такие хозяйства. Вопрос в другом: сколько их было? Можно ведь плакать и по России 1990-х, наверняка найдутся такие, что радостно рассказывают, как ездили на «мерседесах» и завтракали икрой и шампанским, а потом пришли злые кагэбэшники и «всех ободрали».

Что-то не припомню я, чтобы в великой и не очень великой русской литературе того времени отражалась безбедная крестьянская жизнь²⁴. Да и живопись дореволюционная никакого особого изобилия не отражает. Фотографии тоже... очень разные. А уж видеоряд, приведенный в фильме, – вообще беда. Идет мужик с сохой за лошадежкой по кочковатой полоске. Крестьянка жнёт серпом, мужики лупят по урожаю цепями. Если бы в Киевской Руси существовали кинохроника, можно было бы поиграть в игру «найди пять различий с Микулой Селяниновичем».

Давайте рассмотрим, очень в общих чертах, на уровне «средней температуры по больнице», экономику крестьянского двора Российской империи, находящегося примерно на «черте бедности». Которых, кстати, было две – статистическая и внутридеревенская.

Статистически бедняцкими в России считались хозяйства, имевшие не более 5 десятин земельного надела, не больше одной лошади и одной коровы. Это, так сказать, граница между бедняком и середняком. Экономист 20-х годов Лев Литошенко в книге «Социализация земли в России» приводит следующую таблицу, составленную по 25 губерниям на 1917 год. Никаких большевиков еще и близко не было, да и Февраль повлиял скорее положительно, прибавив и скота, и инвентаря.

По посеву (в десятинах)		По числу лошадей		По числу коров	
Группы	Уд. вес хозяйств, %	Группы	Уд. вес хозяйств, %	Группы	Уд. вес хозяйств, %
Без посева	11,49	Без лошади	28,75	Без коровы	18,18
До 1,0	10,34	С 1 лошадей	47,62	С 1 коровой	56,68
1,1—2,0	18,36	С 2 -//-	17,57	С 2 коровами	18,94
2,1—4,0	28,92	С 3 -//-	3,98	С3 -//	4,30
4,1—6,0	14,65	С 4 -//-	1,24	С4 -//	1,23
6,1—10,0	11,16	С 5 и более	0,84	С 5 и более	0,67
10,1—16,0	3,84		100,00		100,00
16,1—25,0	0,98				
25 и более	0,26				
	100,00				

Этот материал предоставила статистическая выборка, в основу которой положено исследование 427 тысяч крестьянских хозяйств по 25 губерниям. Исследование не тотальное, однако

²⁴ Великая русская литература и вообще-то мужичка не баловала, она все больше про «дворянские гнезда»...

довольно масштабное. Как мы видим из таблицы, бедняцких хозяйств, по всем трем показателям, насчитывалось около 75 %. Другие выборки показывают то же самое.

Ну, а в деревнях делили по-другому – на тех, кто способен и кто не способен прокормиться своим хлебом до нового урожая. Это внутридеревенская «черта бедности». Совпадает ли она со статистической?

Итак, возьмем хозяйство «на черте» – одна лошадь, одна корова, разве что надел уменьшим до 4,5 десятины, но это чисто для удобства вычислений. Способно ли оно прокормиться своим хлебом до нового урожая?

На дворе у нас хороший урожайный год, зерна собирают по 50 пудов с десятины. А с надела? Думаете, 50 надо умножить на 4,5? Ан нет! В абсолютном большинстве российских хозяйств использовалось трехполье: два поля пахут, третье лежит под паром, отдыхает. Поэтому 50 мы должны умножить на три, после чего получаем валовый сбор с надела данного хозяйства – 150 пудов.

Теперь считаем расход. По 12 пудов на десятину требуется оставить на семена. Итак, 36 пудов долой – остается 114 пудов.

Дальше. Сколько зерна требуется, чтобы прокормить семью? Возьмем так называемый «физиологический минимум» довоенного образца, тот, ниже которого уже голод. Это норма, которую продотряды в 1918 году должны были оставлять хозяйствам на прокорм семьи и скотины. Большевики свои нормы тоже не с потолка взяли – в 1906 году данный уровень потребления был зарегистрирован в 235 уездах с населением 44,4 млн человек. Год был неурожайный, зерновых по стране собрали всего 2,5 млрд пудов при численности населения чуть меньше 150 млн человек, однако серьезного, смертного голода зафиксировано не было²⁵.

По этой норме на человека требуется 12 пудов зерна. А сколько людей в среднем было в семье? И вот тут меня ждал еще один сюрприз. Я решила пойти самым простым путем: разделить число крестьян на количество хозяйств. Получилось пять человек. Вот тебе и знаменитая крестьянская многодетность! Нет, рожали-то помногу, но детская смертность была колоссальная. В России в начале XX века до двух лет доживало где две трети младенцев, а где и ещё меньше. Дальше тоже умирали, но уже не в таком количестве, хотя голод и эпидемии все равно собирали свою жатву. Так что все сходится: родили десятерых, осталось трое²⁶. Или двое и бабушка на печке.

Итак, по минимальной, *физиологической* норме на прокорм семьи требуется 60 пудов. Остается 54. Не надо забывать про гарнцевый сбор – плату за помол зерна на мельнице, который составлял от 5 до 10 %. Возьмем среднее – еще 4 пуда. Остается 50.

По той же самой физиологической норме 18 пудов зерна полагалось на лошадь, девять – на корову. Допустим, живности на дворе по минимуму – нет ни коз, ни овец, ни даже кур, которых тоже зерном кормили. В остатке получим 23 пуда. Это на продажу. Рожь в начале века стоила около 60 копеек за пуд, так что получит хозяин за нее примерно 14 рублей. С этих денег надо заплатить налоги (а до 1907 года и выкупные платежи), купить всякое для хозяйства, чего самостоятельно не изобразишь, – от инвентаря до соли. Дрова, кстати, во многих уездах тоже покупали, поскольку далеко не у всех общин были свои леса, а без дров сельскому жителю в нашем климате никак. Да и запас зерна, если есть, неплохо хоть как-то пополнить – кто его знает, каким будет следующий год?

Как видим, это действительно черта бедности в обоих смыслах – наш двор может прокормиться до нового урожая и покрыть свои самые неотложные нужды. Но это почти середняцкое хозяйство в хороший год. А если год не очень хороший и собрали по 40 пудов? Или,

²⁵ А локальные голодовки почти каждый год где-нибудь, да были.

²⁶ История моей собственной семьи это подтверждает. Прабабушка, крестьянка Выборгской губернии, родила шестнадцать детей. В живых, по рассказам бабушки, к началу Гражданской войны осталось шестеро.

не дай Бог, и вовсе неурожай? А если надел не 4,5 десятины, а меньше? А если нет лошади и за каждый день аренды надо платить или отработать?

...Что-то я не припоминаю, чтобы при социализме народ как-то особо объедался. Питание было достаточным, но не чрезмерным. Писатель Кара-Мурза приводит таблицу: сколько и каких продуктов в год потребляли жители предреволюционной России и жители СССР в 1986 году, который у нас считался *неблагополучным*²⁷ (данные приведены в килограммах).

	Рабочие		Крестьяне (колхозники)	
	До революции	1986г.	До революции	1986г.
Мясо и мясо продукты	22,5	82,2	14,9	58,7
Молоко и молочные продукты	87,0	340,9	107,0	350,7
Яйца, шт.	53	277	33	294
Рыба и рыбопродукты	14,5	21,2	5,5	14,8
Сахар	9,4	35,3	3,0	41,3
Картофель	90,2	92,1	77,7	142,9
Овощи и бахчевые	41,0	82,5	25,5	96,1
Хлебные продукты	174,3	87,2	256,0	150,1

Рабочие в Российской империи тоже не булками объедались. Но получается, что крестьянин, производитель еды, питался даже хуже, чем рабочий. 3 яйца в месяц на душу населения, 250 г сахара, 6 кг картошки (200 г в день). Даже овощей всего 2 килограмма – это какие же у них были огороды? Зато хлеба аж по 700 грамм в день (в войну рабочая норма в тылу составляла 800 грамм, хотя работа на заводе легче крестьянской). Воистину, рай на земле!

Но вернемся к сельскому хозяйству. Не меньше половины русских крестьян не в силах были прокормиться со своих наделов. Как они обходились? По-разному. Кто-то уходил на заработки, (аж до самого начала XX века многие фабрики работали только зимой, на лето рабочие расходились по деревням), зарабатывая семье на еду. Подмешивали в муку всякие суррогаты (отсюда поговорка: «Не то беда, что во ржи лебеда, а то беда, коли ни ржи, ни лебеды»), шли в кабалу к кулакам. Или умирали. Самым простым и естественным для русской деревни путем – непосредственно от голода или опосредованно – от недоедания, становясь легкими жертвами болезней.

²⁷ Составлено по материалам обследования семейных бюджетов.

Голод

Лев Толстой, хоть и великий писатель, для русского монархиста фигура неприятная. У него были проблемы с Церковью, он даже религию свою придумал. Однако нет никаких оснований считать, что по этой причине Лев Николаевич стал менее добросовестен в своем прямом ремесле. По крайней мере, его статья «О голоде» носит все признаки серьезного журналистского расследования. Речь в ней идет о крупном неурожае 1891 года (сколько той зимой погибло людей, неизвестно – их, похоже, и не считал никто, но по оценкам – до полумиллиона человек). Писатель побывал в четырех уездах Тульской губернии и честно описал увиденное:

«Первое впечатление, отвечающее в положительном смысле на вопрос о том, находится ли население в нынешнем году в особенно тяжелых условиях: употребляемый почти всеми хлеб с лебедой – с $\frac{1}{3}$ и у некоторых с $\frac{1}{2}$ лебеды – хлеб черный, чернильной черноты, тяжелый и горький; хлеб этот едят все, – и дети, и беременные, и кормящие женщины, и больные. Другое впечатление, указывающее на особенность положения в нынешнем году, это общие жалобы на отсутствие топлива... Бедствие несомненное: хлеб нездоровый, с лебедой, и топиться нечем».

Впрочем, не у всех было так плохо, во многих дворах имелись и овес, и картофель, да и хлеб с лебедой не всегда пекли от бедности. *«Оказывалось, что хлеб с лебедой был в этом случае не признаком бедствия, а приемом строгого мужика для того, чтоб меньше ели хлеба, – так же как для этой же цели и в изобильные года хозяйственный мужик никогда не даст теплого и даже мягкого хлеба, а всё сухой. “Мука дорогая, а на этих пострелят разве наготовишься! Едят люди с лебедой, а мы что ж за господа такие!”»*

Как вам такое, чтобы жалеть для собственных детей чистого хлеба? Последствия этого мы увидим позднее, в главе о медицине. Но это зажиточные дворы – а сколько тех, кому действительно нечего есть?

«Но не у всех есть и овес, и картофель; когда я переписал всю деревню, то оказалось, что из 57 дворов 29 было таких, у которых ржи уже ничего не оставалось или несколько пудов, от 5 до 8, и овса мало, так что при промене двух четвертей на четверть ржи им не хватит пищи до Рождества. Таковы 29 дворов; 15 же дворов совсем плохие... Некоторые уже теперь собираются».

Таковы приблизительно и другие деревни Крапивенского уезда. Процент богатых, средних и плохих почти один и тот же: 50 % или около того средних, т. е. таких, которые в нынешнем году съедят все свои продовольствия до декабря, 20 % богатых и 30 % совсем плохих, которым уже теперь или через месяц будет есть нечего».

То есть средние – это те, кому еды хватит максимум до Рождества. А богатые – надо понимать, те, что прокормятся своим хлебом до лета?

«Чем дальше в глубь Богородицкого уезда и ближе к Ефремовскому, тем положение хуже и хуже... Хлеб почти у всех с лебедой. Лебеда здесь невызревшая, зеленая. Того белого ядрышка, которое обыкновенно бывает в ней, нет совсем, и потому она не съедобна. Хлеб с лебедой нельзя есть один. Если наестся натоцкак одного хлеба, то вырвет. От кваса же, сделанного на муке с лебедой, люди шалют... Баба рассказывала, как девочка наелась хлеба из лебеды и ее несло сверху и снизу, и она бросила печь с лебедой...»

Здесь бедные дворы, опустившиеся в прежние года, доедали уже последнее в сентябре. Но и это не худшие деревни. Худшие – в Ефремовском и Епифанском уездах. Вот большая деревня Ефремовского уезда. Из 70-ти дворов есть 10, которые кормятся еще своим. Остальные сейчас, через двор, уехали на лошадах побираться... Грязь жилья, оборванность одежд в этой деревне очень большая, но видно, что это обычно, потому что такая же и в достаточных дворах. В этой же деревне слободка солдатских детей безземельных. Их дворов десять».

У крайнего домика этой слободки, у которого мы остановились, вышла к нам оборванная, худая женщина и стала рассказывать свое положение. У нее пять человек детей. Старшей девочке десять лет. Двое больны, – должно быть инфлуенцей. Один трехлетний ребенок больной, в жару, вынесен наружу и лежит прямо на земле, на выгоне, шагах в восьми от избышки, покрытый разорванным остатком зипуна. Ему и сыро, и холодно будет, когда пройдет жар, но все-таки лучше, чем в четырехаршинной избышке с развалившейся печкой, с грязью, пылью и другими четырьмя детьми. Муж этой женщины ушел куда-то и пропал. Она кормится и кормит своих больных детей побираясь. Но побираться ей затруднительно, потому что вблизи подают мало. Надо ходить вдаль, за 20–30 верст, и надо бросать детей. Так она и делает. Наберет кусочков, оставит дома, и, как станут выходить, пойдет опять...

В таком положении не только нынешний год, но и всегда все семьи слабых, пьющих людей, все семьи сидящих по острогам, часто семьи солдат. Такое положение только легче переносится в хорошие года. Всегда и в урожайные годы бабы ходили и ходят по лесам украдкой, под угрозами побоев или острога, таскать топливо, чтобы согреть своих холодных детей, и собирали и собирают от бедняков кусочки, чтобы прокормить своих заброшенных, умирающих без пищи детей. Всегда это было!

И причиной этого не один нынешний неурожайный год, только нынешний год всё это ярче выступает перед нами, как старая картина, покрытая лаком. Мы среди этого живем!»

Там, в этой статье, еще много всякой нечеловеческой жути. И это именно то, среди чего русский крестьянин жил – просто из года в год число голодающих семей менялось, но никогда не пропадало совсем.

Эта тема очень неудобна для апологетов «золотой России». Одно дело – развитость или там неразвитость и совсем другое – голод. Поэтому о нем просто стараются не упоминать. Однако до революции такое не прокатывало даже в официальных изданиях. Вот что писали о голоде в процветающей, высокоразвитой России Брокгауз и Ефрон, которых уж никак не обвинишь в большевистской пропаганде:

«После голода 1891 г., охватывающего громадный район в 29 губерний, Нижнее Поволжье постоянно страдает от голода: в течение XX в. Самарская губерния голодала 8 раз, Саратовская²⁸. За последние тридцать лет наиболее крупные голодовки относятся к 1880 г. (Нижнее Поволжье, часть приозёрных²⁹ и новороссийских губерний) и к 1885 г. (Новороссия и часть нечерноземных губерний от Калуги до Пскова); затем вслед за голодом 1891 г. наступил голод 1892 г. в центральных и юго-восточных губерниях, голодовки 1897 и 1898 гг. приблизительно в том же районе; в XX в. голод 1901 г. в 17 губерниях центра, юга и востока, голодовка 1905 г. (22 губернии, в том числе четыре нечерноземных, Псковская, Новгородская, Витебская, Костромская), открывающая собой целый ряд голодовок: 1906, 1907, 1908 и 1911 гг. (по преимуществу восточные, центральные губернии, Новороссия)»³⁰.

Сколько людей гибло в России от голода? А этого никто не знает. По большому голоду 1892 года данные разнятся, но историки сошлись на примерном числе в 500–650 тысяч. О прочих голодовках ничего не известно. Можно было бы «покачать на косвенных», но учет смертности людей на местах попросту не велся, даже записи церковных книг никто не систематизировал. Да и многие, в попытках спастись, уезжали и гибли где-то на дорогах империи. А запредельная детская смертность вообще нивелировала все показатели.

Да, но почему? Когда смотришь на карту, прямо-таки оторопь берет. Сколько в России земли – неужели она не может прокормить свое население?

²⁸ Этот том «Словаря» вышел в 1913 г.

²⁹ Санкт-Петербургская, Псковская, Новгородская и Олонецкая губернии.

³⁰ Цит. по: Пыхалов И. Кормила ли Россия пол-Европы? // Спецназ России. 2004. № 1.

Агрономия и выживание

Ну, во-первых, пахотной земли не так и много. Благословенная Сибирь, например, – это полоса вдоль Транссибирской железной дороги, остальное – тайга и тундра. Нет, можно распахать полоску где-нибудь на берегу Енисея, но только ради своих пирогов, до ярмарки ты урожай никаким образом не дотащишь, это ведь не связка соболиных шкурок, это груз увесистый. До постройки Транссиба толку от сибирского хлеба для страны вообще не было никакого – а вы думаете, почему его построили в рекордные сроки? Ради развития державы? Нет, чтобы удобнее было вывозить сибирские богатства.

В самой России пашни располагались поблизости от деревень – за десять верст пахать полоску не поедешь. Да и не так много было земли в густонаселенной Центральной России. На Севере, конечно, больше – но толку-то с неё? Опять только семье на пироги, и то не факт, что хватит. Население тех краев жило не полем, а лесом.

В Европейской России увеличить запашку было можно, но не так просто. Сильный работник с хорошими лошадьми, с хорошо кормленными в детстве и оттого тоже сильными сыновьями мог, в принципе, выделиться на хутор и разрабатывать новое поле – та еще каторга, кстати. Да и жизнь на хуторе специфическая – случись что, так и помощи не дождешься, разве что летом кто-нибудь, уйдя по грибы, наткнется на пожарище. В деревне же земли не прибавишь, все уже порасхватано.

Ну и куды крестьянину податься? Тем более, при российской урожайности даже в нашей огромной стране для прокорма населения земли не хватает. Остается одно: повышать производительность труда. Так? Да не так...

...Это не русский крестьянин собирал в среднем 8 центнеров зерна (или около 50 пудов) с десятины, а такова была средняя урожайность, рассчитанная путем деления валового сбора (подсчитанного среднепотолочным методом) на общую посевную площадь в урожайном 1913 году. А в реальности урожайность в крупных хозяйствах на хороших землях могла достигать до 70–80 пудов и даже больше, а на плохих – опускаться до 25–30 пудов.

Но дело, впрочем, не в урожайности и величине надела самих по себе. А в том, достаточны ли они были, чтобы прокормить земледельца и его семью. Мы уже разбирали экономику среднего крестьянского двора, находящегося на черте бедности, и выяснили, что примерно как-то, плюс-минус, но может. Однако ниже этой черты находились еще 75 процентов хозяйств – между прочим, 15 миллионов! – которые прокормить себя со своего надела заведомо не могли. И вот вопрос: почему так было и поддавалась ли эта проблема решению хоть в какой-то перспективе?

Возьмем ту же Европу, с ее катастрофическим малоземельем. В Дании 20-х годов, как пишет современный историк Иван Климин, *«наиболее типичным хозяйством было с 6 дес. земли, имеющее 3 лошади, 4 дойных коровы, 2 быка, 4 свиньи, куры, с урожайностью ржи 180–190 пудов с дес.; ячменя и овса – 220–240 пудов»*. Такое хозяйство никак крупным не назовешь, однако датские крестьяне не голодали. Да и немецкие бауэры со своими урожаями вчетверо против русских тоже не голодали.

Отчего же русский крестьянин не мог вести свое хозяйство так, как датский или немецкий?

Бразоль. *«Крестьянин, не чувствуя себя полным хозяином земли и не будучи уверен, что тот же участок попадет к нему и в следующий передел, относился к своей работе небрежно и терял чувство ответственности. Не имея собственности, которую надо было бы защищать, он так же небрежно относился и к чуждой собственности»*.

Это объяснение мы еще в школе проходили: мол, крестьянин плохо обрабатывал землю, потому что не был уверен, что этот участок через несколько лет останется в его пользовании. А урожай *этого* года ему что – не был нужен? Что-то не припомню я в кругу полевых работ действий, рассчитанных на долгую перспективу. Знакомые еще с букваря вспашка – удобрение – боронование – сев – прополка – жатва... Что из этого не относится к ближайшему урожаю? Плохая обработка скажется не через годы, а через месяцы, поставив хозяина на грань голодной смерти... Кстати, в половине общин переделы не проводились вовсе, а каких-то особых аграрных достижений не наблюдалось.

Это Столыпин, не к ночи будь помянут, видел в общине корень зла и удавку на шее русского земледелия – но у него был свой интерес, ему надо было проводить реформу по англосаксонскому, капиталистическому образцу³¹. Он всё надеялся получить на русских просторах немецких бауэров, собственников в европейском, либеральном понимании этого слова. Община же этим начинаниям отчаянно противилась.

Нет, конечно, она внесла свой мешочек лепт в разорение российского аграрного сектора, но была не единственной и даже не главной причиной его упадка. В ней, кстати, было и много хорошего. Именно община не дала по ходу русской истории выморить голодом миллионы мужиков как после 1861 года, так и в ходе столыпинской реформы. Именно на ее основе большевики с легкостью необыкновенной провели аграрную реформу, о которую обломало зубы два царских правительства – в 1861 и 1907 годах. Но она же породила два проклятия русского мира – чересполосицу и пресловутую «общинность».

Те, кто учился в школе в советское время, помнят эти термины. Но в учебниках не объяснялось детально, что это такое.

Пахотная земля принадлежала не отдельным хозяевам, а общине – то есть всем вместе, и делилась «справедливо». Выглядело это так. Сперва поля классифицировались по расстоянию на ближние, дальние, отдаленные и пустошные. Затем поля делились на участки по качеству почвы. И уже эти участки нарезались по дворам узкими (от 5 метров шириной) и длинными (иной раз до километра) полосками. При этом до 20 % земли уходило на межи – раз и невозможны были поперечная вспашка и боронование, что резко ухудшало качество обработки земли – два. Не говоря уже о том, что крестьянин не столько работал, сколько мотался между полями (если очень не повезет, таких участков на двор могло прийти несколько десятков).

Еще одно проклятье общины – пресловутая «общинность», то есть необходимость каждому человеку «делать, как все». Если бы речь шла только о накопленной веками мудрости и сельскохозяйственных приемах – так и слава богу. Но кроме них, существовали еще и накопленные веками суеверия, местные праздники, сопровождаемые пьянками, иной раз многодневными. И все это приходилось соблюдать, иначе прослывешь «не таким, как все», со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Впрочем, община – это не самый важный фактор отставания русского аграрного сектора. Главный – это крайняя слабость и архаичность крестьянских хозяйств при их невероятной многочисленности.

Основные средства производства в Российской империи в начале XX века были теми же, что и во времена Киевской Руси – соха, лошадь, мужик-работник. Вот как пахал землю Микула Селянинович во времена незапамятные, точно так же трудились на поле его потомки тысячу лет спустя.

«Крестьяне пахнут, сеют, жнут, как пахали, сеяли, жали за сто лет тому назад. Паренина везде существует, треть пахотной земли ежегодно остается бесплодной, жатва

³¹ В защиту Столыпина можно сказать, что другого варианта реформы тогда вообще не было. Чтобы провести аграрную реформу по большевистскому типу, требовалась совсем другая по дееспособности власть.

вообще едва ли приносит четыре зерна вместо 15 и 20 при усовершенствованном хозяйстве; да и сии скудные зерна суть обыкновенно рожь, овес, греча, малоценные и более истощающие землю, нежели упряжающие оную».

Эти строки написал председатель Вольного экономического общества Н. С. Мордвинов в письме Николаю I. Датировано оно 29 сентября 1833 года. Но могло быть написано и в 1913-м, поскольку ситуация практически не изменилась. Начало XX века на дворе, а в сельском хозяйстве применяется только ручной труд. Еще раз: начало XX века! Железные дороги, автомобили, телефон, телеграф, еще пара десятков лет – и будет изобретен телевизор. На фабриках крутятся машины, по полям войны грохочут танки – а в деревне все то же: лошадь, соха, грабли, лопата... Обработка земли – минимальная, лишь бы зерно кинуть. Семена – какие попало. Удобрения – навоз, да и того нет. Земля истощена до крайности, до предела: урожай сам-четыре (50 пудов) – это очень хороший показатель, но сплошь и рядом он сам-три, а в беднейших хозяйствах – сам-два. Почему?

Ну уж всяко не из-за общинных порядков. Мужик – он себе не враг. Трехпольная система, конечно, архаична, но сама по себе не вредоносна. Бывают лучше, но, если землю хорошо обрабатывать и удобрять, она дает неплохие урожаи.

Об обработке мы уже говорили. Теперь поговорим об удобрениях. После начала СВО эту тему не трепал только совсем уж ленивый, так что мы отлично знаем о роли минеральных удобрений в сельском хозяйстве. Плохо без них, очень плохо...

Как обстояло дело с минеральными удобрениями в Российской империи? До войны, в благополучные годы, в России их расходовалось 46 млн пудов в год. Из которых, кстати, только 13 % производилось в России, а большая часть (75 %) ввозилась из Германии, так что цена была соответствующая.

46 млн пудов – много это или мало? Общая площадь посевов в 1913 году, как мы помним, составляла 107 млн десятин. Получается около 4 кг удобрений на десятину. А сколько надо? На это отвечает «Справочник председателя колхоза» образца 1941 года, где приведена сложная таблица³². Не будем заморачиваться ее переписыванием (кому надо, Гугл в помощь), но суть в том, что *каждый* вид удобрения вносится десятками килограмм, а не по четыре в сумме. В российской реальности удобрения, конечно, не раскидывались по десять фунтов на десятину. Передовые хозяйства вносили их столько, сколько надо, а крестьянское море ни о чем таком и не слышало.

Единственным удобрением, доступным русскому крестьянину, был навоз. В том же «Справочнике председателя колхоза» говорится, что навоза надо вносить в нечерноземных районах 36–40 тонн на гектар, в черноземных – 18–30 тонн. Подготовка навоза – тоже целая технология. Суть в том, что для его получения надо, чтобы скотина стояла в стойле. У русского крестьянина она паслась от первой травы до первого снега, потому что катастрофически не хватало кормов. Итак, от одной коровы, которая содержится в стойле менее 180 дней в год, получается 4–5 тонн навоза, лошади – около 3 тонн³³. Этого разве что на огород хватит, на поле уже не остается.

Мог крестьянин держать больше скота? Теоретически – да, практически – а чем кормить?

В 1874 году тайный советник В.Ф. де Ливрон издал эпохальный труд «Статистическое обозрение Российской империи»³⁴, в котором, в частности, писал:

«Главное требование трехпольной системы заключается в том, чтобы было достаточное количество скота для удобрения полей, а следовательно, и достаточное количество

³² Справочник председателя колхоза. М., 1941 // <https://istmat.org/>

³³ Там же.

³⁴ Ливрон В. Статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1874 // <http://istmat.info/node/18488>

лугов для прокормления скота. Для этого на каждую десятину пахоты нужно иметь до трех десятин луга...»

По данным самого де Ливрона, в России в 1874 году насчитывалось 89 млн десятин пахотной земли и 52 млн десятин сенокосов. Получается 0,6 десятины! Впятеро меньше!

«...при том 1 десятина луга должна прокормить до 2-х штук крупного рогатого скота и при всем этом на каждую десятину пара приходится менее 1 штуки скота, тогда как для полного удобрения необходимо вдесятеро больше. Поэтому крестьянский скот питается зимою большей частью соломою, а поля часто вовсе не удобряются, а весь навоз свозится на конопляники и огороды...»

Ну и какие без удобрений, всего лишь с парами в качестве отдыха земли, могут быть урожаи?

Дореформенные аграрники, кстати, много писали о «порче лугов», жалуясь, как нелепо и бестолково губят луга в Центральной России.

«Огромный ущерб луговодству центральной России наносила традиционная крестьянская практика выпаса скота на лугах, производимая отнюдь не с целью их удобрения, а лишь для прокормления домашних рабочих животных. В результате весной луга нередко вытравливались до такой степени, что трава так и не успевала подрасти ко времени сенокоса. Научные же рекомендации российских и зарубежных специалистов, направленные на сбережение лугов нечерноземной полосы, при этом полностью игнорировались, а луга подвергались потраве нередко до июня. Подобная "порча лугов" наблюдалась в регионе почти повсеместно. Последствия столь неразумного хозяйствования, разумеется, были вполне предсказуемы: зимой скот сильно страдал от недостатка сена, которое предназначалось в основном лошадям и овцам; коровам же доставалась лишь осока да солома. Нередко весь рабочий скот кормился исключительно ржаной соломою и соломою яровых хлебов, а сено крестьянин был вынужден продавать, чтобы получить деньги для уплаты повинностей»³⁵.

Можно подумать, крестьянин не знает всего этого и без научных рекомендаций! Однако что делать, если на хозяйство приходится пара десятин луга? Оно конечно, хорошо бы дать траве набрать силу – а как это сделать? Кормов нет, полуживая скотина едва до первой травы дотянула, а ей ведь работать! Чтобы разомкнуть заколдованный круг, надо либо иметь лишние выпасы, либо лишние корма – ни того, ни другого у крестьян не было, а без них – как перейти от «неразумного» хозяйствования к «разумному»?

При таком положении стоит ли удивляться, что крестьянин держал только ту скотину, которая была ему абсолютно необходима. По состоянию на 1913 год в стране насчитывалось 22,6 млн лошадей рабочего возраста – больше, чем где-либо в мире³⁶. Хорошо это или плохо? По логике господ монархистов, много – значит хорошо. А в реальности?

Абсолютное большинство лошадей находилось у крестьян, хотя и транспорт был почти весь гужевой, и кавалерия тоже требовала конского поголовья. По 47 губерниям Европейской России крестьянских дворов с одной лошадейю насчитывалось 32,3 %, 22,2 % – с двумя³⁷. 31,6 % дворов были безлошадными, а это уже самая горькая бедность.

И та же треть хозяйств не имела полного комплекта инвентаря, хотя набор его крайне прост: соха и борона. Всякие там жнейки-молотилки – это уже «панские вытребеньки». Жали серпами, молотили цепами, но хотя бы соха (или для черноземных районов плуг) и борона должны были быть.

³⁵ Козлов С. Аграрные традиции и новации в дореформенной России. М., 2002. С. 110–111.

³⁶ Оськин М. Русская лошадь в первой мировой войне // <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-loshad-v-pervoy-mirovoy-voynе/viewer>

³⁷ Там же.

Итак, дурная обработка земли, отсутствие удобрений и, как следствие, катастрофическое, запредельное истощение полей и низкая урожайность. Выход? А какой тут может быть выход?

Демография катастрофы

На качество обработки земли переделы если и влияли, то не критично. Роковую роль они играли в другом процессе – росте населения Российской империи.

Бразоль. «В 1894 году, в начале царствования Императора Николая II, в России насчитывалось 122 миллиона жителей. 20 лет спустя, накануне 1-й Мировой войны, народонаселение её увеличилось на 60 миллионов; таким образом, в Царской России народонаселение возросло на 2 400 000 в год».

После реформы 1861 года крестьяне начали совершенно бесконтрольно «плодиться и размножаться». За 50 прошедших после реформы 1861 года лет численность сельского населения Европейской России выросла вдвое. Перед реформой она составляла 50 млн человек, а в 1914 году – 103 млн. Монархисты этому незамутненно радуются – смотрите, как плодится народ, значит, ему хорошо! (Если так, то лучше всех в мире сейчас живут африканские страны.) Вот только ученый-экономист 20-х годов Лев Литошенко подметил одну интереснейшую тенденцию:

«В Полтавской губернии, где 85 % крестьянских дворов не подвергаются переделам уже несколько десятилетий подряд, число рождений в 1913 г. по сравнению с числом рождений в 1882 г. дает увеличение всего на 3 %... В соседней Харьковской губернии, где, наоборот, 95 % дворов объединены в общины, число рождений за тот же период увеличилось на 52 %. В смежных Ковенской и Смоленской губерниях число рождений возросло на 3 % в первой и на 40 % во второй. В Ковенской губернии 100 % крестьян владеют землей подворно, а в Смоленской – 96 % общинно. В Прибалтийском крае, не знавшем общинных порядков и придерживающемся системы единонаследия крестьянских дворов, прирост рождений за 30-летний период составляет едва 1 % первоначальной цифры»³⁸.

Как видим, народ плодился вовсе не от сытости и великого счастья жить в империи, а по причине общинных порядков – каждый мальчик, даже грудной, давал семье драгоценную прибавку к наделу. А первым следствием стало уменьшение количества земли, приходящейся на одного человека, а поскольку дети вырастали и семьи делились – то и на хозяйство.

О результате трудно ли догадаться? В 1916 году количество земли на душу населения в европейских государствах выражается следующей таблицей:

Обеспеченность посевами сельского населения (десятин посева на 100 душ сельского населения)

Государства	Посевная площадь	Районы Европейской России	Посевная площадь
Дания	126	Новороссия	147
Франция	105	Прибалтика	122
Германия	104	Нижне-Волжские губ.	120
Венгрия	82	Средне-Волжские -»-	82

³⁸ Литошенко Л. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 117.

Австрия	66	Приуральские -»-	81
Бельгия	58	Малороссийские -»-	80
Нидерланды	39	«Центр[ально-] Земледельческие -»-	79
		Белоруссия	75
		Юго-Западные губ.	67
		Приозерные -»-	50
		Центральные Промышленные -»-	40
		Северные	33
		Всего по Европейской России	83

Да, в Бельгии земли на душу населения меньше. Но какая там урожайность – и какая в России?

Не только волжские, но и малороссийские, и Юго-Западные губернии относятся к числу хлебопроизводящих. Ну и как могли их жители не то что страну кормить, но хотя бы сами кормиться с такого хозяйства?

Какой из всего этого следует вывод? Очень простой и печальный. Страну кормили около миллиона помещичьих и зажиточных хозяйств и еще, в меньшей степени, миллиона четыре середняков. Остальные 15 млн крестьянских хозяйств в лучшем случае могли прокормить лишь себя, а большей частью, зарабатывая везде, где только можно, продовольствие покупали. То есть, если говорить об экономической реальности, 25 млн крестьян кормили 22,5 млн горожан и обеспечивали экспорт. Очень даже неплохое соотношение, вполне себе на уровне развитых стран. Остальные 75 млн сельского населения вообще не имели экономического смысла, а из года в год мучительно выживали. 75 миллионов, половина населения Российской империи! Как вы думаете, нужны были какие-то там злокозненные пропагандисты, чтобы довести русскую деревню до социального взрыва?

В поисках выхода

Со всем этим ужасом надо было срочно что-то делать. И правительство прекрасно это понимало. Но что тут можно было сделать, кроме резкого, раза в полтора-два, а то и больше, сокращения сельского населения? А как его сократить? Колоний у России нет, переселять людей некуда. Согнать с земли и потихоньку переморить по острогам? Это можно, когда у тебя пара миллионов лишних людей, а не 25–30 миллионов (примерно столько, по разным данным, насчитывалось совсем уже лишнего населения русской деревни, для которого не было ни работы, ни еды, вообще ничего). Община, которая делила имеющиеся скудные ресурсы, как блокадную пайку, позволяла этим людям как-то поддерживать свое существование, но высокая рождаемость ухудшала положение с каждым десятилетием. Причины такого положения все понимали, но где выход?

Причины были незатейливы. Европейское малоземелье прямо-таки сталкивало крестьянство на интенсивный путь развития, а колонии и законы против бродяжничества позволяли сплавить или перебить избыток населения, не давая ему накопиться до критической массы.

В России было все с точностью до наоборот. Земли... скажем так: хватало. До определенного предела проще было увеличить запашку, чем вводить всякие новшества. Кроме того, земледелец в России, как минимум с середины XVIII века, находился на положении раба. «Крепостное право» – лукавый термин. В реальности крестьянин был прикреплен не к земле, а к владельцу, который мог сделать с ним все, что угодно: женить, продать его семью поодиночке, взять детей для барских надобностей. В довершение счастья рабов еще и не кормили, а давали им клочки земли, с которых они должны были в свободное от работы на барина время добывать себе пропитание.

Вот и вопрос: а кто должен был вкладывать средства в сельское хозяйство? Естественно, сельский хозяин, кто же еще? А кто он, этот хозяин? Крепостной раб? Даже и не смешно: надирать, чтобы спонсировать чужую собственность? Богатый помещик? Ему от имени нужен был лишь доход. Он нанимал себе управляющего, а сам либо жил где-нибудь в городе, просто так или на государственной службе, либо устраивал у себя в имении версали. Управляющий? А зачем ему болеть за чужую собственность? Бедный помещик? Ему поневоле приходилось вникать в процесс производства, но у него все делалось по старинке, поскольку знаний он не имел, получить их не мог, да и денег на новшества тоже не было.

Сельский хозяин, заинтересованный в передовых приемах и разного рода новшествах, а также способный вложить в них деньги, отсутствовал в России как класс. Ну и откуда возьмется интенсивное земледелие?

Нет, как исключение из правила, он существовал. Имелись и передовые хозяйства, но они исчислялись единицами, да и не были слишком успешны: сельскохозяйственные машины ввозились из-за границы и были дороги, своих сортовых семян не имелось, а заграничные не подходили для нашего климата. Та же самая петрушка получалась и с породистым скотом. Агроприемы тоже отличались – другие почвы, другой климат. (Не зря же большевики, едва получив власть, принялись по-стахановски развивать сельскохозяйственную науку.) Новшества – они ведь денег стоят, их производители ориентируются не на государственную необходимость, а на потребителя. Нет платежеспособного спроса – нет и семян, скота, машин... А земля истощается, а население растет, и его надо как-то кормить.

Кто-то думает, что правительство не понимало глубины проблемы? Да все оно понимало – но что делать-то? Крестьянская часть российского аграрного сектора реформированию не поддавалась. Помещичья? А что помещичья? Обработка земли проводилась так же и теми же средствами, что и на мужицких полосках, разве что качество выше. Оное качество давало

прибавку в 20 пудов с десятины, но не в сто. А надо было сто и больше. Что делать? Ответ один: создавать на селе крупные интенсивные хозяйства. Но как?

Аграрная реформа 1861 года, известная нам под названием «отмены крепостного права», как раз и была такой попыткой. Крестьяне считали ее глубоко несправедливой и были правы. Во времена незапамятные и легендарные земля (кроме боярских вотчин, но речь не о том) принадлежала государству, и поместья давались дворянам не просто так, а за государеву службу. Потом крестьян закрепили за хозяевами вместе с землей, и логично было бы ожидать, что их так же с землей и освободят. Ан нет! За двести лет поместья порасхватили в собственность, и получилось, что барам принадлежит вся земля. А крестьянин может быть свободен только лично, сам по себе – и то не факт. Потому что от хозяина-то его избавили, а к земле он был прикреплен по-прежнему.

Бразоль. *«В 1861 г., после отмены крепостного права Императором Александром II, русские крестьяне получили, за небольшую плату, земли, добровольно уступленные помещиками, по большей части, дворянами».*

Какие все же милые люди эти ностальгисты. Впрочем, данную бразольскую сказочку насчет «добровольно» и «за небольшую плату» даже современные монархисты повторять не рискнули.

Авторы реформы действовали в интересах помещиков – иначе правящий класс вообще не дал бы ее провести, даже под угрозой тотальной пугачевщины. Земля делилась примерно поровну, и свои наделы крестьяне должны были выкупать. Требовать с мужиков денег, впрочем, было все равно, что заставлять дворовую пеструшку нести золотые яйца. Хоть ты ее бей, хоть совсем убей, а золота не вытрясешь. Тогда правительство поступило вполне по-капиталистически: навалило на крестьян принудительный кредит. Государство, мол, выплачивает выкуп помещикам, а вы будете отдавать в течение 50 лет, да еще под 6 % годовых, что по тем временам было высоким процентом. По сути, после окончания этой ипотеки крестьяне должны были выплатить за землю сумму, вчетверо превышавшую ее стоимость. Притом что сплошь и рядом цена выкупа превосходила рыночную стоимость земли.

История выкупных платежей – это целая сага. И как мужики отказывались от земли, и как правительство уменьшало платежи, отменив их окончательно в 1907 году (безнадежно поздно). Суть в том, что после аграрной реформы 1861 года говорить не то что о каком-то «социальном партнерстве», но даже просто о мире между крестьянами и бывшими барам не приходилось.

Точка зрения крестьян на реформу, их отношение к помещикам прямо и четко выражены, например, в наказе собрания крестьян четырех волостей Волоколамского уезда Московской губернии, посланном в мае 1906 года в Трудовую группу I Государственной Думы:

«Земля вся нами окуплена потом и кровью в течение нескольких столетий. Ее обрабатывали мы в эпоху крепостного права и за работу получали побои и ссылки и тем обогащали помещиков. Если предъявить теперь им иск по 5 коп. на день за человека за все крепостное время, то у них не хватит расплатиться с народом всех земель и лесов и всего их имущества. Кроме того, в течение сорока лет уплачиваем мы баснословную аренду за землю от 20 до 60 руб. за десятину в лето, благодаря ложному закону 61-го года, по которому мы получили свободу с малым наделом земли, почему все трудовое крестьянство и осталось разоренным, полуголодным народом, а у тунядцев помещиков образовались колоссальные богатства».

Крестьян совершенно не волновало, существуют ли на самом деле эти «колоссальные богатства». Они просто не хотели, чтобы рядом с ними находились помещики, ни в каком виде. А ведь с 1861 года прошло почти пятьдесят лет!

Но вот с точки зрения экономики реформа была задумана верно. Помещик оставлял за собой половину земли, получал потенциальных батраков и стартовый капитал в виде выкупных

платежей. Немецкий или британский фермер о таких условиях мог только мечтать, и уж он бы тут развернулся! А в России – не срослось. Русский помещик не занимался своим хозяйством до реформы, не стал и теперь³⁹. Да и объективные обстоятельства не позволяли. В России не было ни сельхозтехники, ни сортовых семян, ни породистого скота, ни научной базы. Все вышло с точностью до наоборот: дворянство не вывело свои хозяйства на новый уровень, а в рекордные сроки промотало полученные капиталы и принялось распродавать «вишневые сады».

Нет, конечно, крупные хозяйства в России имелись, но не в том количестве, какое требовалось. Цели своей реформа не достигла.

Вторая попытка была предпринята в 1907 году премьер-министром Петром Столыпиным. Официальная легенда о ней изложена в том самом фильме.

«Россия, которую мы потеряли». *«Началось великое выздоровление страны. Идея Столыпина была такова: нельзя создать правового государства, пока нет независимого гражданина. А такой гражданин в России – крестьянин. При нем произошло истинное и полное освобождение крестьян. Крестьянин получил в свою собственность землю. Столыпин хорошо понимал: крепкий крестьянин на своей земле – преграда для всякого разрушительного движения, для всякого коммунизма...»*

Звучит красиво, но до ужаса неконкретно. Ведь целью реформы было не противодействие революции, а все тот же прогресс: создание на селе крупного развитого сельскохозяйственного производства. Мне вот совершенно непонятно, каким образом укрепление земли в собственность приведет к желанному результату. Где тут потенциал для интенсификации? Что пять десятин с одной лошадей, что двадцать пять с пятью – суть-то одна...

Впрочем, господ монархистов такие мелочи не смущают.

Бразоль. *«Крестьяне не делались индивидуальными собственниками этих земель, так как последние принадлежали общинам. Проводя в жизнь подобного рода аграрную политику, законодатель придерживался древнего русского крестьянского обычая, управления миром, стремясь, таким путем, удерживать крестьян от искушения продать свой надел. Действительно, если бы крестьянин обменял причитающуюся ему часть земли на деньги, то он очень скоро остался бы без всяких средств к существованию и, без сомнения, превратился бы в безземельного пролетария».*

...

«Изданный 9 ноября 1906 г. так называемый “Столыпинский закон” позволял крестьянину выходить из общины и делаться индивидуальным и наследственным собственником земли, которую он обрабатывал. Закон этот имел огромный успех. Тотчас же было подано 2,5 миллиона прошений о выходе на отруб от семейных крестьян... В 1913 г. 2 миллиона семейств получили наделы... За несколько месяцев до Первой Мировой войны 13 % земель, принадлежащих общинам, перешли в индивидуальную собственность крестьян. Накануне революции Россия была готова превратиться в страну мелких собственников, которые быстро обогатились».

Первый отрывок относится к реформе 1861 года, второй – к столыпинской. И как это прикажете понимать? Почему то, что в 1861 году было злом, в 1906-м вдруг стало добром? Так и хочется процитировать старый анекдот: «Вы либо снимите крестик, либо наденьте трусики».

И потом, почему то, что 13 % хозяев взяли землю в собственность, должно означать успех реформы? Даже если предположить, что половина из них собиралась заниматься сельским хозяйством, а не взяла землю, чтобы тут же продать её богатому соседу. В реальности же

³⁹ Обстановка, в которой проходила реформа, и вообще быт и нравы русских помещиков замечательно показаны в мемуарах Елизаветы Водовозовой. Там та-акие типажи и нюансы!

количество зажиточных хозяйств никогда не поднималось выше 5 %. А остальные 95 % хозяев – им-то что с этой реформы?

На самом деле вторая аграрная реформа – столыпинская, была уже совершенно отчаянной (то есть предпринятой от отчаяния) попыткой спасти гибнущий аграрный сектор империи. Метод был простой, чисто англо-саксонский: разрешить крестьянам брать землю в собственность, а потом устроить бой в джунглях за выживание.

10 мая 1907 года Столыпин произнес в Государственной Думе речь, где заявил о целях реформы. (Эта речь известна в основном заключительной фразой: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!») Там, в словах и между слов, сказано, каким именно путем намеревался премьер достичь величия России и почему Россия ответила на его намерения небывалой революцией.

«Нужно ясно себе представить цель, а цель у правительства вполне определённа: правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность... Такому собственнику-хозяину правительство обязано помочь советом, помочь кредитом, то есть деньгами».

Это и есть золотая правда столыпинской реформы. Но один гадкий вопрос портит всю красивую картинку: кто он, тот «крестьянин-собственник», которого правительство желает видеть богатым и достаточным? Каким образом он достигнет достатка, если земли на всех не хватит при любом раскладе? И тем более, каким образом он достигнет достатка, если дело вообще не в земле? Никакая собственность не сделает 20 миллионов бедняков успешными хозяевами. Хотя бы по той простой причине, что хозяйства их останутся мельчайшими и отстающими, а на 20 миллионов кредитов никакого бюджета не хватит...

Ясно, что ставку премьер делал на 5 % зажиточных сельских хозяев, производителей товарного хлеба. Именно им он хотел развязать руки, дать возможность получить свои наделы в собственность и, главное, прикупить еще земли, чтобы они могли создать культурное крестьянское хозяйство, примерно как в Европе. Остальные Столыпину, с точки зрения экономики, были неинтересны, поскольку не имели экономического смысла.

Но ведь это живые люди! Что с ними будет? Чтобы «культурный крестьянин» мог купить землю, «некультурный крестьянин» должен ее продать. Куда он денется после этого? В батраки? Но даже при отсталом российском земледелии деревня была перенаселена: в ней насчитывалось лишних 25 (в среднем)⁴⁰ миллионов человек. А в культурном хозяйстве рук требуется меньше, значит, лишнего населения будет еще больше. Что с ними-то станет? Переселятся в города? Но города России не способны принять столько людей. Уедут в колонии? Но у России нет колоний. Есть Сибирь, однако она тоже не может принять столько народу, да и средний российский крестьянин не очень подходит для этого сурового края⁴¹. Что будет с этими людьми в случае успеха столыпинской реформы?

Если премьер не задавал себе этого вопроса – он безответственный авантюрист. А если задавал, то должен был найти и какой-то ответ. Как бы то ни было, этот ответ он не озвучил. Вместе него постарались другие. В 1906 году группа московских миллионеров, выступивших в поддержку столыпинской реформы, заявила:

⁴⁰ По разным оценкам, от 20 до 32 млн человек.

⁴¹ Сибирское крестьянство поначалу, до политики Колчака, не поддержало красных. А вот кто с самого начала стал на их сторону, так это столыпинские переселенцы.

«Дифференциации мы несколько не боимся... Из 100 полуголодных будет 20 хороших хозяев, а 80 батраков. Мы сентиментальностью не страдаем. Наши идеалы – англосаксонские. Помогать в первую очередь нужно сильным людям. А слабеньких да нытиков мы жалеть не умеем».

Напоминаем еще раз: столько батраков в русской деревне не требовалось. В начале XX века аграрное перенаселение оценивалось в 20–32 млн человек. Что с ними будет? Московские миллионеры-горожане, возможно, и не знали ответа, но крестьянам он был известен – голодная смерть. 25 миллионов людей, ведомых инстинктом самосохранения, – страшная сила. Деревня не приняла реформу. За десять лет были приватизированы едва 10 % наделов, и первое, что сделали сельские общества по всей стране в марте 1917 года, – это отменили столыпинскую реформу.

Вторая попытка царского правительства создать на селе крупные хозяйства провалилась так же, как и первая, подбавив лишь ненависти и в без того кипящий котел страстей. И если реформа 1861 года отозвалась аграрными беспорядками 1902–1906 годов, то столыпинские инициативы – раскулачиванием. Ну, а весной 1917-го были актуальны оба фактора.

Третья аграрная реформа

Могла ли Россия, при сохранении империи, выбраться из трясины?

Бразоль. *«Прав был бывший Министр земледелия Кривошеин, заявив немецкому профессору Зеерингу, приехавшему в 1912 г. в Москву во главе комиссии, которой было поручено ознакомиться с результатами Столыпинской реформы: “России необходимы 30 лет спокойствия, чтобы сделаться наиболее богатой и процветающей страной во всём мире”».*

А из чего следует, что он был прав? Первая реформа провалилась, вторая тоже шла ни шатко ни валко, крупных хозяйств на селе и близко не наблюдалось. 25 десятин, да пусть бы даже и 50, и 100⁴² – это далеко не крупное культурное хозяйство, какие требовалось получить для богатства и процветания.

Да и во власть-то камень не кинешь! Как я уже писала, столыпинская реформа была отчаянной – то есть произведенной от отчаяния, в последней, тщетной попытке спасти гибнущее государство. Ничего другого придумать было невозможно. Чтобы провести настоящую аграрную реформу, потребовались большевики с их колхозами, внутри которых помещалось все население, в первую очередь беднота. И с их программой индустриализации, которая выкачивала из деревни людей, до поры спасавшихся от голодной смерти в колхозах.

Если бы Российская империя сохранилась, многие из этих людей (как минимум, лишние 25 млн ртов) были бы обречены. Они попросту не дождались бы позитивных изменений, даже если бы те каким-то чудом и состоялись. Путей спасения для них не было – разве что взорвать напрочь эту проклятую систему в надежде, что на обломках, может быть, появится что-то новое.

Ну, так и взорвали, вообще-то... Неужели кто-то всерьез думает, что, произведя верхушечный переворот в столице, при полном благолепии и благоденствии, удалось бы добиться столь сокрушающих результатов? После Февраля сельская Россия вспыхнула сразу по всей стране (разве что Сибирь не присоединилась, но там все же другие условия). Сельские общества смели земства и создали свои органы управления, в которые не пускали не то что помещиков и чиновников, но даже зачастую и сельских интеллигентов. Первое, что они сделали, – по всей стране отменили куплю-продажу земли, то есть столыпинскую реформу. Затем начали сперва «разбирать» помещичьи усадьбы, реквизируя запасы, скот и инвентарь, а потом и жечь. И требовали от правительства реализации лозунга «Земля – крестьянам!», при том, что творцы Февральского переворота ни о каких мужиках и думать не думали, и большевистское руководство сидело еще по ссылкам и эмиграциям, а Ленин только начинал соображать, как бы ему пробраться в Россию.

Что сделали большевики, придя к власти? Да попросту узаконили уже вовсю идущий на просторах России «черный передел». Они, как партия неправительственная и вообще ни перед кем не ответственная, могли себе это позволить. Кстати, декрет о хлебе не большевики придумали. Они реализовали нагло присвоенную программу совсем другой партии – эсеров, которые как раз и занимались работой в деревне, собирали и суммировали крестьянские наказаы. Так что большевикам не надо было размышлять, чего хочется крестьянину, все уже было сделано. Эсеры, кстати, страшно возмутились и обвинили большевиков в плагиате, на что Ленин ехидно ответил: «Чего стоит партия, которую надо победить, чтобы реализовать ее программу?»

Так вот, лозунг «Земля – крестьянам!» вовсе не требовал передачи мужикам земли в собственность, наоборот, они были категорически против такой собственности, а также купли-

⁴² Для сравнения: когда мы на первом курсе института ездили «на картошку», мы работали на поле в 100 гектар. Это было одно из полей далеко не самого крупного совхоза Ленинградской области.

продажи земли. Деревня хотела взять верх над реформой 1861 года. Тогда по деревням говорили, что «баре подменили настоящую царскую волю». Теперь уже и царская воля никого не интересовала: помещиков не должно быть – совсем. Все их богатства, созданные руками крепостных, должны отойти земледельцам. Пусть сперва восторжествует справедливость, а там – будем посмотреть!

Кстати, эсеры, даже получив министерские портфели, не посмели объявить передел. Они были связаны обязательствами перед правительством, а то, в свою очередь, было связано обязательствами перед помещиками, перед банками, которым тогда принадлежала значительная часть земли, да и финансировались эсеры тоже не из партийных взносов.

Ленин же был категорически против любых министерских портфелей для своей партии, в коалиции с кем бы то ни было. Он отлично понимал, что вхождение в коалицию либо подчинит министров-большевиков воле остальных, либо потопит все вопросы в бесконечных дискуссиях. И он добился своего, создав почти полностью большевистский Совнарком⁴³. Кто финансировал большевиков, не выяснено до сих пор⁴⁴, но уж всяко не собственники земли. Так что обязательств перед российской верхушкой они не имели и могли творить все, что угодно, чем и занимались, сперва выкинув совершенно фантастические лозунги, а потом приступив к их реализации.

Деревня стала на сторону большевиков – а чего еще хотеть-то? Именно это и обусловило успех большевистской революции. Не надо заблуждаться: крестьянские восстания времен Гражданской войны не были антибольшевистскими. Крестьяне разбирались со *своим* правительством и *своими* местными властями, которые реквизировали продовольствие и не позволяли свободно торговать. Но старые порядки, а особенно помещиков, эти люди не приняли бы ни под каким видом. Деревенская верхушка не отказалась бы от возвращения февральских порядков, но дофевральских не хотел никто.

Естественно, положение аграрного сектора с приходом Совнаркома не только не улучшилось – наоборот, даже если вынести за скобки семь лет войны и связанную с ней разруху. Большевики отчаянно пытались спасти крупные хозяйства, но большая их часть все равно канула в крестьянское море, разделив участь общинных наделов со всеми прелестями русского земледелия. Надо было срочно – что? Ну конечно, что-то делать!

В то, что большевикам удастся разрулить ситуацию, не верил, наверное, никто в мире. Только этим можно объяснить, что «мировое сообщество» так долго терпело их в богатой ресурсами и еще не поделенной России. Ясно же было, что их правление уткнется в ту же стену под названием «аграрный сектор», рано или поздно (а скорее рано) рванет, а уж потом можно приходить на готовое и собирать трофеи.

Кстати, а что произошло дальше с лозунгом «Земля – крестьянам!»? В 1922 году, на XI съезде РКП(б), Ленин открытым текстом говорил:

«У нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют... но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте».

Проще говоря, в 1917 году многие декреты принимались по наказам населения, с той целью, чтобы люди попробовали и на собственном опыте убедились, что метод не работает, лучше не стало или стало хуже. Пути развития сельского хозяйства они видели совершенно

⁴³ Там были еще левые эсеры, деятельность которых отзывалась жуткой головной болью везде, где они работали, пока летом 1918 года они не подняли восстание против большевиков и не расплевались с ними окончательно. Но политику Совнаркома определяли только большевики.

⁴⁴ Кстати, о германских деньгах. Если Ленин и вправду получал от немцев средства на то, что он делал бы и так... Ну что? Отменно развел германцев на бабки!

иными. Но, не реализовав эту старую, вековую земледельческую мечту, нельзя было двигаться дальше. Вот она, мечта – сбылась. Почему же мы по-прежнему голодаем?

А потому, что отчаянное положение российского аграрного сектора не имело никакого отношения к той прибавке земли, которую крестьяне мечтали получить.

Третьей, последней попыткой создать на селе крупные хозяйства стала коллективизация – и вот она увенчалась успехом, причем за рекордные сроки. Но это была, во-первых, совершенно другая экономика, не завязанная на желания и возможности частных хозяев и позволявшая решать проблемы города и деревни в комплексе. Нужны трактора? Заводы не станут дожидаться появления платежеспособного спроса крестьян – его обеспечит государство. Не хватает людей на заводах и стройках? Так ведь сельское перенаселение никуда не делось, но теперь лишние люди собраны в колхозах, откуда их очень удобно брать, причем не разоренных неудачливых пролетариев, а молодых и успешных.

Во-вторых, власть гладила деревню «по шерсти», не отменяя общину во имя боя в джунглях, а используя ее как основу. Тут, конечно, тоже возникала масса проблем – но хотя бы не антагонистических.

В-третьих, проводилась реформа не в интересах сильных хозяев, как предыдущие две, а именно что в интересах бедняков, деревенского большинства. Так что сопротивление, конечно, было – бедняки являлись кормовой базой кулачества, деревенской буржуазии, а эта публика своё без боя не отдаст – но снести власть силёнок не хватило (в отличие от 1917 года).

Ну и в-четвертых, власть имела огромный кредит доверия – отчасти еще и потому, что за двенадцать лет до того она выполнила крестьянские наказания.

Страну невозможно было спасти обычным путем, и тогда Бог послал людей, которые спасли ее путем фантастическим. В царской России такое было невозможно в принципе – слишком много сил, которые тянут одеяло на себя, слишком низкий кредит доверия властям, слишком слабый уровень государственного управления экономикой. И вот интересно: почему наших монархистов устраивает неминуемая голодная смерть 25 миллионов бедняков, но раскулачивание и высылка полутора миллионов кулаков приводят их в состояние нравственного шока? Большевики уничтожали крестьянство! А бедняки кто – не крестьяне? Или это концепция «священного права частной собственности» разыграла? Интересно, это в какой религии собственность священна?

... На эту сказку о «золотой России» можно было бы прекращать, потому что когда половина населения страны постоянно находится в режиме выживания, без малейшей надежды на улучшение жизни, о каком экономическом процветании, о каких перспективах можно говорить? Они присутствуют постоянным безмолвным фоном – эти 75 миллионов человек в лаптях и домотканых рубахах, не знающие ничего, кроме ежедневного беспросветного труда ради куска суррогатного хлеба.

Но мы продолжим, ведь сказка о «золотой России» не ограничивается сельской пасторалью...

Деревня уходит в город

Итак, основное сословие Российской империи – крестьяне, из которых половина не имеет возможности кормиться с земли. Значит, что остается? Уходить на заработки, в том числе и в города – на заводы и фабрики, в мастерские. В масштабе страны рабочих было немного, но они существовали, являлись рабочим классом (творцами революции, по Марксу) и будущим индустриальной державы. Именно они сыграли очень большую роль в событиях 1917 года, потому что деревня деревней, но судьба страны тогда решалась в столице. Октябрьская революция была революцией пролетариата не в большей степени, чем новая власть являлась диктатурой пролетариата, там имела место умная и тонкая провокация большевиков с целью захвата власти – но Марксу надо было соответствовать. А термины – они всего лишь слова...

Но все же рабочие поддержали новую власть – неужели их было так просто заморочить? Или у них тоже имелись причины?

...Сколько в Российской империи было рабочих? На этот вопрос статистика традиционно не дает ответа.

На 1 января 1914 года численность городского населения составляла 18,6 млн человек⁴⁵. На фабриках и заводах, горных и горнозаводских предприятиях и на транспорте было занято почти 4 миллиона. Правда, далеко не всегда работников шахт, приисков и заводов при них можно было отнести к горожанам. Еще 3 млн работали в легкой промышленности и 1,5 млн – в строительстве. 3,3 млн составляла загадочная категория «занятых в лесном деле и чернорабочих в промышленности, строительстве и на транспорте». Чернорабочие – это что, особая категория? С легкой промышленностью тоже не все понятно. Текстильщики, например, работали на фабриках – кто они? Далекое не все рабочие относились к числу городских жителей. Помните «Уральские сказы» Бажова? Их герои – не крестьяне, а рабочие: шахтеры, металлурги, камнерезы. Но горожанами их никак не назовешь: жили они в деревнях при заводах и рудниках, в своих избах, имели коров, огороды... Разве что землю не пахали, не говорит Бажов о таком. Да и легкая промышленность была в огромной степени рассредоточена по деревням. Впрочем, и фабрики далеко не всегда располагались в городской черте...

Но вот что верно – так это то, что число рабочих стремительно увеличивалось. Однако и тут все не так однозначно, как говаривала в своё время «дочь офицера».

Еще в 1880-е годы на фабриках работали большей частью крестьяне, приходившие на заработки. Расчет с ними делался перед Пасхой, а затем многие фабрики вообще закрывались – работники уходили по деревням, к своим полям и своим семьям. Постепенно работа становилась круглогодичной, рабочие переселялись в город, но при этом... оставались крестьянами. Да, по сословию! Они были приписаны к своим общинам, платили там подати. Тем, кто вырос в СССР, знакомо по детским книгам о революции, что в случае стачек их активистов высылали «на родину». Что это такое? А просто их отправляли по месту приписки, под надзор полиции, прибавляя к уже работавшим в деревне эсерам еще и социал-демократический элемент. Если и захотеть, то не придумаешь лучшего способа разогнать крамолу по стране – а потом удивляться организованности крестьянских восстаний. Но это к слову...

Как и все вообще вахтовики, крестьяне были малотребовательны по части бытовых условий, отсюда и ужасы фабричных казарм. Но время шло, фабрики начинали работать круглогодично, рабочие оседали в городах, и жуткий фабричный быт (как мы вскоре увидим, хуже даже деревенского) становился их единственной жизнью.

⁴⁵ Рашин А. Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки. М., 1956 // <https://istmat.org/node/76?ysclid=lrdaqfxbw6880568628>

Итак, с одной стороны, крестьяне приносили в фабричную жизнь общинный дух – потому так легко вспыхивали стачки. А с другой стороны – в городе эти люди были чужаками, обездоленными маргиналами. С маргиналами просто работать, это масса, которую, казалось бы, так легко формировать нужным образом. Но это только казалось. Никакие церковные проповеди про отцов-благодетелей не прибавляли ни любви к хозяевам, ни смирения. А вот социал-демократам их работа удавалась. С самого начала существования своей партии они занимались рабочим движением, поднимали стачки, учили рабочих бороться за... чуть было не сказала «за свои права», но не было прав у черного люда Российской империи. Разве что некоторые ошметки права на жизнь – их нельзя было убить, за это убийц отправляли на каторгу, если удавалось поймать. А вот проработать двадцать лет в прядильном цеху и к тридцати годам умереть от туберкулеза – тут право на жизнь уже не работало. Да и можно ли назвать такое существование жизнью? Крестьянин – он пусть и голодает, и детей хоронит, но он все же видит небо, солнце, траву, снег, он может пройти босиком по лугу и поднять голову к солнышку. Рабочий этих простых привилегий был лишен.

Жить, чтобы работать

Одним из основных требований русских рабочих было требование восьмичасового рабочего дня.

О. Тихон Шевкунов. *«В большинстве стран Европы рубежа XIX–XX веков рабочий день составлял десять-одиннадцать часов. В Российской империи законом 1897 года он был ограничен одиннадцатью с половиной часами. Но с тех пор постоянно сокращался. Так, в Московской губернии в 1908 году средняя продолжительность рабочего дня составляла девять с половиной часов».*

То есть нам предлагается поверить, что хозяин установит на своем предприятии рабочий день меньше, чем максимальный по законодательству. А можно я не поверю? Больше – это сколько угодно, но чтоб меньше?

Ларчик открывается просто. В 1907–1910 годах в России был экономический кризис. А во время кризиса многие хозяева не увольняют работников (их ведь потом снова набирать надо, а это куча проблем), а переводят их на неполный рабочий день, с пропорционально меньшей зарплатой. Это и сейчас делается, прием старый и хорошо известный. Если кризис силен, можно и восемь часов получить в статистике, но рабочие ведь говорили совсем о другом!

Итак, в большинстве стран Европы на рубеже XIX–XX веков рабочий день составлял десять-одиннадцать часов. А в России?

...Среди моих домашних «ужастиков» не последнее место занимает исследование К. А. Пажитнова «Положение рабочего класса в России», 1908 года выпуска. Оно, в свою очередь, содержит анализ многочисленных отчетов фабричных инспекторов и прочих исследователей и проверяющих с 1881 по 1905 год. Чтение, надо сказать, не для слабонервных.

Каков был рабочий день в России до введения закона 1897 года? Вот лишь один пример. По данным исследователя Янжула, изучавшего Московскую губернию, в конце XIX века на 55 из обследованных фабрик рабочий день был 12 часов, на 48 – от 12 до 13 часов, на 34 – от 13 до 14 часов, на 9 – от 14 до 15 часов, на двух – 15,5 часа и на трех – 18 часов. Как можно работать 18 часов?

«Выше 16 и до 18 часов в сутки (а иногда, хотя трудно поверить, и выше) работа продолжается постоянно на рогожных фабриках и периодически – на ситцевых... а нередко достигает одинаковой высоты рабочее время при сдельной работе на некоторых фарфоровых фабриках.

Из Казанского округа сообщается, что до применения закона 1 июня 1881 г. работа малолетних (до 15 лет! – Е.П.) продолжалась на некоторых льнопрядильных, льноткацких фабриках и кожевенных заводах 13,5 часов, на суконных фабриках – 14–15 часов, в сапожных и шапочных мастерских, а также маслобойнях – 14 часов...

Рогожники г. Рославля, например, встают в час полуночи и работают до 6 часов утра. Затем дается полчаса на завтрак, и работа продолжается до 12 часов. После получасового перерыва для обеда работа возобновляется до 11 часов ночи. А между тем, почти половина работающих в рогожных заведениях – малолетние, из коих весьма многие не достигают 10 лет»⁴⁶.

Да, простая и понятная связь: чем выше рабочий день, тем больше на предприятии работает детей – бесправной и безропотной рабочей силы.

Предприятий, где продолжительность рабочего дня была более 12 часов, насчитывалось в 80-е годы около 20 % (из обследованных). И даже при таком рабочем дне фабриканты прак-

⁴⁶ Пажитнов К. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 54.

тиковали сверхурочные по «производственной необходимости». То время, которое работник тратил на уборку рабочего места, на чистку и обслуживание машин, в рабочий день не входило и не оплачивалось. А иной раз хозяин воровал у работников время по мелочам – на нескольких прядильных фабриках были обнаружены особые часы, которые в течение недели отставали ровно на час, так что продолжительность трудовой недели получалась на час больше. Рабочие своих часов не имели и даже если знали о таких фокусах хозяев – то что они могли сделать? Не нравится – пожалуйте за ворота!

Наконец, существовали еще мелкие и мельчайшие предприятия, мастерские, магазинчики, которые вообще никем и никогда не обследовались, и какие там бывали условия, мы можем узнать разве что из мемуаров.

Но вот в 1897 году, после мощного подъема стачечного движения, с которым властям не удавалось толком справиться⁴⁷, был принят закон, ограничивающий рабочий день мужчин 11,5 часами, женщин и подростков – 10 часами. Соблюдался ли он? Где-то соблюдался, где-то нет, но ведь сверхурочные-то законом не ограничивались!

Кстати, на многих предприятиях закон невозможно было соблюдать технически. Вот почему рабочие требовали именно восемь часов? Почему не семь или не девять? Да все просто. Большая часть относительно крупных фабрик и заводов уже в начале XX века работала круглосуточно – в самом деле, не для того хозяин дорогие машины покупал, чтобы они по ночам стояли. Естественно, так работали металлурги с их непрерывным циклом, а кроме того, практически все прядильные и ткацкие производства, заводы сахарные, лесопильные, стеклянные, бумажные, пищевые и пр. Так что выбор был невелик: или две смены по двенадцать часов, или три по восемь. А как еще-то? Вот и получается, что 11,5 часа, установленные законодательством, – тоже красивая сказка.

Самым естественным и самым распространенным на них был 12-часовой рабочий день. Иногда он являлся непрерывным – это удобно для рабочего, но не для фабриканта, потому что к концу смены рабочий уставал, вырабатывал меньше и был менее внимателен, а значит, и продукт шел хуже. Поэтому часто день делился на две смены по 6 часов каждая, то есть шесть часов работы, шесть отдыха и снова шесть работы (интересно, а какой продолжительности формально был в этом случае рабочий день?). Товар при этом шел лучше, правда, рабочий при таком режиме «изнашивался» быстрее – но кого это, собственно, волновало? Вымирающая деревня регулярно поставляла городу новых людей, и оставалось там еще куда больше, чем она могла прокормить, а значит, приток рабочей силы был обеспечен.

Существовали и другие варианты. Так, на мануфактурах купца Хлудова рабочие одну неделю трудились 8 часов в день, другую – 16 часов. Но и это еще не самый худший вариант. А вот какой порядок был заведен на суконных фабриках. Дневная смена работала 14 часов – с 4:30 утра до 8 вечера, с двумя перерывами: с 8 до 8:30 утра и с 12:30 до 1:30 дня. А ночная смена длилась «всего» 10 часов, но зато с какими извращениями! Во время двух перерывов, положенных для рабочих дневной смены, те, что трудились в ночную, должны были просыпаться и становиться к машинам. То есть они работали с 8 вечера до 4:30 утра и, кроме того, с 8 до 8:30 утра и с 12:30 до 1:30 дня. А когда же спать? Как сейчас модно говорить: это ваши проблемы.

12-часовой рабочий день существовал на достаточно крупных предприятиях с использованием машин. А на более мелких кустарных заводиках, где не было посменной работы, хозяева эксплуатировали рабочих кто во что горазд. Тем более и проверяющие до них добивались крайне редко. Да и лазейки в законе существовали, как же без них?

⁴⁷ А вы что, всерьез думаете, что рабочее законодательство принималось из любви к людям и ради попечения о них?

Во-первых, рабочий день был един для всех. Не существовало никаких послаблений для вредных и опасных производств – ни для сахарных заводов, где температура в некоторых цехах достигала 70 градусов, ни для убийственных химических производств (какая охрана труда, вы о чем?!), ни для шахтеров. Затем не было законодательного ограничения сверхурочных работ – они производились «по договору» между рабочим и администрацией. Надо объяснять, как решались такие проблемы? Или ты соглашаешься на договор, или вылетаешь с фабрики. Не был ограничен рабочий день для тех, кто работает сдельно. Требование закона о четырех выходных в месяц тоже нередко «замыливалось». При таком положении на селе недостатка в рабочих низкой и даже средней квалификации не было – на фабриках можно хоть как-то прокормиться, да и семье помочь...

«По минимальным данным фабричной инспекции Киевского округа, сверхурочные работы составляют до 300 часов в год, т. е. другими словами, рабочий день в непрерывных производствах длится до 13 часов.

В с. Богородском (Нижегородской г.), где расположено до 250 кожевенных и ряд других заводов (страшно подумать, что это за гиганты индустрии – 250 заводов на одно село. По три человека, что ли, в штате? – Е.П.), рабочий день длится 15 часов...

В Нерехте (Костромской г.) 22 февраля 1905 г. на ткацкой и льнопрядильной фабрике Брюханова все рабочие (около 800 чел.) прекратили работу, выставив в числе требований... уменьшение рабочего дня до законных пределов. Дело в том, что, когда владелец фабрики получил казенный заказ, то он, недолго думая, увеличил рабочий день на 2 ч. – работа идет с 5 ч утра до 8 ч. вечера (15 часов! – Е.П.) вместо обычного – с 6 ч. утра до 7 ч. в. (13 часов, однако, – а как же закон? – Е.П.) Добавочной платы за сверхурочную работу не выдавалось».

Как уже говорилось, шахтеры никакой поблажки не получали. Да и соблюдением законов на шахтах и в рудниках никто не заморачивался – если уж в Европейской России такое творилось, то что было в Сибири и на Урале, далеко от начальства?!

«На приисках Томского горного округа работы начинаются с 4 ч. утра и кончаются в 7–8 ч. в., т. е. продолжаются 15–16 часов. Если исключить отсюда перерывы в 2 ½ – 3 часа, то продолжительность рабочего дня определится никак не меньше 12–13 часов. Врач приисков маршинской системы⁴⁸ писал в 1899 году, что контрактами там рабочий день установлен: для зимнего времени 12-часовой, для летнего – 13-часовой.

На железных рудниках Кривого Рога работа, по личным наблюдениям инженера Преображенского за 1898–1899 гг. по всем районе только на 3 рудниках (из 23–25) работа ведется 12-часовыми сменами. На остальных же работа ведется без смены только днем, и продолжается от 4 часов утра до 7 ½ ч. вечера, с 2-х часовым перерывом, т. е. 13 ½ часов в день. По словам Преображенского... «Когда мне приходилось спрашивать о причине такого странного отношения к закону, то на это отвечали, что ходатайствовали о причислении работ в криворожских рудниках к сельскохозяйственным»⁴⁹.

Ага, сельскохозяйственные работы под землей. Разве что по уровню механизации совпадает – кирка, лопата да вагонетка. А ведь это было уже после принятия закона 1897 года. Впрочем, строгость российских законов, как известно, компенсируется необязательностью их исполнения.

Да, а положение рабочих напрямую зависит от уровня безработицы. С безработицей в Российской империи было всё хорошо. Разоряемая деревня выбрасывала в города все больше людей, которым было уже вообще безразлично, где и как работать – лишь бы выжить. А уж после начала столыпинской реформы, когда в массовом порядке стали появляться сельские

⁴⁸ В Мариинских приисках на Урале добывали изумруды. Разрабатывали его англичане и французы, и плевали они на какие-то туземные законы.

⁴⁹ Пажитнов К. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 237–239.

пролетарии (ведь чтобы «справный» хозяин мог купить землю, «несправный» должен был ее продать), проблем у хозяев не возникало уже никаких. Тем более и наказаний за нарушение закона не было – максимум штрафанут, но штрафы не шли ни в какое сравнение с прибылями.

Вот ситуация в Донецком бассейне – это уже 1909–1913 годы.

«На Юзовском заводе Украины и на многих шахтах мальчики работали по 12 и даже по 18 часов в сутки. Взрослые шахтеры спускались в шахту в 6 часов утра и работали до 6 часов вечера, а выходили наружу только в 7 часов вечера. Кременчугские булочники (Екатеринославской губернии) работали почти целые сутки без перерыва (не считая 3–4 часов, отводимых на сон. Выходных дней не было совсем). Рабочий день харьковских рабочих-конфетниц составлял 13 часов непрерывной работы. Рабочие подавляющего большинства сахарных заводов по-прежнему работали в две смены, по 12 часов каждая...»⁵⁰

...

«Продолжительность рабочего дня работниц на табачных плантациях, не оправдывавшаяся никакими особенностями производства, достигала 18–20 часов в сутки, причем дневная работа по 14–16 часов сопровождалась в течение трех летних месяцев обязательной ночной работой».

Как добиться, чтобы люди безропотно трудились по 20 часов? Да очень просто: нанимать на работу детей. Положение украинских крестьян было еще более отчаянным, чем российских. В украинских селах наделы по 1 десятине не были чем-то исключительным, а столыпинская реформа выдавливала людей в батраки. Так что желающих хватало – хоть как-то прокормиться.

«Работа на табачных плантациях была крайне изнурительной для девушек-работниц и совершенно непосильной для неокрепшего еще организма малолетних рабочих. При таком продолжительном и изнурительном труде питание рабочих было крайне недостаточным и недоброкачественным, а жилищные условия – невыносимыми. Эту картину нечеловеческого существования дополняло полное бесправие плантационных рабочих и зависимость их от произвола своей администрации (это то, о чем я думаю или же что-то иное? – Е.П.)»⁵¹.

Положение усугублялось еще и беспощадной интенсификацией труда, увеличением темпа работы. Тех, кто не выдерживал, выкидывали за ворота. На сахарных заводах почти не встречались рабочие старше 40 лет. Куда они девались, достигнув «старческого» сорокалетнего возраста? Умиряли, наверно... а как им жить, если они не могут работать?

На Юзовском заводе практиковали скрытое увеличение рабочего дня: постепенно сокращали перерывы на завтрак и обед, отменяли сокращение рабочего дня в предпраздничные дни.

На железных дорогах с 1885 по 1913 год интенсивность труда увеличилась на 66 %, заработная плата – лишь на 26 %. Кстати, в случае интенсификации труда проигрывали те, кто работал повременно: выработывали они больше, а зарплата оставалась прежней.

Ну так что: были у рабочих основания требовать 8-часовой рабочий день? Или это их злодеи подучили, чтобы расшатать державу?

⁵⁰ Нестеренко А. Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX и начале XX в. М., 1954. С. 231.

⁵¹ Нестеренко А. Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX и начале XX в. М., 1954. 262.

А сколько платили?

«Россия, которую мы потеряли». *«Поговорим лучше о ценах и зарплатах в тринадцатом году. Ученик рабочего получал тридцать рублей в месяц. Профессиональный рабочий – до ста и выше».*

Приведем еще одну легенду господ ностальгистов. Якобы председатель Совета министров СССР Алексей Косыгин, получив тезисы из идеологического отдела ЦК, узнал из них, что советский рабочий живет в восемь раз лучше, чем рабочий в Российской империи в 1913 году. По неким воспоминаниям близких, Алексей Николаевич был изрядно удивлен. В его семейном архиве хранилась расчетная книжка отца, токаря на петроградском заводе № 1 акционерного общества «Г. А. Лесснер». На январь 1917 года токарь Н. И. Косыгин заработал 146 рублей. За февраль – 190 рублей. За март – 171 рубль. И так далее, и в том же духе.

Сия история не в самом лучшем свете выставляет в первую очередь самого Косыгина. Умнейший мужик, государственный деятель – ну не мог же он не знать, что его отец относился к тончайшему слою так называемой «рабочей аристократии»! Друг Сталина Сергей Аллилуев тоже был рабочим, однако сумел выучить шестерых детей в гимназии, имел хорошую квартиру, нанимал на лето дачу. Они оба – и электрик Аллилуев, и токарь машиностроительного завода Косыгин могли зарабатывать по 170 рублей в месяц, могли и больше. А их ученики, из продвинутых, могли получать по тридцать рублей. Но судить по их зарплатам о жизни русских рабочих – все равно что судить об уровне доходов современного россиянина... скажем, по зарплате квалифицированного айтишника, работающего на американскую корпорацию.

А как жили остальные?

Вот навскидку: среднегодовая заработная плата рабочих различных производств по Европейской России, все тот же 1913 год. Обработка хлопка – 215 рублей, шерсти – 210 рублей (меньше 20 рублей в месяц). Это текстильщики, одна из наиболее многочисленных отраслей в России. Механическая обработка дерева – 249 рублей. Обработка металлов (о, это чемпионы!) – 402 рубля, почти 35 в месяц. Убийственные химические производства (об охране труда тогда толком и не слышали) – 249 рублей⁵². Разделив на двенадцать, получим среднемесячную зарплату. По-разному, но не более 35 рублей в месяц. Это в среднем. У кого-то больше, а у кого-то и сильно меньше. У текстильщиков и до двадцати не доходило. Дневной заработок малолетнего рабочего (от 12 до 15 лет) составлял $\frac{1}{3}$ заработка взрослого, женщины – $\frac{3}{5}$ той же суммы.

Ну и где тут зарплаты по сто рублей?

Теперь мы можем объяснить, почему на текстильных предприятиях так мало платили. Во-первых, труд был достаточно неквалифицированным, во-вторых, примерно половину работников составляли женщины и еще какое-то количество – подростки. Примерно та же ситуация была на табачных, спичечных фабриках, на сахарных заводах – везде, где не требовался квалифицированный труд.

В одной из книг на моей полке очень подробно разбирается ситуация на Украине. (Книга издана в 1954 году, так что автор, конечно, врет, выполняя задание большевистской партии. Не врут только хрустобулочки.) Цифр там содержится очень много.

Итак, на крупных предприятиях России, подчиненных надзору фабричной инспекции, в 1901 году заработная плата составляла 200 руб. в год, а в 1913 году – 263 рубля. Но это еще роскошь. На Украине в сахарной промышленности в 1910 году средняя зарплата составляла 114,6 руб., а в 1913-м – 117 рублей. А стоимость жизни, между прочим, выросла.

⁵² Россия 1913. Статистико-документальный справочник // <https://istmat.org/node/236?ysclid=lrdr81avqy384075473>

Ясно, что на десять рублей в месяц прожить невозможно. Из чего следует, что заработок текстильщиков в семьях был дополнительным – то есть все те же женщины и подростки.

На производствах по обработке металлов соотношение – 400 рублей против 347 рублей, т. е. она даже понизилась. На Луганском паровозостроительном заводе прибыль за 13 лет увеличилась в 23 раза, зарплата рабочих – на 20 %. Ничего удивительного, просто рынок: хозяин покупает труд за ту цену, за которую рабочий согласится ее продать. А в нашей «бурно развивающейся державе» дефицита кадров в промышленности почему-то не было. Интересно, почему?

Точнее, дефицит-то, конечно, был – и еще какой! Иначе не стали бы платить слесарю Косыгину без малого 200 рублей. Но касалось это только высококвалифицированных рабочих. А вот кадров средней и низкой квалификации был жуткий переизбыток, усугублявшийся по мере разорения деревни. Поэтому хозяева не стремились приобретать современное сложное оборудование – кто на нем работать-то будет? Вчерашние селяне? Уж они наработают! Так что фабриканты старались иметь оборудование попроще и брать рабочих подешевле, желательно вообще женщин и детей. Валовый продукт и ВВП, конечно, все равно росли, но вот производительность труда и качество – извините...

Результат закономерен: в 1913 году Россия отставала по производительности труда от США в 9 раз, от Англии – в 4,9 раза, от Германии – в 4,7 раза⁵³. То есть ситуация точно та же самая, что и в сельском хозяйстве за двести лет до того. Проще увеличить запашку, чем создавать интенсивные хозяйства. Проще нанимать вчерашних крестьян за гроши, чем покупать современные станки и обучать рабочих.

Так что технический прогресс в империи неминуемо упирался в кадровую проблему. А с другой стороны, отрасли, не работавшие на экспорт, как паровоз в скалу, упирались в проблему платежеспособного спроса. Что мы видели на примере пищевой промышленности, где все отрасли, кроме самых простых, составляли 10 %. Это к вопросу о перспективах развития «индустриальной державы».

Положение на Украине было еще хуже, чем в России. Богатейший край – черноземы, уголь, металл, а народ нищий. Или же нет?

Никита Хрущёв. «Воспоминания». *«Как слесарь, в Донбассе до революции я зарабатывал 40–45 рублей в месяц. (Это какая же у него была квалификация в двадцать-то лет?! – Е.П.) Черный хлеб стоил две копейки фунт (400 граммов), а белый – 5 копеек. Сало шло по 22 копейки за фунт. Яйцо – копейка за штуку. Хорошие сапоги стоили 6, от силы 7 рублей...»*

Не будем составлять потребительскую корзину, воспользуемся уже готовыми исследованиями. В 1901 году было проведено обследование 200 шахтерских семей Донбасса. Выяснилось, что расходы на питание и одежду для самого рабочего составляли 12,33 руб., на жену – 9,24 руб., на двоих детей – тоже 9,24 руб. Итого на одежду и еду для семьи надо было потратить 30 руб. 81 коп. А средняя зарплата шахтера составляла 24 руб.⁵⁴ И ведь здесь еще не учитываются такие обязательные расходы, как жилье, отопление, освещение. Как же они выкручивались? По-разному. Экономии на питании, на квартире, пускали угловых жильцов, женщины и дети шли работать (пусть за гроши, но все в дом копеечку).

За 13 лет общий индекс цен повысился на 39,1 %, на хлеб – на 45,7 %, на животные продукты – на 53,7 %. На 40–47 % возросла квартирная плата. Так что, как видим, реальный заработок украинского рабочего еще и понизился. Как они жили на эти деньги?

⁵³ Производительность труда в России // https://ru.wikipedia.org/wiki/Производительность_труда_в_России

⁵⁴ Волков В. Заработная плата русских рабочих в конце XIX – начале XX в. // https://scepsis.net/library/id_3869.html?ysclid=ls9bc779qc252547603

В 1912 году на питание, одежду и жилье одинокий квалифицированный киевский рабочий тратил около 75 % своего бюджета, семейный – 85 %⁵⁵. Собственно, многие семьи так живут и сейчас. В чем разница? Да так, мелочи: в качестве питания, жилья и одежды.

Основными продуктами питания большинства опрошенных были картошка, капуста, каша и ржаной хлеб. А ведь это не офисные сидельцы, это люди, которые занимались тяжелым физическим трудом.

Вот еще пример:

«Питание рабочих Рыковских копей в Донбассе, работавших в сутки вместе со сверхурочными по 18 часов, состояло из следующего: завтрак – суп картофельный, на обед рабочие брали с собой хлеб и воду, ужин – борщ и каша или жареный картофель. Питание и жилье обходились рабочим в 12 руб. в месяц, а зарабатывали они по 15–20 руб., очень редко – по 25 руб. в месяц. Так питался рабочий, не имеющий семьи. Семейный рабочий питался еще хуже. Голодание было самым распространенным явлением в семьях рабочих»⁵⁶.

О жилье будет отдельная глава – это особая серия нашего фильма ужасов. Одежду тоже покупали самую дешевую или поношенную. Более того, мне попала информация, что часто шахтеры работали под землей совсем без одежды – на работу в забое штанов не напасешься.

Такие вот дела.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ *Нестеренко А.* Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX и начале XX в. М., 1954. С. 257.

ДОМ, МИЛЫЙ ДОМ...

Теперь о жилье. Кто не сочувствовал Филиппу Филиппычу Преображенскому, великому ученому, зарабатывавшему на жизнь омоложением сексуально озабоченных нэпманов и криминальными абортками⁵⁷. Для самого Булгакова квартирный вопрос был болезненным, хотя если бы он не сменил профессию, то, скорее всего, стал бы обладателем отдельной квартиры. Специалистов в СССР ценили и любили, а врачом он был, судя по воспоминаниям, отменным.

А вот кто были те люди, которыми «уплотняли» барские квартиры и которых не любил Филипп Филиппыч, ибо они оскорбляли его эстетическое чувство?

О. Тихон Шевкунов. *«Семья Косыгиных жила только на зарплату отца, мать не работала. Они занимали трехкомнатную квартиру на Большой Вульфовой улице на Петроградской стороне... Детям дали отличное образование. У Косыгиных была прислуга... Жилище было обставлено добротной мебелью. Косыгины могли позволить себе качественное питание, хорошую одежду, обувь. А по воскресеньям всей семьей ходили в театр».*

В 1900 году трехкомнатная квартира на Петроградской стороне стоила, по самому нижнему пределу, уж никак не меньше 25 рублей в месяц⁵⁸. В 1913 году квартплата еще подросла. А какая у нас средняя зарплата? 35 рублей? Можно на такую снять не то что трехкомнатную, но даже однокомнатную квартиру? Комнату за 10 рублей в месяц? Разве что угол за пятерку, и то – если повезет. А вы думаете, рабочие из любви к грязи и тесноте селились по подвалам да казармам?

Кстати, Хрущев, вспоминая молодые годы, рассказывал не только о том, как хорошо жил, будучи слесарем, но и о рабочей казарме, в которой обитал его отец: пятьдесят человек, из мебели – двухъярусные нары и веревка для одежды, даже столов и тех нет...

О. Тихон Шевкунов. *«Уже к 1913 году бараки для проживания рабочих в целом ушли в прошлое. Точнее, в будущее: бараки снова вырастут в советских городах и рабочих поселках».*

Вырастут-то они вырастут, но на стройках и в новых городах, как временное жилье. А те бараки, которые «в целом ушли в прошлое», а стало быть, в частности, еще остались и в 1913 году – это совсем другое. Да и тут опять же терминологическая неувязка – то, что сейчас в России называют бараками, деревянные дома коридорного типа с удобствами во дворе – о таких условиях большинство рабочих того времени и мечтать не смели. А о. Тихон вовсе не о бараках говорит, а о рабочих казармах. Что это такое? Снова обратимся к Пажитнову.

На большинстве фабрик в глубине России помещения для рабочих подразделялись на две категории: казармы и каморки. Первые для холостых рабочих, вторые для семейных. Это огромный барак, либо перегородженный, либо не перегородженный на маленькие клетушки.

«Обстановка спален, будь это казармы или каморки, везде очень однообразна: по общему правилу в них обыкновенно помещаются в несколько рядов дощатые, большей частью голые нары; железные кровати имеются лишь на очень немногих фабриках или заводах... О подстилке рабочий обязан позаботиться уже сам, и в большинстве рабочие спят на собственном полушубке или кафтане...»⁵⁹

Грязь в казармах обычно стояла невообразимая. Уборщиков не держали, а рабочим было не до того. Щели деревянных наров буквально кишели клопами, вшами и блохами. О вентиляции никто не заботился – вот еще! Рабочие обоих полов и всех возрастов спали вповалку.

Вот еще нюанс: *«На крупных бумагопрядильных или бумаготкацких фабриках, если не все, то часть рабочих имеет сравнительно лучшее помещение, но в них, при 6-ти часовых*

⁵⁷ Был такой эпизод – правда, не в фильме, а в книге.

⁵⁸ Юхнёва Е. Петербургские доходные дома. М., 2019. С. 155–158.

⁵⁹ Пажитнов К. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 36.

рабочих сменах, одним и тем же местом для сна пользуются различные рабочие: один встает и уходит на работу, другой приходит и ложится на его место...

О том, что для здоровья человека нужно определенное количество свежего воздуха – по общему правилу, нигде не принято заботиться. В казармах очень часто нары делаются в 2 яруса, так что при обычной высоте комнаты в 3–4 аршина верхний ярус отстоит от потолка на $\frac{3}{4}$ аршина (около 55 см. – Е.П.).

Семейные рабочие стараются выгородить себя от остальных и с этой целью отделяют свои места на нарах как-нибудь занавесками, часто просто из разного грязного тряпья. Иногда фабриканты идут навстречу (!) этому естественному стремлению рабочих, и на помосте нары делают дощатые перегородки вышиною в $1\frac{1}{2}$ аршин (около метра. – Е.П.), так что на нарах образуется ряд, в полном смысле слова, «стойл на каждую пару»⁶⁰.

Все ж таки даже на стройках социализма рабочих обеспечивали если и не отдельными кроватями, то хотя бы постельным бельем, делили бараки на мужские и женские. Даже в многократно демонизированном ГУЛАГе зек имел свое собственное место на нарах. А этим людям – за что им такое? Чем и перед кем они провинились?

Каморки – это тот же барак, но поделенный на отдельные клетушки, – такое «элитное» жилье предназначалось для семейных рабочих. Только не стоит думать, что в комнате помещается по одной семье – обычно по две-три, но иной раз и до семи.

Жилье, предоставленное работодателем, могло выглядеть и иначе. Например, так:

«При всяком заводе имеются рабочие избы, состоящие из помещения для кухни и чердака. Этот последний и служит помещением для рабочих. По обеим сторонам его идут нары, или просто на полу положены доски, заменяющие нары, покрытые грязными рогожами с кое-какой одежкой в головах. Полы в рабочих помещениях до того содержатся нечисто, что покрыты слоем грязи на несколько дюймов... Живя в такой грязи, рабочие расплождают такое громадное количество блох, клопов и вшей, что, несмотря на большую усталость, иногда после 15–17 часов работы, не могут долго заснуть... Ни на одном кирпичном заводе нет помойной ямы, помои выливаются около рабочих жилищ, тут же сваливаются всевозможные нечистоты, тут же рабочие умываются...»

Но ведь это же не казарма, а прямо-таки целый дом, предоставленный хозяином. Просто у него специфическое внутреннее устройство.

Летом, когда в казармах было не продохнуть, а кровососущие насекомые размножились в угрожающем количестве, рабочие переселялись на «дачи». Только не надо обманываться термином – он из разряда черного юмора. Во Владимирской губернии это выглядело так:

«Они устраиваются где-нибудь поблизости фабрики, где есть свободное место, из разломанных ящиков, жердей и тому прочего хлама, видами и размером напоминая собою скорее собачью конуру или курятник. Примитивные эти жилища тянутся длинными линиями, и на первый взгляд посторонний, непосвященный наблюдатель не заподозрит в них человеческого жилища. В этих балаганчиках летом живут целые семьи...»

В Московской губернии преобладало, так сказать, «типовое строительство» рабочих дач:

«Они представляют собой небольшие ящики, сколоченные из досок; длина этих ящиков – около одной сажени, ширина менее $1\frac{1}{2}$ аршина, а высота $1\frac{1}{2}$ –2 аршина. Вход в эти конуры имеет около 14 вершков вышины и 11 вершков ширины⁶¹, так что войти в них можно только ползком, на четвереньках. Иногда такие конуры устраиваются в коридорах, и в таком случае служат жилищем для рабочих в течение круглого года. И оказывается, что в таких собачьих

⁶⁰ Пажитнов К. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 37.

⁶¹ Сажень – 2,13 см, аршин – 71 см, вершок – 4,45 см.

помещениях живет от 2 до 3 рабочих. На фабричном дворе бывает иногда до 150 подобных конур»⁶².

А съемные квартиры могли быть такими: «На Петербургском тракте квартиры для рабочих устраиваются таким образом. Какая-нибудь женщина снимает у хозяина квартиру, уставляет кругом стен дощатые кровати, сколько уместится, и приглашает к себе жильцов, беря с каждого из них по 5 коп. в день или 1 руб. 50 коп. в месяц. За это рабочий пользуется половиной кровати, водою и даровой стиркой».

Или такими, как эта клоака в окрестности пороховых заводов: «В особенности ужасен подвал дома № 154: представляя из себя углубление в землю не менее 2 аршин, он постоянно заливается если не водою, то жидкостью из расположенного по соседству отхожеего места, так что сгнившие доски, составляющие пол, буквально плавают, несмотря на то, что жильцы его усердно занимаются осушкой своей квартиры, ежедневно вычерпывая по несколько ведер. В таком-то помещении, при содержании 5, 33 куб. сажень (при высоте потолка 2 с небольшим метра это комната площадью около 20 кв.м. – Е.П.) убийственного самого по себе воздуха я нашел до 10 жильцов, из которых 6 малолетних. (Это он нашел столько. А сколько во время его визита были на работе? – Е.П.)»⁶³. Что там Достоевский с его «униженными и оскорбленными»? Разве это бедность? Ведь даже нищее семейство Мармеладовых жило хоть и в проходной комнате, но в отдельной, на одну семью, и в доме, а не в подвале – рабочие заводских окраин посчитали бы такие условия царскими!

Наконец, еще в начале XX века на многих предприятиях, особенно мелких, люди спали там же, где и работали.

Естественно, «рабочая аристократия» жила лучше. Вот, например, в каких условиях проживала в 1890 году семья квалифицированного мастера-котельщика:

«Жили тесно, всей семьей в одной комнате (отец, мать и трое детей. – Е.П.), хотя снимали обычно целую квартиру из двух комнат и кухни. Но эта квартира была для нашей семьи источником дохода: одну комнату и кухню сдавали квартирантам, холостым рабочим, на которых мать стирала и готовила еду»⁶⁴.

Описанные ужасы относятся к 80-м – 90-м годам XIX века и остались неизменными вплоть до 1905 года. Затем начались некоторые улучшения – впрочем, попечение властей о народе здесь ни при чем. Просто русская «элита» почувствовала дыхание народного бунта и испугалась, на заводах и фабриках даже стали массово повышать зарплаты и улучшать условия. После подавления беспорядков пошел откат, усугубившийся промышленным кризисом.

В 1910 году кризис сменился подъемом. Число жилых помещений, как нетрудно догадаться, не увеличилось. Жилье строится тогда, когда есть платежеспособный спрос, а с этой голи перекаточной что получишь? Когда у нее в одном кармане блоха на аркане, а в другом – вошь на цепи...

Возьмем снова Новороссию, край шахтеров и металлургов. В Донбассе в 1911 году в казармах проживало 42 % рабочих, в 1912-м – 44 % и в 1913-м – 47 %⁶⁵. Почти половина! Хороши же у о. Тихона «частности»...

Теперь поговорим об остальной половине – о тех, кто жил в «сравнительно благоустроенных» жилищах. В 1910 году было произведено обследование в Бахмутском уезде, 1638 квартир рабочих «Общества южнорусской каменноугольной промышленности». Производилось оно в ноябре – декабре, это важно. Юг-то он юг, но зимой там совсем не тепло.

⁶² Пажитнов К. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 41.

⁶³ Пажитнов К. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 34–35.

⁶⁴ Тайми А. Страницы пережитого. Петрозаводск, 1955. С. 9.

⁶⁵ Нестеренко А. Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX и начале XX в. М., 1954. С. 233.

«В результате обследования жилищ рабочих оказалось, что 40,4 % из них находились в полуземлянках и 2,5 % – в сарайчиках и летних кухнях... Жилищ с земляными полами было 71 % и жилищ без потолков, т. е. хлевов – 37,4 %. В 951 жилище было невыносимо холодно и сыро. Только в 442 квартирах было относительно тепло и сухо»⁶⁶.

Сколько человек набивалось в эти жилые помещения, прямо не говорится. Но выясняется, что в 18,7 % жилищ на человека приходилось от $\frac{1}{10}$ до $\frac{2}{5}$ куб. сажени воздуха, притом что нормой считалось в спальнях помещениях 1,1/2 куб. сажени, а в мастерских и цехах – целых три, и это при наличии вентиляции. (Кубическая сажень – это около 10 кубометров. Норма в то время была 1,5 куб. сажени на человека, при наличии вентиляции.) Получается, что почти 20 % рабочих умудрялись ночевать в помещениях, где на их долю приходилось от одного до шести кубометров воздуха. Где-то примерно объем конуры для крупной собаки. И только 15,7 % жилищ имели объем воздуха больше полутора кубических сажений, или, в пересчете на квадратные метры (при высоте потолка в 3 метра), от 5 кв. метров на человека. Квартир с нормальным освещением не было вообще (впрочем, при таком рабочем дне зачем им вообще было освещение? Прийти с работы, что-нибудь съесть – и спать...)

Вот еще нюанс быта: *«В силу недостатка воды население стремилось обеспечить себя хотя бы питьевой водой, не претендуя на её хорошее качество. Для стирки белья, мытья и т. д. употребляли шахтную воду или воду из луж и прудов. Однако шахтная вода была крайне загрязнена. Дело в том, что в шахтах клозетов не было. Нечистоты, разбросанные всюду, смешивались с шахтной водой, и затем эта же вода шла рабочим семьям в употребление. Поэтому возникали частые эпидемии брюшного тифа и холеры, уносившие в могилу много тысяч жертв»⁶⁷.*

В России люди жили получше, чем на Украине (по крайней мере, в крупных городах). Но не надо обольщаться: с одной стороны, шел промышленный подъем, с другой – столыпинская реформа выбрасывала в города разоренных крестьян. Строил ли кто-то новые дома для рабочих? А оно кому надо?

⁶⁶ Нестеренко А. Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX и начале XX в. М., 1954. С. 234.

⁶⁷ Там же. С. 235.

Расходный материал как он есть

Мы еще условий труда не касались. Половину жизни, не меньше, рабочие проводили на своем рабочем месте. Да, существовали заводы и фабрики, где хотя бы относительно соблюдались требования гигиены, охрана труда, хотя бы попытки такие были... Их очень любят приводить в пример наши монархисты. Сколько таких было? От 1 до 5 % от общего числа. А остальные?

Правило такое: чем менее квалифицированный труд, чем больше работает женщин и детей, тем хуже положение. Их за то и ценили, особенно малолеток, которые были совсем уж дешевой и безропотной рабочей силой. А раз так – зачем напрягаться, всех всё устраивает. Ведь правда же устраивает – а, ребяташки?

80-е годы XIX века – картины яркие и запоминающиеся. Потом таких уже не было – не потому, что положение улучшилось, а потому, что после 1885 года отчеты фабричных инспекторов перестали публиковать.

В Царстве Польском по части условий труда было, пожалуй, самое лучшее положение в Российской империи. И вот что пишет фабричный инспектор Харьковского и Варшавского округов Святловский, который лично осмотрел 1500 (!) предприятий с 125 тыс. рабочих – то есть в основном мелких и средних. *«Относительно рабочих помещений можно принять за правило следующее положение: если во вновь воздвигаемых фабриках далеко не всегда обращается внимание на требования строительной гигиены, то в старых фабриках и, особенно, в мелких заведениях эти требования всегда и благополучно игнорируются, и нигде не имеется приспособлений ни для вентиляции, ни для удаления пыли»*⁶⁸.

Вот и пример: сушильни на махорочных фабриках таковы, что даже привычного рабочего, который пробыл там 15 минут, иной раз вытаскивали в глубоком обмороке. *«При входе в сушильню дух захватывает почти в той же мере, как и при входе в помещение химических заводов, где вырабатывается соляная кислота»*.

Да, кстати, химические заводы – вот где были настоящие фабрики смерти. Московская губерния (относительно цивилизованная): *«На химических заводах в подавляющем большинстве случаев воздух отравляется различными вредными газами, парами и пылью. Эти газы, пары и пыль не только вредят рабочим, причиняя более или менее тяжкие болезни от раздражения дыхательных путей и соединительной оболочки глаз и влияя на пищеварительные пути и зубы, но и прямо их отравляют... На зеркальных мелких заводах рабочие страдают от отравления ртутными парами. Это обнаруживается в дрожании рук, в общем упадке питания и дурном запахе изо рта»*. Кстати, один из таких заводов – по производству свинцовых белил – красочно описан Гиляровским в очерке «Обреченные».

Фабрики тогдашние мало походили на нынешние, где, даже если есть проблемы с вентиляцией, то, по крайней мере, достаточно самого воздуха. Но исследователи условий труда на кустарных и полукустарных производствах, таких как табачные, спичечные фабрики и пр., пришли в ужас, когда измерили, сколько воздуха приходится на одного работающего. Получалась иной раз половина, а иной раз и треть кубической сажени. При этом единственной системой вентиляции зачастую служили открытая дверь и форточка в окне, которую рабочие закрывали по причине сквозняков.

Ну, а теперь дадим слово самим фабричным инспекторам. Вот рогожные фабрики (более половины работающих – дети!): *«На всех фабриках без исключения мастерские дают на каждого рабочего, или, вернее, живущего, менее принятой нами нормы в 3 куб. сажени, а 2/3 из них дают менее 1 куб. сажени на человека, не считая при том массы воздуха, вытесняемого моча-*

⁶⁸ Пажитнов К. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 18.

лой и рогожками. На 7 кожевенных заводах было найдено отопление «по черному» – без труб. Из 1080 фабрик Московской губернии периодическое (!) мытье полов существовало только на трех!»

Вот сахарные заводы. Казалось бы, чистый хороший продукт – но производство относится к числу особо вредных.

«На всех осмотренных заводах не имеется почти никаких особых вентиляционных приспособлений... нередко рабочие помещения бывают переполнены парами, а часто и резким запахом фильтрпрессной грязи. Поэтому рабочие часто сами устраивают вентиляцию, выставляя или выбивая окна, результатом чего являются постоянные сквозняки (это при высокой-то температуре в 36 градусов и выше!) ...»

...

«Работа в паточной положительно вызывает особую, чисто профессиональную болезнь, именно нарывы на ногах. В паточном отделении рабочий все время стоит в патоке босиком, при чем малейшая ссадина или царапина разъедается, и дело доходит до флегмонозных воспалений. Высокая температура и господствующие сквозняки вызывают ревматические заболевания...»

...

«К числу наиболее вредных работ на сахарных заводах следует отнести работы с известью, которые состоят в гашении, переноске и разбалтывании извести с водою. Мельчайшие частицы ее носятся в воздухе, покрывают платье и тело рабочих, действуют разрушающим образом на то и другое, разъедают глаза и, несмотря на повязки (русский фабричный «респиратор» – во вредных цехах лица обматывали тряпками. – Е.П.), проникают в легкие и вызывают разного рода легочные страдания...»

На других фабриках дело обстояло не лучше:

«...Особенно часто плохи на суконных фабриках «мокрые» отделения – это настоящие сырые, промозглые подвалы, а между тем, полураздетые работницы постоянно ходят из них в сушильню, где температура доходит до 40°С».

...

«...Существует одна фабрика (Головиной), которая во время работы... ходит ходуном. Для того, чтобы попасть в помещение, где установлены чесальные машины, нужно пролезть через входное отверстие, отстоящее от парового двигателя с его движущимися частями не более, как вершков на 6–7 (около 30 см. – Е.П.); валы расположены на высоте ниже человеческого роста...»

...

«...Большая часть табачных фабрик отличается крайней скученностью рабочих... Воздух в них почти всегда спертый, душный, причем в порче его участвуют не только человеческие испарения, но и недостаток вентиляции, а также примесь продуктов горения газа, керосина и свечей... Желудочные скоропреходящие боли (гастралгии) знакомы всем табачным работникам. Это, можно сказать, настоящее профессиональное их заболевание. Вообще нервные страдания (от отравления никотином) так часты на табачных фабриках, что зачастую на вопрос: “Ну, как здоровье?”, получается от рабочих ответ: “Да мы все больны, у всех одышка, у всех головная боль”».

...

«...На перчаточной фабрике Простова пахнет не лучше, чем в общественных и при том никогда не дезинфицируемых писсуарах, потому что кожи на этой фабрике вымачиваются в открытых чанах, наполненных полусгнившей мочой (интересно: а покупатели перчаток в курсе особенностей технологического процесса? – Е.П.). Мочу доставляют, конечно же, сами рабочие, для чего в помещении в нескольких углах находятся особые чаны, ничем не прикрытые.

В небольших кожевенных заведениях люди спят и едят в тех же зловонных мастерских, где воздух не лучше, чем в плохом анатомическом театре...»

Эти доклады относятся к 80-м годам XIX века. Но, может быть, за 20 лет что-нибудь изменилось? Посмотрим. Мы снова на сахарном заводе, и снова слово фабричному инспектору:

«Работа на заводе продолжается 12 часов в день, праздников не имеют и работают 30 дней в месяц. Почти во всем заводе температура воздуха страшно высокая. Работают голышом, только покрывают голову бумажным колпаком да вокруг пояса носят короткий фартук. В некоторых отделениях, например, в камерах, куда приходится вкатывать тележки, нагруженные металлическими формами, наполненными сахаром, температура доходит до 70 градусов. Этот ад до того изменяет организм, что в казармах, где рабочим приходится жить, они не выносят температуры ниже 30 градусов...»

Главный бич мануфактур – кроме ничем не огражденных машин – это пыль, постоянная и всепроникающая. От нее у работников развиваются легочные болезни, болезни глаз. Если в Западной Европе, где тоже с рабочими не миндальничали, все же машины снабжали вентиляторами и кожухами, то в России все было открыто. К чему лишние расходы?

«После пребывания на льнопрядильных фабриках в течение только нескольких минут я выходил оттуда, весь покрытый пылью, как мукой... Там, где обрабатываются низшие сорта льна, становится трудно не только дышать, но и видеть, все в каком-то сером тумане»⁶⁹.

К безопасности труда примерно такое же отношение. Машины почти никогда не имеют никаких ограждений: кто зазевался – тот и попал⁷⁰. В погоне за выработкой станки напихивают в цеха, не считаясь с элементарными требованиями безопасности. А зачем о чем-то думать? За травмы, даже за смерть рабочего хозяин не отвечает никак. Трешку в зубы – и за ворота. Долго ли набрать новых? Вот лишь один пример из многих сотен.

«На мануфактуре № 31 в опальне, или палильне, между двумя машинами с множеством зубчатых колес, вращающихся в разных направлениях, существует проход всего, примерно, в три четверти аршина⁷¹, через который в течение суток проходят, нет сомнения, сотни рабочих. В том числе малолетние; малейшая неосторожность, особенно при господствующем шуме и жаре в этом отделении, один нетвердый шаг или толчок – и человек в этом проходе легко может зацепиться за ту или другую шестерню и быть изуродованным. Я обратил внимание на этот опасный пункт мастера, и он мне хладнокровно ответил, что для прикрытия этих машин есть у них деревянные футляры, но у одного из них, недели 2 тому назад, оторвалась крышка, и что никак не соберутся ее исправить»⁷².

Стоит ли удивляться количеству болезней, травм, смертных случаев на рабочем месте? Администрация, как правило, никакой ответственности не несла. Правда, еще в 1862 году был выработан проект устава о промышленности, где хозяевам вменялось в обязанность оплачивать лечение рабочего, пострадавшего на рабочем месте, и хоронить в случае смерти. Но проект так и остался проектом.

Другой закон, разработанный аж в 1866 году, обязывал фабрикантов организовывать медицинскую помощь рабочим. Кое-где он даже соблюдался. Хотя большей частью фабричная больница ограничивалась приемным покоем с парой кроватей, а медицинский персонал – фельдшером. Иногда эту обязанность исполняли хозяин фабричной лавки или конторщик: а что – читать-писать умеет, человек образованный, чем не медработник?

⁶⁹ Пажитнов К. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 28.

⁷⁰ Кто помнит, с чего начинался знаковый советский фильм «Юность Максима»? Как раз со смерти его товарища, который попал в машину.

⁷¹ 55–60 см.

⁷² Пажитнов К. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 30.

Но на абсолютном большинстве осмотренных фабрик и заводов медицинской помощи не было совсем. Больных и искалеченных либо отправляли в ближайшие больницы, либо попросту давали расчет и выпихивали за ворота. Статистики несчастных случаев никто не вел, а если кто и пытался... Директор крупной мануфактуры в Московской губернии решил было такую статистику завести. Результат?

«По словам директора, ему скоро пришлось раскаться в своем рвении. Исправник сделал ему строжайший выговор и грозил жаловаться губернатору, вследствие того, что на данной фабрике в короткое время было так много несчастных случаев при работе, тогда как на всех других фабриках вверенного ему уезда несчастия случаются гораздо реже»⁷³.

В 1880-е годы в Саксонии получал травму на производстве примерно один работник из ста. На сахарных заводах России – один из четырнадцати. У текстильщиков на тысячу человек – от 277 до 303 несчастных случаев.

Закон «О вознаграждении владельцами предприятий рабочих и служащих, утративших трудоспособность вследствие несчастных случаев» был принят лишь в 1902 году, а «Об обеспечении рабочих на случай болезни» – в 1912-м. И то значительная часть финансирования была возложена на самих рабочих – больничные кассы, из которых платились пособия по нетрудоспособности, пополнялись как за счет взносов предпринимателей, так и самих рабочих, которые отчисляли 2–3 % зарплаты – там, конечно, где эти кассы существовали.

Можно было получить пособие и через суд – но для этого требовалось, во-первых, знать о существовании закона, а во-вторых, суметь добиться его исполнения. В самом деле, что проще: рабочему доказать, что он пострадал по вине хозяев, или администрации нажать на рабочих, чтобы те подтвердили: мол, пострадал человек по собственной вине? Да и много других лазеек тоже применялось, не без того...

⁷³ Пажитнов К. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 48.

Благодетель земли русской

Был на Москве такой Алексей Иванович Хлудов. «Википедия» пишет о нем с придыханием. Потомственный почетный гражданин, библиофил, собиратель рукописей, глава одного из крупнейших российских купеческих домов. Известный благотворитель – давал деньги на учебные заведения, больницы, дома призрения, церкви. Был членом Московского археологического общества, одним из основателей публичного Румянцевского музея.

Но те, кто занимался положением рабочих, знали этого чудного человека несколько с другой стороны. Вот что пишется в исследовании земской санитарной комиссии 1980 года о положении дел на хлудовской мануфактуре:

«Работа на фабрике обставлена крайне неблагоприятными условиями: рабочим приходится вдыхать хлопчатобумажную пыль, находиться под действием удушливой жары – до 28,2 по R⁷⁴, – и переносить удушливый запах, разносящийся из дурно устроенных ретирад⁷⁵. Фабричная администрация объявила, что потому не принимается мер к их (ретирад) улучшению, что, в противном случае, – с уничтожением миазмов, эти места превратились бы в места отдохновения для рабочих, и их бы пришлось выгонять оттуда силой. Каковы должны быть удобства жизни и работы на фабрике Хлудова, если даже ретирады могут сделаться местами отдохновения?»

Да и каковы хлудовские сортиры, если их вонь не способен перенести даже ко всему привычный русский рабочий?

«Работа идет и днем, и ночью, каждому приходится работать две смены в сутки, через 6 часов делая перерыв, так что в конце концов рабочий никогда не может выспаться вполне. При фабрике рабочие помещения в громадном сыром корпусе в 3 этажа, разделенном, как гигантский зверинец, на клетки или каморки, грязные, смрадные, пропитанные вонью отхожих мест. Жильцы набиты в этих каморках, как сельди в бочке. Земская комиссия приводит такие факты: каморка в 13 куб. сажен служит помещением, во время работ, для 17 человек, а в праздники или во время чистки машин – для 35–40 человек. Вообще, по словам хлудовского фабричного доктора Михайлова, в каморках приходится по 0,6 куб. сажен зараженного всякими испарениями и газами воздуха на человека»⁷⁶.

Напоминаем, это при норме в 1,5 куб. сажени при вентиляции. Была ли вентиляция в казармах? Шутить изволите?

Остальные прелести тоже присутствовали в полном объеме. Штрафы насчитывались иной раз до размеров зарплаты. Жалованье получали не деньгами, а едой и одеждой из фабричной лавки. Да, мы ведь еще про лавки не говорили! На многих фабриках рабочим вообще запрещено было выходить за ворота. Зато милостивые хозяева устраивали для них фабричные лавки – естественно, цены там были выше, чем в городе, товар хуже, но куда денешься? Тем более если можно брать в счет зарплаты?

Вот еще одна знаменитая московская семья – Морозовы. Тоже меценаты, основатели музеев и пр. Да и хозяева знаменитых мануфактур, где условия жизни и работы, зарплаты – были как у всех. Так вот о лавках:

«На фабрике были организованы харчевые лавки. Каждый рабочий был обязан покупать продукты только в этих лавках. Продукты здесь были очень скверные, низкосортные. Цены значительно превышали обычные. Продукты продавали в этих лавках по классовому принципу. Покупатели в харчевых лавках были разбиты на три категории, и харчевые книжки для

⁷⁴ Около 35 градусов по Цельсию.

⁷⁵ Уборная.

⁷⁶ Пажитнов К. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 16.

разных категорий имели различные переплеты и были снабжены особыми клеймами. Высший технический персонал получал здесь хорошие продукты и по нормальным ценам. Фабричные служащие также не терпели большого ущерба от существования харчевых лавок. Рабочие же находились совсем в ином положении. Им доставались остатки после начальства и по повышенным ценам. Служащий мог купить хорошую сдобную булку. Рабочий за ту же цену получал черный, кислый хлеб. Покупать продукты в другой, не фабричной лавке рабочему воспрещалось. Известны десятки случаев, когда рабочих, сделавших закупки в городе, на обратном пути на мосту встречал Морозов. Увидев, что рабочие несут из Богородска продукты, он отнимал их, бросал в Клязьму, а рабочих избивал нагайкой, – хозяин всегда ходил с нагайкой»⁷⁷.

Вообще-то фабричные лавки много где существовали – особенно там, где рабочих не выпускали с территории фабрики, так что у них и выбора не было. Но вот про книжки трех видов – такого мне раньше не попадалось⁷⁸.

Кстати, именно на принадлежащей Хлудову Ярцевской мануфактуре в 1880 году произошла одна из первых в истории рабочего движения России стачек. Дело в том, что хозяин принадлежал к церкви старобрядцев-единоверцев. Он сделал крупное пожертвование типографии, печатавшей церковные книги, а потом, в порядке компенсации, распорядился на 10 % сократить жалованье рабочим. Те начали шуметь, явился сын хозяина Михаил, которого оторвали от охоты и кутежей. Потом вызвали войска, приехал смоленский губернатор... В общем, войска заняли фабрику, рабочим предложили приступить к работе, и те подчинились.

Средний заработок рабочего-текстильщика в то время составлял около 15 рублей. Стало быть, отец-благодетель отгрыз у них на спасение собственной души по полтора рубля. У женщин – по рублю. У детишек, соответственно, по полтиннику. Такая вот церковная десятина...

23 января 1882 года хлудовская мануфактура сгорела. Впрочем, фабрикант не пострадал – он получил 1700 тыс. рублей страховой премии. А рабочие?

«После пожара осталось... семь возов трупов. По распоряжению директора Миленча рабочие были заперты в горевшем здании, чтобы не разбежались и лучшие тушили пожар, а сторожа снаружи даже отгоняли желающих помочь горевшим. “Думали народом огонь погасить”, – так объяснял корреспонденту “Недели” один из рабочих»⁷⁹.

(Случай, кстати, не единичный. На петербургской табачной фабрике бр. Шапшал во время пожара сделали то же самое – чтобы рабочие не разворовали хозяйский табак. Людшек-то можно новых набрать, а табачок – он денег стоит...)

Кстати, для своей мануфактуры Хлудов импортировал из Англии не только машины, но и директора. Для англичанина Миленча и свои-то рабочие были людьми третьего сорта, а уж русские и вовсе туземцами. Ну, а отечественные фабриканты успешно перенимали британский подход.

Прибыль хлудовских мануфактур составляла 45 % в год.

А вы знаете, что у знаменитого коллекционера Третьякова, основателя одноименной галереи, тоже имелись бумагопрядильные фабрики? К моменту смерти его состояние оценивалось в 3,8 млн руб. Посетителям галереи об этом, конечно, не говорят – зачем?

⁷⁷ Письменный А. На Глуховке за 20 лет. М., 1937 // <https://www.bogorodsk-noginsk.ru/narodnoe/gluhovo20/1.html>

⁷⁸ Знаю, сейчас скажут, что и на советских заводах были особые столовые для администрации. Да, были. Вот только рабочих не заставляли питаться в заводской столовой. На том заводе, где я работала, кстати, я директорского зала не припоминаю.

⁷⁹ Пажитнов К. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 15.

Запроданное детство

Зарплату русского рабочего мы уже знаем. Стоит ли удивляться, что его дети начинали работать лет с семи-восьми?

Адольфа Тайми можно назвать потомственным рабочим. Его отца привезли в Петербург из Финляндии в 60-х годах, дед тоже работал на каком-то заводе. Правда, внук его не застал – рабочие тогда большей частью до внуков не доживали.

«Отец мой, младший в семье деда, начал трудовую жизнь восьми лет, на бумагопрядильной фабрике. Такой же была судьба моей матери. И ее ребенком привезли в Петербург, и она, как отец, восьми лет была уже на фабрике. Рабочий день у них продолжался 14 часов»⁸⁰...

Это был целый промысел: обозники, поставлявшие в столицу разные товары, везли туда детей бедняков, которых семьи не могли прокормить. Там детей отдавали либо «в учение мастеру», либо на фабрики. Давали родителям за ребенка, допустим, рубль, получали пять, а потом хозяин окупал затраты многократно.

Лишь в шестнадцать лет его родители сумели вырваться с мануфактуры. Мать поступила работать горничной, отец – учеником в игрушечную мастерскую. В семье было десять детей. Выжили трое.

Трудовую биографию он начал в десять лет на коробочной фабрике. Выглядело это так:

«Подмастерья и ученики сидели вдоль большого стола... Передо мной стояла тарелка с жидким крахмалом и стопка нарезанной по шаблону бумаги. Растопырив пальцы правой руки, я погружал их кончики в крахмал, а левой рукой, тем временем подвигал к себе пять одинаковых полосок бумаги из стопки. Затем, пятью движениями, я смачивал полоски крахмалом – большим пальцем, указательным, средним и т. д. Сделав это, подавал все пять полосок рабочему, сидевшему по левую от меня руку. И это – все. Обмакнуть пальцы в крахмал, по очереди смазать пять полосок, подать их рабочему...»

Однако работа эта была крайне изнурительной. Подмастерье получал сдельно, это был уже немолодой человек, может быть, обремененный семьей, естественно, что он старался выработать побольше. Но его производительность была в прямой зависимости от ловкости и неутомимости ученика... Мне установили оклад 10 копеек в день, и за это я должен был, не разгибая спины, почти что не имея времени вытереть со лба пот, долгие одиннадцать часов гнаться и гнаться за подмастерьем, который не терпел задержек.

Зато в субботу, проработав шесть дней на фабрике, я принес матери свою первую получку – полтинник. Десять копеек, по обычаю, были задержаны хозяином»⁸¹.

Каков отец-благодетель! Платит ребенку по десять копеек в день, да еще и гривенник в неделю заживает. Прямо-таки символ «золотой России»...

На той же хлудовской мануфактуре четверть рабочих составляли дети до 12 лет, еще четверть – подростки с 12 до 18. Естественно, никаких скидок на возраст не делалось.

«Утомление, сопряженное с трудом на фабрике, было так велико, что, по словам земского врача, дети, подвергавшиеся какому-нибудь увечью, засыпали во время операции таким крепким, как бы летаргическим сном, что не нуждались в хлороформе»⁸².

Собственно, так было везде, не только в России. Детскому труду на мануфактуре посвящен рассказ Джека Лондона «Отступник». Американский рабочий жил лучше европейского и намного лучше русского, но для семилетнего ребенка, по двенадцать часов стоящего у станка, вряд ли была какая-то разница.

⁸⁰ Тайми А. Страницы пережитого. Петрозаводск, 1955. С. 9.

⁸¹ Там же. С. 12–13.

⁸² Пажитнов К. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 17.

Вернемся, впрочем, в Россию. Вот наши любимые сахарные заводы, 80-е годы XIX века: *«В квасильне, где более всего работают дети от 7 лет, у здорового, но непривыкшего человека через четверть часа разболится до обморока голова от невыносимой вони и сырости, которую издает квасящийся уголь... В костопальне дети от 7 лет (которые работают также 12 часов) ходят и распластывают горячую крупку, от которой пыль буквально покрывает их с головы до ног... В прачечной – девочки от 14 лет, совершенно голые, моют грязные от свекловичного сока салфетки в сильно известковой воде, от которой лопаются у них кожа на теле...»*

А вот почти двадцать лет спустя: Петербург, стекольный завод Ириновского промышленного общества. Производство и вредное, и опасное и, как водится в России, если без механизации можно обойтись, то без нее и обходятся.

Условия там такие: главная печь помещается в большом сарае без окон, температура возле печи доходит до 60 градусов, ярчайший свет раздражает глаза. Никакого предохранения для зрения не существует, даже защитных очков. А зачем? Очки денег стоят, бьются, а мелюзги по казармам да по деревням немеряно, если что – новых привезут.

«Самый ужасный акт в производстве стекла, при котором работает масса детей, есть так называемая разделка стекла, которая производится двумя способами: выдуванием и тиснением... Орудием для выдувания служат железные трубки, длиною до 2 аршин, шириною около $\frac{3}{4}$ вершка (примерно 140 на 3,15 см. – Е.П.). Рабочие, преимущественно дети, через отверстие в крышке печи набирают горячую стеклянную массу... вращают все время ее руками, затем сильным напором легких выдувают стекло; труд этот “выдувальщика” требует особенно энергичной работы легких и является весьма тяжелым... Такая энергичная работа детских легких вызывает их преждевременное изнашивание и склонность к легочным заболеваниям»⁸³.

Итого за 1902 год на заводе, где работало всего 700 человек, было зарегистрировано (а сколько остались в неизвестности?!) 38 случаев туберкулеза, 357 – воспаления дыхательных путей и 101 – других болезней органов дыхания, 191 обращение по поводу воспаления век, 311 – воспаления полости рта, 247 – ожогов, 388 – кожных заболеваний. Говорить о пенсиях и пособиях по болезни интересно – но стоит ли? Средняя продолжительность жизни рабочего-стекольщика равнялась 30 годам⁸⁴.

На спичечной фабрике братьев Кухтериных в Томске (построена в 1894 году) дети, начиная с 7–8 лет, работали на набивке коробков. Работали по 12–14 часов в день, с перерывом на обед и чай. За каждую упавшую спичку платили штраф. Норма для детей – 400 коробков⁸⁵. При этом Кухтерины были у рабочих на хорошем счету и действительно относились к ним неплохо: и казармы хорошие (всего по четыре семьи в большой комнате), и вполне прилично кормили. Просто так было принято, вот и все...

Зачем фабрикант набирал детей? Ну, это же так просто! Дешевая и покорная рабочая сила (про треть зарплат взрослого рабочего не забыли?). Выгода была настолько велика, что основные баталии шли не вокруг рабочего дня, а вокруг законодательства о детском труде. Правительство в кои-то веки задумалось о народном здоровье (правда, было это не при столь любимом монархистами Николае, а при его отце). Закон 1 июня 1882 года запрещал принимать на работу детей до 12 лет, а от 12 до 15 ограничивал рабочий день 8 часами, запрещал ночную работу и работу в воскресные дни, а также детский труд на вредных производствах.

И сразу же начались оговорки: хозяева клялись и божились, что никак не могут обойтись в своем деле без этих ценнейших специалистов. В результате они сперва добились отсрочки

⁸³ Пажитнов К. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 205.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ История спичек в г. Томске // <http://ann-vas1.narod.ru/Artikle/s-istori.html>

введения закона до мая 1884 года. Затем министр финансов дал разрешение «в случае надобности» на труд ребятишек от 10 до 12 лет и ночную работу подростков до 15 (правда, не больше четырех часов, но кто там, в цехах, считать-то будет?).

В 1887 году был принят эпохальный закон о воспрещении ночной работы подростков до 17 лет и женщин, но... только на вредных работах в фарфоровом и спичечном производстве (никакой охраны труда, естественно, там не было). И лишь в 1897 году этот закон был распространен на мануфактуры. А как же зеркальные производства с их ртутью, как заводы серной кислоты?

Впрочем, уже в 1890 году появились... что? Правильно, послабления. В случае производственной необходимости рабочий день для детей увеличивался до 9 часов, а в стеклянном производстве их можно было ставить в ночную смену (6 часов – но кто проверять станет?). Надо ли особо оговаривать, что исключение тут же стало повсеместным и постоянным? Платить в три раза меньше – разве это не самая настоятельная производственная необходимость?

Адольф Тайми, с воспоминаний которого началась эта глава, работал на коробочной фабрике в 1891 году, по одиннадцать часов в день, а было ему десять лет – за 10 копеек в день. Как видим, закон – сам по себе, труд – сам по себе.

О. Тихон Шевкунов. *«Как бы то ни было, можно без всякого преувеличения утверждать, что примерно с конца нулевых годов XX века уровень жизни рабочих в Российской империи был таким, о каком приходилось только мечтать последующие десятилетия».*

Что, в самом деле?

«Сбережение народа»

Так называется глава книги митрополита Тихона Шевкунова «Гибель империи», посвященная медицине. Заголовок звучит прекрасно и возвышенно – пока не окунешься в частности. После чего перемещается в жанр черного юмора.

О. Тихон Шевкунов. *«Главное достояние страны – ее народ. За годы царствования Николая II население России выросло на пятьдесят миллионов человек! Такой небывалый ни раньше и ни позднее в нашей истории прирост населения страны означает, что принципиальным образом изменилось благосостояние народа. Разительно улучшилось здравоохранение, резко уменьшилось количество младенческих и детских смертей, поднялись качество и продолжительность жизни».*

А точно прирост населения означает именно это? Может быть, у данной задачи есть и другое решение?

О приросте в сельских общинах мы уже писали, не станем повторяться. Изменение благосостояния как-то в глаза не бросается совершенно. Наоборот – деревня стала голодать чаще, реальная заработная плата рабочих упала. Что касается рождаемости... Вот один пример (если господам монархистам можно про Косыгина, то почему мне нельзя что-то подобное?).

Итак, рассказ рабочего Харьковской губернии о своем детстве:

«Отец мой был чернорабочий, а нас, детей, было восемь человек. Мать – домохозяйка. Я помню хорошо одно: мы всегда были голодны, в хате постоянно стоял плач голодных малышей. Они на все лады просили хлеба. Отец приходил с работы поздно вечером и приносил на свой заработок, если он его имел, одну черную хлебину. Больше у нас ничего не было. Мать разрезала хлеб на маленькие кусочки и поровну делила между нами. Затем давала по чашке чаю с молоком, но без сахара. Все это мы съедали мгновенно и ни в какой мере не наедались...»⁸⁶

В конце концов отец умер. Рабочий говорит, что спасла их от гибели советская власть, не уточняя: то ли паек им выделили как бедной семье, то ли в детдом малышкой забрали. И вот вопрос: зачем человек, который и себя-то не может прокормить, плодит столько детей? Предохраняться не умеет? Или расчет был на то, что шесть из восьми умрут, а двое останутся? И ему просто не повезло – выжило восемь?

Надо ли радоваться такой многодетности? Куда еще плодиться населению, если и тех, кто есть, не прокормить?

Ладно, мы не о рождаемости, мы о медицине.

О. Тихон Шевкунов. *«По числу врачей Россия занимала второе место в Европе и третье в мире».*

Ну а почему бы и не занимать? Из более-менее развитых стран Россия – первая по населению, США следуют с отрывом почти что вдвое, а в Европе страны-то развитые, да – а вот территории крохотные, население нигде не дотягивает даже до ста миллионов. И снова зададим гадкий вопрос: а если не по валу, если брать относительные показатели, картина будет столь же благостной?

Не совсем...

Итак, первое место по числу врачей занимали Соединенные Штаты. Страна большая, население тоже не маленькое – 96,5 млн человек. Округляя до тысяч, в 1913 году там насчитывалось 185 тыс. врачей, или по 19 на 10 тыс. жителей. Второе место занимала Германия – 33,7 тыс. на 68 млн, или 5,2 на 10 тыс. населения. В России последний показатель составлял 1,8 на 10 тыс. – в десять раз меньше, чем в США, и в три раза меньше, чем в Германии. В других

⁸⁶ *Нестеренко А.* Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX и начале XX в. М., 1954. С. 258.

европейских странах показатели были не хуже, чем у немцев, просто сами они маленькие, а соответственно, и абсолютные числа невелики.

Отчего же в богатой России так мало врачей? Ведь профессия эта не только благородная, но и весьма прибыльная. Да, но с одним ограничением: если есть платежеспособный спрос. Мы уже рассматривали, как жило большинство населения страны. В хороший год крестьянское хозяйство на черте бедности имело 23 пуда лишнего зерна. Рожь в то время стоила около 60 коп. за пуд, пшеница – около 80 коп. Итого, благополучный крестьянин выручал около 15 рублей в год. Как вы думаете, были у него деньги заплатить врачу хотя бы рубль за прием? А у рабочего? Клиентура медиков ограничивалась зажиточным населением городов. Оттого врачей так мало – у них нет платежеспособной клиентуры. Если бы не земства, их было бы еще намного меньше.

Российская императорская наука была действительно одной из лучших в мире. Но есть наука, а есть низовая практика, и при самых великих открытиях народ по деревням может помирать, так и не увидев ни разу в жизни белого халата. Достижениями великой русской медицины в полной мере воспользовались большевики, которые сделали здравоохранение государственным делом. До того забота о народном здравии была отдана либо частным врачам, либо благотворителям, а после 1864 года – земствам.

Проверяя это утверждение, я нашла сведения по госбюджету Российской империи за 1900 и 1913 годы⁸⁷. Может быть, я чего-то не понимаю в имперской государственной структуре, но расходов на здравоохранение в этой таблице не нашла. Совсем. Нет, я предполагала, что государство не сильно интересовалось здоровьем своего населения, но оно хотя бы что-то делало?

Потом удалось все-таки выяснить, кто именно в правительстве ведал этой работой.

«Врачебно-санитарное дело в Империи в главной своей части сосредоточено в Министерстве внутренних дел. На этом Министерстве лежит общий санитарный надзор внутри страны и на границах ее и заботы о предупреждении и пресечении эпидемических заболеваний. Ему принадлежит также высшее наблюдение за деятельностью городских и земских управлений, коим вверено попечение о врачебной деятельности на местах, и непосредственное заведение врачебно-санитарным делом в местностях, где не введено в действие земское и городское положение, а равно некоторыми лечебными и учеными учреждениями.

Организация врачебно-санитарного надзора и мероприятия по охранению народного здоровья осуществляются Министерством внутренних дел за счет сумм, отпускаемых в его распоряжение из государственного казначейства, а также за счет земских средств и капиталов общественного призрения в местностях, состоящих в непосредственном ведении его во врачебно-санитарном отношении»⁸⁸.

Итак, мы нашли, какое ведомство отвечало за здравоохранение. Но вот незадача: бюджет МВД на 1913 год составлял 185,4 млн руб. (6 % от суммы госбюджета). Из них расходы «по общей части», т. е. на содержание полицейского аппарата, составили 105,1 млн руб. и «по почтово-телеграфной части» – 80,2 млн руб.⁸⁹ Остается «хвостик» в 100 тыс. руб. Это, что ли, расходы на здравоохранение? Или я все-таки чего-то не понимаю?

Для сравнения: Наркомат здравоохранения РСФСР (то есть министерство) был создан в июле 1918 года – кстати, первым в мире. На основе системы Семашко (первого советского наркома) строили свои системы здравоохранения многие страны, которые в 90-е годы нам ставили

⁸⁷ Россия 1913 г. статистико-документальный справочник. Государственный бюджет. СПб., 1995 // <https://istmat.org/node/197?ysclid=lrj433sy12315083>

⁸⁸ Из объяснительной записки к отчету государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1911 г. // <https://istmat.org/node/237?ysclid=lrdx7roxh1205764582>

⁸⁹ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995 // <https://istmat.org/node/197?ysclid=lrnk9d2d6h740038826>

в пример (сейчас уже не ставят)⁹⁰. В 1939 году СССР тратил на здравоохранение и физическую культуру 5,4 % государственного бюджета⁹¹, и это в условиях надвигающейся войны!

Практически вся медицина в Российской империи была отдана всецело в руки частных, благотворителей и местных властей. Хорошо это или плохо? Главное, очень нестабильно и ненадежно. Государственное финансирование предполагает хотя бы единство норм. А когда за каждую койку в больнице врачам приходится сражаться с местными властями...

Лев Кассиль. «Конduit и Швамбрания». *«Иногда, упорно отстаивая новую койку для общественной больницы, он выступает на волостных сходках. А сход – богатеи-хуторяне – сыто бубнит: “Нэ треба...” Потом в газете “Саратовский вестник” обязательно описывается, как господин старшина призывал господина доктора к порядку, а господин доктор требовал занесения в протокол слов господина Гутника, а господин Гутник на это...»*

Как водится, лучше всего дело обстояло в столицах и крупных городах, затем шли мелкие города... А деревня, в которой, напоминаю снова и снова, до революции жило 85 % населения империи?

⁹⁰ Еще раз: не надо пугать медицину высоких достижений и здравоохранение. Тот факт, что на Западе лечат редкие болезни за очень большие деньги, еще не означает, что с низовым здравоохранением у них все в порядке. Люди туда ездят и там живут, люди рассказывают...

⁹¹ Государственный бюджет СССР // <https://su90.ru/budget.html>

Лучшая в мире земская медицина

Ф. Эрисман, швейцарский врач-гигиенист. *«Медицинская организация, созданная российским земством, была наибольшим достижением нашей эпохи в области социальной медицины, так как осуществляла бесплатную медицинскую помощь, открытую каждому, и имела глубокое воспитательное значение»⁹².*

Никто и не спорит, идея была хороша. Правда, результатов она почему-то не принесла, заболеваемость и смертность от болезней в стране с прекрасной бесплатной медицинской помощью была в разы выше, чем в других странах, где такой роскоши не существовало. Но идея, повторюсь, очень хорошая. На ее основе большевики за считанные десятилетия организовали систему всеобщей бесплатной медицинской помощи.

Впрочем, по порядку.

До 1864 года медицины в деревнях не было совсем. Людей лечили травники, знахари в меру своих разнокалиберных знаний, роды принимали повивальные бабки (а то и на поле под стогом рожали, дело житейское). Результаты? В 1861–1970 годах смертность в России была 36,4 на тысячу населения. В той же Германии, не самой благополучной стране Европы, – 27,1, в более благополучной Дании – 19,3 на тысячу⁹³, почти вдвое меньше.

В 1864 году появились земства. (При этом слове глаза монархиста предсказуемо загорятся торжеством.) Созданы они были как орган местного самоуправления, причем одной из целей введения оных было, как писал тогдашний министр внутренних дел С. С. Ланской, «вознаградить дворян за потерю помещичьей власти», дав им местную власть. Ладно, дали – не мужикам же управлять, они и читать-то не умеют. Имущественный и сословный ценз там тоже был – будь здоров... но, в конце концов, нас не это интересует.

Именно на земства государство и спихнуло заботу о «сбережении» народа вне городов. Финансировались они из местных налогов, включая сборы с крестьянских наделов, и должны были заниматься в числе прочего народным образованием и здравоохранением.

О. Тихон Шевкунов. *«В 1898 году в Российской империи была введена бесплатная медицинская помощь. Через девятнадцать лет, к 1917 году, ее имели возможность получать две трети населения страны».*

«Возможность» – хорошее слово. Вы, наверное, знаете, что каждый человек имеет возможность стать миллионером. Вот только не всем удается, да...

Итак, земская больница. Тут далеко ходить не надо, вполне достаточно «Википедии», раздела «Земская медицина». *«Первоначально врач, приглашенный земством, объезжал фельдшерские пункты уезда, сам проживая в городе. Затем эта система была заменена стационарной, когда на селе появилась участковая больница, состоящая из стационара на 5–10 коек, амбулатории, родильного и сифилитического отделения, квартиры для врача и др. К 1913 году таких врачебных участков насчитывалось 2868, а число уездов в России было 769. В среднем радиус такого участка был 17 верст, и проживало там 28 тысяч человек».*

17 верст – это примерно, как от одного конца Питера до другого. Вот только без метро, автомобилей, трамваев, единственный транспорт – лошадка с бричкой, да не по асфальту, а по сельским дорогам. Уже впечатляет, но реальность, как водится, еще круче. В Вятской, Казанской, Уфимской и еще некоторых губерниях Европейской России на одного врача приходилось более 40 тыс. человек. В Оренбургской губернии – 68,4 тыс.⁹⁴, а там и плотность населения не

⁹² Медицина в Российской империи // https://pikabu.ru/story/meditsina_v_rossiyskoy_imperii_6867756?ysclid=muwjcsix8421358635

⁹³ Таблица смертности населения в европейских государствах. 1934 // <https://istmat.org/node/51002?ysclid=lrj5vhsaax432603127>

⁹⁴ Здравоохранение в Российской империи // <http://ricw.ru/rihea.html#g3>

такая, как в Московской, отсюда и расстояния... А что творилось в Сибири – никакой фантазии не хватит вообразить.

Когда речь идет о семнадцати верстах, сразу напрашивается вопрос: а как с транспортом? Больного надо было доставить к врачу, либо привезти врача к нему. А радиус участка – 17 верст (в среднем). А безлошадных в деревне – треть и еще столько же однолошадных. А если зима? А если страда? А дороги?

В статьях поклонников «золотой России» иной раз встречаются вещи просто поразительные. Вот, например: *«При последнем всероссийском императоре Николае II планировалось создать сеть земских больниц и фельдшерских пунктов, которая бы “накрывала” Россию таким образом, чтобы расстояние между ними не превышало 30 верст, или полчаса пути в конной упряжке»*⁹⁵.

Че-го? Полчаса?

Михаил Булгаков. «Полотенце с петухом». *«Скажу коротко: сорок верст, отделяющих уездный город Грачевку от Мурьевской больницы, ехали мы с возницей моим ровно сутки...*

– П... по вашим дорогам, – заговорил я деревянными, синенькими губами, – нужно п... привыкнуть ездить.

*– Эх... товарищ доктор, – отозвался возница, тоже еле шевеля губами под светлыми усами, – пятнадцать годов езжу, а все привыкнуть не могу»*⁹⁶.

Это они еще здоровыми были – а больному как добираться? А роженицу везти? Она так и родит в телеге, а младенец от суровости жизни тут же и помрет... Неудивительно, что люди в больницу ехали, когда уже терпеть было нельзя, а многие и тогда не ехали, потому что никак! Не говоря уже о том, что врачи были сплошь мужчины, и многие женщины просто стеснялись – там же раздеваться надо, чужие мужские руки будут тебя трогать... А для женщины получить образование в передовой и просвещенной Российской империи было сродни подвигу. Учились такие дамы в основном за границей и в земские больницы не стремились.

Кстати, о Булгакове. Есть у него замечательная книга. Она, конечно, не сравнится по популярности с «Мастером и Маргаритой», но, на мой прагматичный взгляд, куда интереснее. Называется она «Записки юного врача», автор повествует в ней о собственном опыте работы в земской больнице. Картина, надо сказать... Врач – на всю больницу один: и терапевт, и хирург, и педиатр, и акушер, и венеролог... и все остальное, заменяет собой многопрофильную клинику, и все это спустя полгода после окончания университета. Случаи ему попадаются либо катастрофические, либо очень запущенные. Персонал – фельдшер и акушерка. Нет, это читать надо, не пересказывать... Очень рекомендую...

Обязанностей у доктора было много, и все прекрасные. Оказание амбулаторной и стационарной помощи (проще говоря, прием больных и работа в больнице), выезд к тяжелобольным, распространение гигиенических знаний, проведение санитарных мероприятий. Между тем доктор Булгаков за год работы (с 29 сентября 1916 по 18 сентября 1917 года) принял 15 361 человека, и 211 человек побывали в стационаре. Это получается по 44 человека в день, а с учетом выходных и праздников – еще больше. В рассказе «Звездная сыпь» семья, больная сифилисом (мать и трое детей), была по счету девяносто шестой. Плюс поездки по уезду, с обследованиями и на вызовы, и работа в больнице. В 1914 году одна больница в среднем приходилась на 25 тысяч человек. Причем это не современный комплекс, а... у Булгакова сельская больничка тоже описана.

Может быть, эта каторжная работа хотя бы хорошо оплачивалась? Но мы ведь помним, что земские больницы финансировались из местного бюджета, по старому доброму принципу: собрали – украли – остальное выделили. Поэтому картина тут на удивление пестрая. Есть боль-

⁹⁵ Зачем цари создали бесплатную медицину? // <https://dzen.ru/a/X5-8mjkQUw4NuZ12>

⁹⁶ Булгаков М. Полотенце с петухом.

ницы, где зарплата врачей доходит аж до 90 рублей в месяц, заведующего – 125 рублей, фельдшера до 55 рублей. А бывало и иначе...

«Не так давно бывший Медицинский Департамент опубликовал список вакантных мест для врачей в России. Там встречаются оклады, которые положительно можно назвать насмешкой. Начнем с самых крупных. В Акмолинске было свободно место городского врача с окладом в 83 руб. в месяц без квартиры; в Березовском уезде. Тобольской губ., место уездного врача в 65 руб. 50 коп. в месяц... Не хотите жить в Сибири и делать объезды в 60–100 верст, можете поселиться в Соловках, Гродненской губ., где городскому врачу полагается 25 руб. в месяц жалованья. Затем можно выбрать 10 мест с окладом в 16 р. 66 коп. в месяц. Но рекорд в вознаграждении врача побили три города: Сквиря, Киевской губ., Торонец, Псковской губ. и Мосальск, Калужской губ. предлагают места с окладом в 8 р. 33 коп. в месяц»⁹⁷.

В жизни всегда есть место подвигу – но вряд ли эти вакансии будут заняты. А значит, медицинская помощь еще части населения будет недоступна.

Кстати, о подвиге. Российским врачам памятник в золоте не поставлен – а зря. Вот кто действительно герои, тащившие на своих плечах неподъемную ношу. Был такой популярный в свое время писатель Вересаев – потомственный врач. После окончания медицинского факультета, в середине 90-х годов, места для себя не нашел – зачем столько врачей передовому государству, трепетно заботящемуся о сбережении народа? Занялся частной практикой – успешно, кстати, но понял, что не хватает знаний и опыта. Совесть не позволила продолжать. Уехал в Петербург, стал работать в больнице сверхштатным ординатором – бесплатно, ради опыта. И таких, бесплатных, в петербургских больницах было множество, причем врачей явно не хватало, но штатные должности были урезаны до предела. А зачем платить, если можно прокатиться на человеческой совести? Ходил в драных башмаках, с завистью посматривал на больничную еду (!), но отработал пять лет.

Удивительное было время, удивительные люди! Вересаев, еще будучи студентом, ездил «на холеру», работал в бараке. И ведь многие так поступали – чума, холера, оспа, врачи, медсестры, студенты... помните 2020-й – ковид несравним с холерой ни по каким показателям, но разве студенты-медики рвались в ковидные отделения?

Александра Бруштейн. «Дорога уходит в даль». *«Владимир Иванович предостерегающе поднимает мохнатый, как репейник, указательный палец:*

– Яков Ефимович! Помните наш уговор: хотите моих рабочих лечить, – ваше дело! Только ваше!

– А чье же еще? – удивляется папа.

– Не мое! – резко отрубает Владимир Иванович.

– А конечно же, не ваше. Я врач, мне и лечить...

Брови Владимира Ивановича шевелятся, как щетки. Вот-вот смахнут моего папу, как метелка соринку.

– А платить? – грозно допытывается Владимир Иванович. – Я вам сто раз говорил: я не буду!

– А я с вас когда-нибудь за лечение рабочих платы требовал? Требовал, да? – говорит папа уже с раздражением.

Серафима Павловна ласково кладет свою руку на папину и нежно заглядывает ему в глаза:

– Яков Ефимович, ну зачем вы это делаете? Такой доктор, господи... Вам бы генерал-губернатора лечить, а вы с нищими возитесь. На что они вам дались?

– Серафима Павловна! Я присягу приносил!

⁹⁷ Штерн М. О материальном положении русских врачей. Врачебная газета. 1907 // <https://valkiriarf.livejournal.com/533018.html?ysclid=lrezbkupaz109750821>

– Прися-а-гу? – недоверчиво переспрашивает Владимир Иванович, высоко поднимая гусеницу своих бровей.

– Присягу, да! – подтверждает папа. – Когда Военно-медицинскую академию кончал. Торжественную присягу: обещаю поступать так-то и так-то. И был в той присяге пункт: и не отказывать во врачебной помощи никому, кто бы ко мне за ней ни обратился. Вот».

Трудно представить, как действительно хороший гинеколог города Вильно Яков Яновский⁹⁸ стал бы лечить генерал-губернатора – специализация несколько не та. Однако он, прекрасно зарабатывающий врач, действительно лечил и рабочих, и крестьян, и городскую бедноту. И не он один был такой. На таких вот людях – как обеспеченных специалистов, так и безвестных частниках – стояла российская медицина.

А правительство – оно тут вообще при чем?

...Позднее именно на основе земств будет создана советская медицина. Но для этого потребовалось сделать то, до чего у царского правительства руки так и не дошли (или голова, что вернее, а может быть, сердце): создать единые стандарты и накачать систему государственными деньгами.

(Хотя еще в 1886 году созданная при МВД комиссия по вопросу улучшения санитарных условий и уменьшения смертности в России во главе с С. Боткиным предложила создать Главное управление по делам здравия на правах министерства, которое занималось бы санитарными делами. Кстати, страстный поклонник земской медицины Эрисман выступил против, заявив, что санитарные меры должны соответствовать местным потребностям и необходима, наоборот, децентрализация⁹⁹. Впрочем, проект всё равно так и остался проектом – и, как многие другие, был впоследствии реализован большевистским правительством.)

А то, что раньше было основой – деньги местных бюджетов, предприятий, профсоюзные больничные кассы, – ее только дополняло. Отсюда и результат... Вы всерьез думаете, что всего этого можно было добиться, опираясь на местные власти и Министерство внутренних дел? Блажен, кто верует, тепло ему на свете...

⁹⁸ Настоящая фамилия – Выгодский.

⁹⁹ Егорышева И. Деятельность Ф. Ф. Эрисмана в Московской земской организации (к 175-летию со дня рождения) // Гигиена и санитария. 2018. № 97(4). С. 375–377.

О здравии народном

Ну что ж, о врачах мы поговорили, теперь настала очередь пациентов. Чем болели? Ясно, что при таких обстоятельствах к земскому врачу с какой-нибудь чепухой не поедут. В 1913 году в России было зарегистрировано 98 млн больных. Из них больше всех – 18,2 млн, почти 20 %, – с болезнями органов пищеварения (в наше нервное время их около 6 %), даже больше, чем всех заразных больных, вместе взятых, которых насчитывалось 16,1 млн. (Причем это лишь верхушка айсберга, потому что люди, которых не припрет, к врачу не поедут – русские крестьяне вообще стойки по части болезней.) Стоит ли удивляться, если вспомнить, как питались крестьяне – основу рациона бедняков составлял черный хлеб со всякими суррогатами, да и у рабочих не лучше, плюс вредные условия производства. Тут сохранить здоровый желудок даже русскому мужику проблематично. Впрочем, доберется он до врача – и что? Что пропишет доктор такому больному?

Александра Бруштейн. «Дорога уходит в даль». *«Юлька, послунив худенький пальчик, тщательно подбирает с ящичка немногие оставшиеся хлебные крошки. Ворвавшийся ненадолго в подвал запах еды – борща, хлеба – уже испарился без остатка.*

– Носила я Юльку к одному доктору, – рассказывает Томашова. – На курорт, сказал, возите, к морю. Давайте ей свежие яички, мясо и бульон...»

А откуда все это взять? Вы таблицу потребления продуктов видели? Три яйца в месяц! А откуда взять белый хлеб, если и черного суррогатного не хватает? Даже молоко трети крестьянских семей было недоступно (про города и речи нет). А без диеты лечи не лечи, толку-то?

...Историки земской медицины заметили, что импульсы к развитию этого замечательного дела давали крупные эпидемии. Не мелкие – они, как и локальные голодовки, происходили чуть ли не каждый год. Впрочем, бороться с заразными болезнями без государственных программ – идея любопытная, но трудно представимая, при всем героизме врачей.

По части инфекционных заболеваний Россия была безусловным лидером среди сколько-нибудь развитых стран (Индия ее обгоняла, но это не повод для гордости). В 1912 году в империи было зарегистрировано около 20 млн заразных больных (более 10 % от общего числа жителей)¹⁰⁰. Вот догадайтесь, какая болезнь занимала первое место (среди выявленных!). Чесотка – не смертельное, но крайне неприятное заболевание (4,75 млн чел.). Причина – отсутствие гигиены. Когда семья спит вповалку на полатах и вытирается одним полотенцем – ничего удивительного. Второе место занимал грипп (так в то время называли все ОРВИ). Ну, это дело житейское, хотя при отсутствии лечения он осложнялся бронхитами, пневмониями, от чего люди успешно помирали. Но дальше начинается жуть жуткая.

Третье место занимала малярия (3,5 млн)¹⁰¹, затем шел сифилис (1,2 млн), завершая собой болезни-«миллионники». Вплотную к миллиону подходила трахома (970 тыс.). О ней сейчас вообще мало кто знает, а ведь это тяжелейшая болезнь глаз, завершавшаяся слепотой. Причины её распространения просты – грязь. Немытые руки, общие утиральники, мухи... А результаты – чудовищны.

Затем шел туберкулез – 835 тыс., тиф «разный» (то есть сыпной, брюшной, возвратный) – 570 тыс. Это снова грязь, антисанитария. Брюшной – немытые руки, грязная еда, сыпной – вши. За полмиллиона переходил коклюш – один из четверки самых страшных детских болез-

¹⁰⁰ Статистика по болезням приводится по: Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995 // <https://istmat.org/node/237?ysclid=lrxdx7goxh1205764582>

¹⁰¹ После вспышки 1933 года за малярию в СССР взялись всерьез и практически справились за двадцать лет. Хотя у страны хватало и других расходов.

ней (530 тыс.). Остальные три ненамного отставали: дифтерит – 432 тыс., корь – 420 тыс., скарлатина – 350 тыс. Теперь желудочно-кишечные хвори: дизентерия – 436 тыс., эпидемический гастроэнтерит (то, что сейчас называют ротавирусом, отравлениями и пр.) – 353 тыс. Последний далеко не так безобиден, как кажется, – не менее трети младенцев в России умирало от поносов. Традиционные оспа, чума, холера на этом фоне уже не впечатляют.

И это ведь только видимая часть айсберга. В 1913 году число обращений за медицинской помощью в деревне составляло 529,5 человека на 1000 жителей, реальные показатели заболеваемости наверняка выше.

Сифилис вообще приобрел размеры национального бедствия¹⁰². К 1914 году в империи было аж целых 12 венерологических диспансеров, так что удивляться не стоит. А народ... народ просто о нем не знал.

Михаил Булгаков. «Звездная сыпь». *«Застегивайтесь, – заговорил я. – У вас сифилис! Болезнь весьма серьезная, затрагивающая весь организм. Вам долго придется лечиться!*

Тут я запнулся, потому что – клянусь! – прочел в этом, похожем на куриный, взоре, удивление, смешанное явно с иронией.

– Глотка вот захрипла, – молвил пациент.

– Ну да, вот от этого и захрипла. От этого и сыпь на груди. Посмотрите на свою грудь.

– Слушайте, дядя, – продолжал я вслух, – глотка дело второстепенное. Глотке мы тоже поможем, но самое главное, нужно вашу общую болезнь лечить. И долго вам придется лечиться – два года.

Тут пациент вытаращил на меня глаза. И в них я прочел свой приговор: “Да ты, доктор, рехнулся!”

– Что ж так долго? – спросил пациент. – Как это так два года? Мне бы какого-нибудь полосканья для глотки...

...

...Пробегая по полутемному коридору из амбулаторного своего кабинета в аптеку за папиросами, я услышал бегло хриплый шепот:

– Плохо лечит. Молодой. Понимаешь, глотку заложило, а он смотрит, смотрит... то грудь, то живот... Глотка болит, а он мази на ноги дает...»

Вот так и болели – семьями, от стариков до младенцев. Съездил отец семейства в город на заработки, привез домой сифилис, заразил половым путем жену, бытовым – детей. Никто не спорит, двенадцать вендиспансеров на империю и даже сто двадцать через пять лет (темпы роста-то какие!) ситуацию изменили бы кардинально!

Вплотную к бедствию подходил и туберкулез. За годы царствования обожаемого последнего императора число больных в империи выросло в 3 (три!) раза: с 280 тыс. в 1896 году до 877 в 1913-м (в пересчете на 10 000 жителей – с 22,3 до 53,9 человека)¹⁰³. Но Российская империя, без государственных программ, силами частной и земской медицины, эту проблему непременно бы решила.

А ведь была еще и холера, постоянно нависающая над страной угроза. В 1909 году она наблюдалась в 50 губерниях и областях, но слабенько – всего 22 858 случаев (умерло 10 677 человек). В 1910-м – 72 губернии, зато больных – 230 232 человека (109 550 смертей). Как с ней боролись? А как можно бороться в таких условиях? Ждать, пока сама закончится.

«Согласно собранным в отчетном году данным о положении водоснабжения и удалении нечистот в городах и негородских пунктах, в коих число жителей превышает 10 тыс. чел., водопроводы общественного пользования имеются лишь в 190 из 1078 населенных пунктов,

¹⁰² О борьбе с сифилисом повествуется в рассказе М. Булгакова «Звездная сыпь». Прочтешь его, и сразу становится понятным жестокая реплика бабки Махно в «Хождении по мукам»: «Проститутка? Если сифилис – расстреляю».

¹⁰³ *Решиш* А. Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки // <https://istmat.org/node/81?ysclid=lrj5tq4crz13866639>

только при 58 из них устроены фильтры или приспособления для очищения воды. Между тем, например, в Германии в городах с населением свыше 20 тыс. жителей устроены водопроводы в 98 поселениях из 100, из городов с населением от 5 до 20 тыс. имеются водопроводы в 74 пунктах из 100¹⁰⁴. Служащая канализация существует лишь в 13 городах и устраивается в 3-х. В большинстве остальных поселений удаление нечистот поставлено весьма неудовлетворительно... В результате обследования городов Киева, Харькова, Ростова-на-Дону и С.-Петербурга в 1907–1910 гг. оказалось, что одною из причин широкого распространения эпидемия тифа и холеры было загрязнение водопровода сточными водами»¹⁰⁵.

В столице, кстати, канализация как раз была. Но часть нечистот из неохваченных прогрессом предместий, по-видимому, попадала в Неву, откуда бралась вода для водопровода. С соответствующим результатом. И что – кто-то верит, что это санитарно-батальное полотно можно было переписать без госпрограмм, силами местных властей?

...По уровню смертности от инфекционных заболеваний Россия, может статься, и не опережала Индию, но в остальном гордиться было нечем. Вот данные по смертности на 100 тысяч населения на тот же наш любимый 1913 год в сравнении с США (нет, я знала, конечно, что все плохо – но что настолько?!).

	Россия	США
Оспа	26	0,2
Корь ¹⁰⁶	135	12,8
Скарлатина	110	8,7
Коклюш	68	10
Дифтерия	61	18,8
Тифы	71	17,8

106

В общем-то, ничего неожиданного здесь нет. Крайне низкий уровень санитарной культуры населения, отсутствие государственных программ, отсутствие прививок (в свое время Екатерина II подавала пример подданным, первой в стране сделав прививку от оспы, но, судя по показателям, этот опыт был успешно забыт). Когда заботу о народном здоровье взваливают на плечи и без того перегруженных земских врачей, чего еще ожидать?

Возможно, какие-то государственные программы и существовали, но о них даже монархисты не пишут.

¹⁰⁴ Если кто смотрел старую американскую комедию «Воздушные приключения», то должен помнить, что сразу за аэродромом находились так называемые «поля орошения» – пруды, в которые герои все время плюхались. Поля орошения – это канализационный отстойник. То есть в Англии 10-х годов, в общем-то, не блещущей санитарией, канализация существовала.

¹⁰⁵ Из объяснительной записки к отчету государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1911 г. // <https://istmat.org/node/237?ysclid=lrhx7roxh1205764582>

¹⁰⁶ Четверку детских болезней привожу специально для тех, кто слушает антипрививочников. Дети перестали массово умирать от них лишь с введением всеобщей вакцинации.

Все там будем. Вопрос – когда?

Согласитесь, что, если речь идет о «сбережении народа», смертность – показатель не из последних. Удалось мне и на эту тему найти табличку¹⁰⁷. Возьмем три государства – благополучная Дания, среднеблагополучная Германия и Россия. В 1871–1880 годах смертность в них составляла, соответственно, 19,3, 27,1 и 36,4 на тысячу человек. В 1913 году – 12,5, 15 и 27,1 на тысячу. Как видим, в России показатели не просто больше – еще и темпы медленнее. В Дании смертность за это время уменьшилась на 35 %, в Германии – на 45 %, в России – на 25 %. Хотя сама медицина была примерно на одинаковом уровне.

Но и это еще не все. Есть такой весьма смутный показатель, как средняя продолжительность жизни. Когда мы в пятом классе проходили историю Древнего мира, нам рассказывали, что в первобытные времена она составляла около тридцати лет. Мы еще немало тому поражались. А учительница объяснила: мол, на эту цифру влияла высокая детская смертность.

Не знаю, как уж там ученые подсчитывали продолжительность жизни у первобытных людей, но в России в 1914 году она была как раз такой: по разным данным, 32–34 года. И детская смертность была не просто высокой – запредельной. Попалась мне на глаза одна табличка – процент людей, доживших до определенного возраста¹⁰⁸.

	1896/97 гг.	1907/10 гг.	1926/27 гг.
Мужчины			
До 20 лет	50	52	65
До 40 лет	42	43	57
До 60 лет	28	27	40
Женщины			
До 20 лет	58	55	68
До 40 лет	44	45	61
До 60 лет	31	30	49

Из этой таблицы мы видим, что почти половина российских детей так никогда и не становились взрослыми. И десять лет царствования столь любимого монархистами последнего императора не дали в этом смысле абсолютно никакого результата. За период с 1901 по 1911 год смертность детей первого года жизни колебалась от 225 до 272 на тысячу рожденных, при этом никакой тенденции не просматривалось, она все время держалась на том же уровне.

Есть еще один показатель – число детей, умерших в возрасте до 5 лет. В среднем по 50 губерниям Европейской России в 1908–1910 годах из тысячи родившихся 389 умирали, не дожив до пяти лет¹⁰⁹. Причем любопытная прослеживается закономерность: чем западнее губерния, тем ниже показатель. Самые низкие – в Эстляндской, Курляндской и Лифляндской

¹⁰⁷ Таблица смертности в европейских государствах в 19–20 веке. 1934 г. // <https://istmat.org/node/51002?ysclid=lrj5vhsaax432603127>

¹⁰⁸ Ужасы совка: динамика продолжительности жизни при рождении в России в первой половине 20-го века // <https://russian-checkist.livejournal.com/11413.html>

¹⁰⁹ *Решин А.* Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки // <https://istmat.org/node/81?ysclid=lrj5tq4crz13866639>

губерниях. А в Московской, Владимирской, Нижегородской, Вятской – соответственно, 436, 446, 435, 449 детей. Почти половина. Вообще показатель выше 400 наблюдался в 18 губерниях из 50, причем у детей рабочих она была даже больше, чем по деревням¹¹⁰. Что неудивительно – деревенские хотя бы в теплое время по травке бегали, всякие вершки-корешки в рот совали, не страдали от авитаминоза и рахита, а фабричные жили хоть и не так впроголодь, но в жуткой скученности, без воздуха и света.

Если бы Российская империя продолжала свое существование и впредь, ситуация бы изменилась? Что, в самом деле? Без государственных программ и даже без государственного интереса? Тогда расскажу вам одну историю, в свое время немало меня удивившую.

В 1921 году закончилась, наконец, длившаяся семь лет война. Страна была разрушена в ноль – казалось бы, народишко сейчас как начнет помирать! А в 1926 году показатель младенческой смертности составлял 174, в 1927-м – 193, а в 1928-м – 182,5 на тысячу родившихся.

Да, но как такое возможно? Ведь СССР находился в куда худшем положении, чем Российская империя, – разруха, международная изоляция, денег нет вообще ни на что...

Современные авторы перечисляют то, что новая власть делала в этой области. Нет, конечно, декреты об охране материнства и детства, ясли и женские консультации, которые начали расти как грибы даже во время войны, – дело хорошее, но до многомиллионной сельской России вся эта красота еще и близко не доходила. И остается вопрос: как сумели?

Ответ у меня только один. В российской деревне был чудовищно, запредельно низкий уровень гигиены, любой, и болезни там плодились всякие – от сифилиса до желудочно-кишечных хворей, для грудничков особо опасных. В разные годы до трети малышей умирали именно от поноса. А с чего начиналась культработа в деревне? Правильно, с избы-читальни. А чем занимались ребята-избачи? Приглашали лекторов или за неимением проводили лекции сами. А о чем? Ну, конечно же, о различиях в позиции Сталина и Троцкого, о чем еще-то?

Короче: если что и могло так резко снизить смертность, когда и программы государственные не были составлены, и врачи еще не обучены, так это лишь не использованный ранее ресурс: лекции по гигиене. Другого ничего просто не придумать. Учили мыть руки, кипятить питьевую воду, морить вшей, кормить хотя бы детей из отдельной посуды и прочим премудростям, которые сейчас кажутся очевидными. Ну, так то сейчас – а в России того времени во многих местах еще считали, что если нужник стоит в десяти метрах от колодца – то ничего страшного, отдельная посуда и полотенце – барские вытребенки, а тараканы в доме – к богатству.

Эта версия тем более правдоподобна, что первый нарком здравоохранения, создатель советской медицины Николай Семашко с 1921 года заведовал в Московском университете именно кафедрой социальной гигиены. В молодости он хоть и недолго, всего три года, но работал врачом в Орловской и Самарской губерниях – насмотрелся.

Что мешало проводить такую работу в царской России? Это ведь дешево, нетрудно и эффективно. Не додумались? Вменили и эту обязанность земским врачам и успокоились?

Кстати, почти все болезни, начиная с 20-х годов, постепенно отступали. Не полностью все и не сразу – малярия, например, выдала рекордную эпидемию в начале 30-х¹¹¹, но потом за нее взялись всерьез и за 30 лет добились – причем в этот период уместилась еще и Великая война.

...Можно, конечно, назвать все вышеописанное «сбережением народа», но мне почему-то кажется, что власти на народ было наплевать. Оттого-то и выкосили в Гражданскую войну эпидемии больше людей, чем собственно боевые действия. Это когда имперское здравоохране-

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Мы с исследователем Иваном Чигириным обнаружили эту эпидемию совершенно случайно – анализируя странные помесячные графики смертности на Украине в 1932–1933 гг.

ние еще сохранилось. А в Великую Отечественную созданное стахановскими методами здравоохранение советское вообще не допустило крупных эпидемий – даже в блокадном Ленинграде. Впрочем, советская медицина, несокрушимая и легендарная, – это уже совсем другая история...

Зачем чумазому грамота?

О. Тихон Шевкунов. *«Только в первые пятнадцать лет правления Николая II было открыто больше образовательных учреждений – школ, училищ, институтов, университетов, чем за весь предшествующий период российской истории».*

Это опять же любимый аргумент монархиста – темпы развития. Ну, и еще, конечно, вал, как же без него? А каким он был, этот предшествующий период? С чего стартовали?

Судя по исходным цифрам, почти что от плинтуса. Причем до плинтуса этого спустились со вполне приличного уровня.

Поголовных переписей в допетровские времена не проводилось. Но некоторые данные все же существуют. Согласно подсчету историка Соболевского, в XVI–XVII веках на Руси были грамотными около 70 % духовенства, 70 % купцов, не менее 20 % посадских (то есть горожан) и не менее 15 % крестьян¹¹². В первое и второе верится слабо. Трудно представить себе неграмотного купца. Что же касается духовенства, то, простите, церковная служба ведется по книгам. И как?

Во времена князей существовали так называемые изгои (люди, выпавшие из своей социальной среды), в число которых включался «поповский сын, грамоты не знающий». Стало быть, духовенство было грамотным поголовно.

Согласно переписи 1897 года, в Российской империи грамотных насчитывался 21 % населения – то есть примерно как в XVII веке. Сделав поправку на детишек до 7 лет, эту цифру можно несколько повысить – скажем, до 25 %. Среди сельского населения были грамотными, т. е. умели читать, 25 % мужчин и 10 % женщин, а в общей массе – 17,5 %. Среди горожан – 45 % мужчин и 35,5 % женщин (среднее – 40 %)¹¹³.

Получается, за триста лет династии Романовых дело народной грамотности практически не продвинулось?

Для сравнения: в США, Германии, Великобритании, Скандинавских странах умели читать и писать более 90 % населения. К 1910 году Европа достигла поголовной грамотности.

Перспективы тоже не радовали. В 1898 году 65 % детей школьного возраста школу не посещали¹¹⁴. А значит, большинству из них грамотными не бывать. Да и некогда учиться – работать надо. С какого возраста трудились российские детишки, мы уже знаем.

Тут следует понимать некоторые неочевидные моменты. Что такое грамотность? Это не образование, отнюдь. Грамотным считался человек, умеющий читать и писать. Малограмотным – тот, кто умел только читать. Однако в статистике различие не делалось. Можешь прочесть простой текст, хотя бы по складам – всё, грамотный. Но согласитесь, что умение читать по складам не дает человеку возможности прочесть хоть что-либо, кроме самого простого текста, и выше уровня вывесок он не поднимется.

Имелись и занятные нюансы. Например, мне всегда было любопытно, почему по России грамотных было 25 %, а в Финляндии – 75 %. Тут можно было бы поговорить о какой-то особой культурности именно финского народа – но в реальности все оказалось проще. Обратимся снова к воспоминаниям Адольфа Тайми:

«Отец умел читать и кое-как писать. Мать знала чуть больше. Этим они были обязаны правилам лютеранской церкви, к которой принадлежали. Согласно этим правилам, вступить в брак можно было только после конфирмации. А для того, чтобы получить причастие,

¹¹² Подсчеты Соболевского приводятся по: Грамотность на Руси святой // <https://thor-2006.livejournal.com/156228.html>

¹¹³ Кстати, среди множества просмотренных мной таблиц была одна, устанавливавшая связь между младенческой смертностью и уровнем грамотности женщин. Чем выше грамотность, тем ниже смертность.

¹¹⁴ Рашин А. Население России за 100 лет (1813–1913) // <https://istmat.org/node/86>

нужно было знать грамоту. Поэтому отец был принужден в семнадцатилетнем возрасте посещать воскресную школу при кирке, а мать в эти же годы овладела чтением и письмом самоучкой»¹¹⁵.

Вряд ли рабочему и домохозяйке так уж сильно нужна была грамота – но иначе не поженят! К сожалению, в православной церкви такого правила не имелось.

К восьми годам мальчик умел читать, кое-как писать, складывать и вычитать – мать научила. Тем не менее он все-таки решил пойти в школу – сам, как толстовский Филипок. Обучение выглядело весьма колоритно (впрочем, такими были тогда почти все начальные школы).

*«Наша школа принадлежала приходу финской церкви. Это была трехклассная начальная школа. Все классы, 60–70 мальчиков и девочек, помещались в одной комнате и занимали, соответственно, три ряда парт, между которыми прохаживался учитель. За учение взималось по три рубля в год. Но и эти небольшие деньги не так-то легко скапливала моя мать»*¹¹⁶.

Каким образом один учитель ухитрялся обучать сразу три класса – тайна. Но явно тогдашние школы были очень непохожи на нынешние.

Как бы то ни было, положение в империи создалось отчаянное. Западный мир уверенно двигался по пути технического прогресса. Но о каком промышленном развитии могла идти речь, если половина горожан не способна даже прочесть надпись на стене цеха? А вторая половина способна, но... опять же есть нюансы!

Читателю Адольф Тайми еще не надоел? Тогда давайте снова обратимся к его воспоминаниям. Данный товарищ на медные деньги и слезы матери сумел все же окончить высшее начальное училище (примерно уровень нашей семилетки). В пятнадцать лет он пришел на завод к отцу, в котельный цех.

«Отец передавал мне известные ему производственные навыки... Когда ему нужно было узнать, какой длины лист железа необходим для котла, он открывал свою неизменную спутницу – объемистую тетрадь, в которой были записаны все обычно встречающиеся размеры. Я же, зная диаметр котла, по школьной привычке применял известную формулу определения длины окружности – умножал диаметр на три целых и четырнадцать сотых. И тут у нас с ним происходили споры. Я отстаивал точность своего вычисления, результатом которого часто бывало число с десятичной дробью. А отец в своей тетрадке, имевшей, может быть, тридцатилетнюю давность, находил округленные и приближенные величины».

Как все же просто было остановить производство в цеху. Спереть у мастера его тетрадку – и все, работа стоит! Впрочем, это еще не конец темы.

*«Когда мы делали сухопарники для топочных котлов, у нас также возникал спор. Нижнюю кромку листа, из которого склепывался сухопарник, следовало вырезать извилистой линией, в соответствии с формой котла. Отец намечал эту линию на глаз. Я, пользуясь школьной геометрией, доказывал ему, что он размечает неточно и что сухопарник неплотно ляжет на корпус котла. “Тут будет зазор, приблизительно в восьмую дюйма”, – утверждал я. Отца это не смущало. “Пустьяки, – отвечал он, – сделаем жаровню, нагреем, молотком и гладилкой пригладим, а болтами натянем. Будет ладно!”»*¹¹⁷

Классика анекдота: «после сборки обработать напильником» – явно пришла из соседнего цеха. Но вот вопрос: при повышении давления какой котел легче взорвется – высчитанный по школьной премудрости или тот, у которого после «пригладим» и «натянем» образуются дополнительные зоны напряжения?

¹¹⁵ Тайми А. Страницы пережитого. Петрозаводск, 1955. С. 9.

¹¹⁶ Там же. С. 11.

¹¹⁷ Тайми А. Страницы пережитого. Петрозаводск, 1955. С. 21.

...Правда, хозяева тоже не стремились к техническому совершенству своих заводов и особенно фабрик – чисто по той же причине: как дать полуграмотному рабочему сложный станок? Россия отставала все больше и, невзирая на рекордные темпы развития, уверенно двигалась к состоянию «отстала навсегда». Как в свое время сказал товарищ Сталин: «Кадры решают все!»

Ладно город: но для деревни ведь грамота не нужна? Ну зачем мужику книжки? А ведь нужна и важна не менее, чем для города. Потому что, если говорить хоть о каком-то прогрессе в обработке земли, землепашец должен уметь прочесть хотя бы самую простую брошюру и понять, что в ней написано. Агроном каждого мужика устно учить не будет.

К 1913 году общее число грамотных на селе повысилось до 25 %, но разница между мужчинами и женщинами увеличилась: по обследованным 12 губерниям грамотных мужчин было 38 %, а женщин – 9 %. При этом расхождение по губерниям было в 2,5 раза. В Московской – 42 % грамотных. В Пензенской – 15 %. А ведь существовали еще отдаленные губернии, Кавказ и Средняя Азия с её тремя процентами...

В городах положение ожидаемо оказалось лучше. К 1912 году процент вырос до 66–67 %. Но, если сравнить...

В Европе были страны более богатые, такие как Швеция, Швейцария, Голландия, Бельгия. Были менее богатые: например, Италия, Испания, Венгрия, Румыния. Если смотреть по группам стран, то по части начального образования они на удивление совпадают. В первой группе приходится 1,7 школы на тысячу жителей, во второй – 1,6. В первой 601 житель на одну школу, во второй – 614. В первой 13,3 % школьников (по отношению ко всему населению), во второй – 9,6 %¹¹⁸. Это по состоянию на 1910–1914 годы.

Теперь Россия. На тысячу жителей приходится 0,6 начальной школы, или 2586 жителей на одну школу. Школьников по отношению к населению 4,1 %. Не надо забывать еще о столь восхваляемом монархистами быстром росте населения, так что детей в России было в процентном отношении больше, чем в старых странах Европы.

Даже если хвалить и нежно любить русскую монархию, то невольно возникает вопрос: а как вообще царские правительства за триста лет династии Романовых могли так запустить страну? Чем они занимались, пока Европа двигалась к прогрессу? Дворцы строили? На балах танцевали? Самозабвенно участвовали в европейской политике? Чем?

Вопрос сам по себе интересный. Ведь в отличие от Министерства здравоохранения Министерство народного просвещения все-таки существовало и чем-то занималось. Из его трудов широкую известность получил лишь «Циркуляр о сокращении гимназического образования», в просторечии известный как «Циркуляр о кухаркиных детях». Уж очень колоритный был документ. Он оказался слишком консервативным даже для царя-консерватора Александра III. Министр народного просвещения (!) предлагал запретить принимать в гимназии детей сословий ниже купцов 2-й гильдии, с совершенно дивной мотивацией: *«Гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих, за исключением разве одаренных гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к высшему и среднему образованию»*¹¹⁹.

Можно подумать, у нас было такое перепроизводство образованных кадров, что их не знали, куда приткнуть, оттого и пытались хоть как-то сократить их число.

Царь, как уже говорилось, с прямым запретом не согласился и предложил обтекаемую формулировку насчет «детей лиц, не соответствующих по домашней обстановке среднему образованию», но в закрытом циркуляре объяснения были даны соответствующие. Есте-

¹¹⁸ Образование в России при Николае II – цифры, факты // <https://proza.ru/2019/08/13/844?ysclid=Ishctkgek6320283841>

¹¹⁹ Доклад министра народного просвещения И. Делянова «О сокращении гимназического образования» // http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/cf7d38ef-a636-46a6-afdb-aa159e58a1ed/%5BIS8IR_4-33%5D_%5BTS_05%5D.html

ственно, очень быстро произошла утечка информации, грохнул нешуточный скандал, да и без того инициатива провалилась, доля учащихся низших сословий все равно росла, но дело не в этом... Как вам деятельность Министерства народного просвещения в стране, положение которой в области образования иначе, как катастрофическим, не назовешь? Рост промышленности, говорите? А откуда брать инженеров, техников, да тех же агрономов и землемеров? Дворянин на заводе – это даже и не смешно, а прочим сословиям среднее образование, не говоря уже о высшем, по мнению министра, попросту не нужно. Ну, откуда... Импортировали инженеров из Европы, откуда же еще? Своим-то не положено!

Одна из причин пресловутого доклада, кстати, – нарастание революционных настроений среди студентов, причем именно среди выходцев из низших сословий. То, что дворяне не были крамольно настроены, блестяще подтвердила практика, вознеся на вершину революционной волны дворян Ульяновых (вся семья), шляхтичей Дзержинского и Менжинского, дочь генерала Коллонтай, дворян Луначарского, Чичерина, Куйбышева, Жданова, Орджоникидзе... Что-то сильно не так было в России с благонадежностью высшего сословия!

Как бы то ни было, циркуляр не сработал и сработать не мог – в гимназии брали тех, чьи родители способны заплатить за обучение, а не тех, кто мог представить дворянские грамоты. Но ситуацию это не спасло.

Естественно, прогресс шел, промышленность требовала кадров. И действительно, при Николае II было открыто больше средних учебных заведений, чем за все предшествующее время. По состоянию на 1913 год в России насчитывалась 441 гимназия, где обучалось чуть меньше 48 тысяч человек, и 284 реальных училища (80 тысяч человек)¹²⁰. Прямо скажем: мощные цифры, есть чем гордиться!

Для сравнения: в СССР к 1928 году насчитывалось 5 тысяч средних и семилетних школ, в которых обучалось 1,7 млн детей, не считая вечерних школ рабочей молодежи, рабфаков и пр. И это ведь только начало советской образовательной программы. В 1930 году было введено обязательное семилетнее образование для детей в городах и рабочих поселках и обязательное начальное – для всех вообще. К концу 30-х годов 80 % населения России старше 8 лет умели читать и писать. Как видим, если на самом деле хотеть, все можно сделать.

Гимназия была ключом к университетскому образованию, реальное училище – к высшему техническому. Университетское образование – особое по качеству. Оно поддерживает фундаментальную науку, за которой, как нитка за иглой, тянутся прикладные дисциплины, инженерное дело и пр. Университеты же, а вовсе не специализированные институты поставляют учителей-предметников для гимназий, определяя будущее науки. (Хотя если взять, например, Петербургский политехнический институт, так это еще вопрос: кто тут университет?)

Известна резолюция, которую Николай II начертал на одном из докладов министра народного просвещения:

«Я считаю, что Россия нуждается в открытии высших специальных заведений, а еще больше в средних технических и сельскохозяйственных школах, но что с нее вполне достаточно существующих университетов. Принять эту резолюцию за руководящее мое указание».

На то время в России существовало 12 университетов. Считал ли царь, что этого достаточно? Не факт, тут дело в другом. Если грубо прикинуть, по числу учащихся (без учета исключенных, бросивших учебу и т. п.), то в год гимназии и реальные училища выпускали примерно по 16–18 тысяч человек. Даже если предположить, что все они захотят учиться дальше (что совершенно не факт) видно, что выпускников банально не хватало на все потребности империи. И технические школы действительно были нужнее, чем фундаментальное образование.

¹²⁰ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995 // <https://istmat.org/node/238>

А вот большевики так не считали. В 1918 году (!) были основаны семь университетов, в 1919-м – еще три, по одному в 1920-м, 1921-м и 1922-м. Начальные, средние, средние специальные школы и институты, впрочем, тоже открывались. Скажите еще, что в 20-е годы, после семи лет войны и при тотальной разрухе, у РСФСР было больше денег, чем у Российской империи...

Естественно, новая власть тут же столкнулась все с той же проблемой абитуриентов. Сперва в вузы брали всех желающих, но очень скоро выяснилось, что многие банально не тянут. И тогда была придумана система рабфаков – туда брали ребят, какие есть, хоть с начальной школой за плечами, и за два-три-четыре года дотягивали до уровня вуза. Такие вот получались ускоренные подготовительные курсы. Еще в середине 30-х годов рабфаки поставляли вузам до половины студентов.

Не сразу, конечно, но постепенно удавалось насытить экономику специалистами. Может, они были и хуже американских инженеров, вывезенных из США на волне Великой депрессии, но они существовали и постепенно набирали опыта.

Спустимся теперь с небес на землю и поговорим о системе народного образования. Не о гимназиях и университетах, а о начальных школах, которые должны были обеспечивать умение читать и писать. Как говорил кот в известном стихотворении:

А теперь без грамоты пропадешь,
далеко без грамоты не пойдешь.
Ни попить без грамоты, ни поесть,
на воротах номера не прочесть.

Самым распространенным типом начальной школы в нулевых – десятых годах XX века являлись одноклассные и двухклассные училища Министерства народного просвещения. Вообще в этой фразе рекордное количество моментов, которые требуется разъяснить. Одноклассное училище – это не значит одногодичное. Его как раз и описывал Адольф Тайми: в комнате присутствуют три класса, с которыми учитель одновременно занимается. Как в такой школе можно учить и какие знания в результате приобретают дети – вопрос интересный. Но чтение, письмо, простой счет и Закон Божий они за три года кое-как осваивали.

Двухклассное училище – это уже труба повыше и дым погуще. Обучение там длилось четыре или пять лет, учитель занимался лишь с двумя классами одновременно, и преподавали историю, географию, естествоведение, церковное пение и черчение – по крайней мере, должны были преподавать, а как там было на самом деле...

Ну а то, что школа относилась к Министерству народного просвещения, вовсе не означало, что она государственная. Ее содержали земства, сельские общества, иногда частные лица. Министерство лишь доплачивало пособия учителям. Платили, кстати, очень неравномерно: при средней зарплате в 25 рублей (а значит, бывали и меньше) в Петербурге, например, она составляла 50 рублей в месяц и более. Впрочем, в столице и жизнь дороже...

Вторыми по численности были церковно-приходские школы. Преподавали в них священники или выпускники духовных учебных заведений, учили чтению, письму, счету, Закону Божию. Как учили? Ну, с учетом того, что для священника преподавание было не основной работой, а дополнительной нагрузкой...

Помните школу, в которой учился герой знакового советского романа «Как закалялась сталь»? Пытаясь выяснить, что это было, я заглянула в биографию писателя и нашла любопытный факт. Николай Островский с 6 до 9 лет учился в церковно-приходской школе и окончил ее с похвальным листом. Через два года, когда семья переехала в Шепетовку, он пошел в город-

ское двухклассное училище и оказался в первом классе (в начальной школе). Вот и вопрос: каков же был уровень приходского образования?

«Подпольная» реформа

О. Тихон Шевкунов. *«В феврале 1907 года в Государственную думу поступил правительственный законопроект о всеобщем начальном образовании. Десять лет, вплоть до роспуска Думы, депутаты виртуозно оттягивали его утверждение. Но правительство Николая II оперативно оценило саботаж вечно оппозиционного парламента и начало действовать самостоятельно».*

История реформы школьного образования вообще несколько... извилиста. Например, в 1900 году, по инициативе Министерства народного просвещения, был принят закон, согласно которому земства не имели права увеличивать бюджет на образование более чем на 3 %¹²¹. А через семь лет был разработан тот самый проект о всеобщем начальном образовании, практическая реализация которого по-простому на эти самые земства и возложили. Где логика?

В данном случае логика имеет имя, отчество и фамилию и зовется: Константин Петрович Победоносцев, обер-прокурор Синода, имевший большое влияние на императора и фактически определявший политику не только церковную, но и образовательную. Он ратовал за церковно-приходские школы, где детей должны были учить основам веры и нравственности, верности царю и Отечеству, а также давать некоторые «первоначальные полезные знания». В отличие от прочих школ, где «полезные знания» все-таки были основным содержанием уроков, а Закон Божий – одним из предметов.

С уходом Победоносцева в 1905 году ветер подул в другую сторону, и в 1907 году в Думу был представлен пресловутый законопроект. Пунктом первым там шло: *«Всем детям обоего пола должна быть предоставлена возможность, по достижении школьного возраста, пройти курс обучения в правильно организованной школе».* Как говорится, кто бы спорил. Но опять же есть нюанс: возможно, но не обязательно. С учетом того, что сельскому населению, да и значительной части городского, грамота в обыденной жизни была ни к чему, крестьяне посылали детей в школу без охоты. Особенно девочек: если мальчишкам зимой особого дела дома не находилось, то девочки были всегда при деле: помогали матери, шили, нянчили малышай¹²².

Дальше – подробности: органы местного самоуправления должны составить план, страна будет покрыта сетью бесплатных начальных школ с четырехлетним обучением, с обеспечением бесплатными книгами и пособиями. Перейти ко всеобщему обязательному начальному образованию планировалось через 10 лет.

Все очень хорошо: но мы помним, что даже в 1914 году две трети российских детей не учились. Стало быть, число школ надо утроить: построить здания, обучить учителей, платить им зарплату и пр. А за чей, простите, счет этот банкет?

Министерство просвещения берет на себя, как написано в законе, *«минимальное вознаграждение учителей и законоучителей... считая по 360 р. учителю и 60 р. законоучителю».* Не слишком щедро, но педагоги, впрочем, никогда в деньгах не купались.

А остальное?

«Прочие расходы, как по содержанию и устройству помещений для училищ, так и по увеличению оклада учащимся... устанавливаются учредителями училищ и относятся на местные источники». При этом совершенно не интересуясь, можно ли из местных источников взять столько денег, чтобы в течение десяти лет утроить количество школ?

¹²¹ *Гриневич М.* Реформирование системы образования в начале XX века // file:///C:/Users/Vi/Downloads/reformirovanie-sistemy-obrazovaniya-v-nachale-xx-veka.pdf

¹²² Моя собственная бабушка, 1909 года рождения, была единственной в деревне девочкой, которая ходила в школу. И то потому, что была младшей в семье. Школа находилась от деревни за три километра. Потом, когда бабушка пошла в более «продвинутой» школу, приходилось ходить уже за пять.

По состоянию на 1913 год всего на содержание начальных училищ было потрачено 115 млн рублей. Из них 50 млн ассигновало Министерство народного просвещения и примерно 60 млн – «частные и общественные средства»¹²³. И вот вопрос: а это точно, что земства и прочие местные организации найдут по своим сусекам еще 120 миллионов?

Этот закон можно было принимать, можно не принимать... девять из десяти, что судьба его оказалась бы такой же, что и у сети земских больниц, по старой поговорке: «самая лучшая девушка не может дать больше того, что у нее есть». Потому что у госпрограммы должно быть четко прописано финансирование. А тут государство принимает закон, а платят за него «местные источники». Земства бывают богатыми и бедными, радеющими о народном благополучии и откровенно на него плюющими: «Нэ треба!» Попечители могут быть, а могут и не быть. Как карты лягут...

Карты легли следующим образом: к 1915 году всеобщее обязательное начальное обучение было введено в 15 земствах России из более чем 440 – это примерно 4 %, причем делалось это по инициативе земств, которые в данном случае обошлись и без закона, и без императора.

И кстати, «замотала» законопроект вовсе не Дума. Правда, думская комиссия по образованию изучала его два года, препираясь по поводу того, что есть «правильно организованная школа». В 1911 году он был все же принят и передан в Госсовет. Который еще год с лишним торговался с Думой по разным вопросам и, в конце концов, его отклонил. Больше этот вопрос не поднимался – не до того было...

Другое дело, что на средства, выделяемые Министерству образования, было открыто 50 тысяч новых школ – однако никакой «подпольной деятельностью» здесь и не пахнет.

¹²³ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995 // <https://istmat.org/node/238>

Название одно, а наполнение?

И снова поклонники «золотой России» удивляют.

«К 1916 году в Российской империи было около 140 тысяч школ разных типов. Всего в Российской Федерации сейчас 135,5 тысяч образовательных учреждений всех типов и форм собственности (то есть не только общеобразовательных, но и профессиональных учебных заведений, учреждений дополнительного образования и т. д.). Таким образом, Российская империя уже в начале XX века по инфраструктурным параметрам школьной системы (например, отношение школ к количеству населения, равномерность их распределения, пространственная доступность, управляемость и т. д.) превосходила не только большинство государств того времени, но и Российскую Федерацию»¹²⁴.

До чего я все-таки люблю валовые показатели! Вот были мы на первом месте по количеству голов крупного рогатого скота. И плевать, что средний удой крестьянской буренки составлял 3 литра в день, а корова, дающая 8 литров, считалась высокоудойной. А также сколько мяса давала одна корова в США и сколько – в России.

Со школами обстоит абсолютно так же. К концу 1914 года в России насчитывалось 123 745 начальных школ, принадлежавших различным ведомствам. Училося в них примерно 30 % детей школьного возраста (в городах – 46,6 %, в деревнях – 28,3 %). Ну, стало быть, к 1916 году их число могло вырасти до 140 тысяч. Больше, чем сейчас в РФ.

Да, но что собой представляет современная школа? Это все знают: большое каменное здание в 3–4 этажа, одиннадцать, в крайнем случае девять лет обучения. Есть некоторое количество и чисто начальных школ по деревням, после окончания которых дети уезжают в интернаты. Пространственная доступность – тоже вещь интересная. Согласно проекту закона, она определялась в три версты. Сейчас может быть и двадцать, и тридцать километров. Интересно, какая школа доступнее: та, в которую ребенок идет три версты пешком, или до которой едет тридцать километров на автобусе?

А что собой представляла земская школа? Один учитель, который ведет три класса одновременно. По норме на него должен был приходиться 41 ученик, в реальности – до 80. В бедных земствах школа могла размещаться в крестьянской избе, богатые строили специальные здания, но все равно классная комната была только одна¹²⁵. То есть по количеству детей, если следовать норме, советская начальная школа вмещала в себя четыре земских, а в реальности – две-три. Поскольку вместо одного учителя было четыре – по одному на класс, это автоматически повышало качество обучения. И это мы еще про среднюю школу не говорим, в которой сейчас еще пять отдельных классов!

А если посмотреть количество учителей? В 1913 году в Российской империи их насчитывалось 280 тысяч¹²⁶. В России же, по данным Росстата, более 1,2 миллиона только школьных учителей, плюс к тому еще 154 тысяч преподавателей и мастеров среднего специального образования. Есть разница?

Об управляемости образования в царской России и говорить смешно. Школы были самые разные, принадлежавшие разным ведомствам, никакого единообразия ни в программах, ни в подготовке учителей даже близко не существовало. По идее, учителями должны были становиться люди со специальной подготовкой, но на практике, особенно в бедных земствах, не имевших возможности доплачивать учителю, преподавать в начальной школе мог кто угодно. Да что там начальные – в средней школе, в гимназиях была жесточайшая нехватка учителей.

¹²⁴ Имперское, советское и российское образование – в чем разница? // <https://dzen.ru/a/XaVYE6rUNgCtr4Ir>

¹²⁵ Даникир О. Образование в царской России. Начальное образование // <https://proza.ru/2020/04/08/2330>

¹²⁶ Образование в Российской империи // <https://von-hoffmann.livejournal.com/1968839.html>

А откуда брать толковых предметников, если на всю страну двенадцать университетов? В учительских семинариях кадры такого уровня не подготовишь. Да и семинарий тоже не хватало...

Не хочется фантазировать, что бы произошло с реформой народного образования, если бы Российская империя сохранилась – тут все не так однозначно, как в области медицины или сельского хозяйства. Хотя я ни на секунду не верю, что в отсутствие госфинансирования удалось бы достичь целей, поставленных проектом реформы, – через десять лет сделать начальное образование всеобщим, но что-то, надо полагать, все же вышло бы. Однако судьба не стала ставить такой эксперимент над населением России.

...Стойкое ощущение, что энтузиасты народного образования ждали прихода большевиков – с такой скоростью началась работа. Если царскую реформу обсуждали пять лет, да так и не приняли, то декрет о единой трудовой школе был принят уже в октябре 1918 года. Ни о какой «возможности посещать школу» там речи не шло.

Устанавливалась школа двух ступеней: первая – пять лет, вторая – четыре. Обучение в школе обеих ступеней бесплатное, посещение – обязательное для всех детей школьного возраста. Декрет был во многом романтическим, часть его установлений была вскоре отменена самой жизнью, но он существовал и по мере сил выполнялся – чего-чего, а уж энергии новой власти было не занимать¹²⁷. Ясно, что сразу покрыть страну сетью школ не получится, но к 1930 году был все же принят закон о всеобщем обязательном начальном образовании, а к 1939 году практически все дети школьного возраста в стране или учились, или уже окончили начальную школу, и 98 % из них были грамотными.

Плюс к тому у советской власти имелось еще много разных инициатив. Знаменитый ликбез – программа, призванная обучить грамоте старшие поколения. Система рабочих факультетов, или рабфаков, – поскольку страна задыхалась от нехватки специалистов, открывались подготовительные курсы, которые повышали уровень абитуриентов до необходимого для обучения в вузе.

Но это уже другая история, не о «России, которую мы потеряли»...

¹²⁷ Это преобразование описано в повести Льва Кассиля «Кондуит и Швамбрания».

Перспективы

Что было бы, если бы Российская империя сохранилась? Ну, то, что «к 1913 году Россия вырвалась в число мировых лидеров», мы разбирали на протяжении всех предыдущих глав. Экономический рост империи был ограничен чудовищным аграрным сектором, крайне низким платежеспособным спросом населения и планами зарубежных хозяев русской промышленности, которым Россия нужна была как сырьевой придаток и рынок, но отнюдь не как конкурент¹²⁸. Знакомо, правда?

Какие еще мифы ходят в среде русских монархистов?

Бразоль. *«В 1894 году, в начале царствования Императора Николая II, в России насчитывалось 122 миллиона жителей. 20 лет спустя, накануне 1-й Мировой войны, народонаселение её увеличилось на 60 миллионов; таким образом, в Царской России народонаселение возрастало на 2 400 000 в год. Если бы не случилось революции в 1917 г., к 1959 году её население должно было бы достигнуть 275 000 000. Между тем, теперешнее население Советского Союза едва превышает 215 000 000, так что кровавый советский опыт обошёлся России не менее чем в 60 000 000 человеческих жизней».*

Ему вторит г-н Говорухин.

«Россия которую мы потеряли». *«В своей книге Эдмон Тери¹²⁹ делает еще один прогноз – демографический. К середине века население России будет составлять 343 миллиона человек. Разумеется, методы подсчета были несовершенными, французский исследователь учитывал население Польши и Финляндии... но все-таки близко к правде».*

Интересно, к какой правде?

Большей частью эта сказочка восходит к нежно любимому монархистами прогнозу великого русского ученого Дмитрия Ивановича Менделеева о том, что к 2000 году население России составит 600 миллионов человек. То есть нас должно было быть в четыре раза больше, чем сегодня. Этой цифрой с упоением оперируют поклонники «золотой России». То, что Менделеев был химиком, а ни разу не демографом, их традиционно не смущает. Проклятые большевики угробили 450 миллионов родившихся и неродившихся граждан, и всё тут!

Но, как обычно, есть бумаги, а есть овраги.

Расчет Менделеева относится к традиционным для русских ученых писаниям «за жизнь». Ну есть у русского человека такое хобби – пасти народы. Так и в этом случае: узнав из доклада Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел о том, что ежегодный прирост населения России составляет 15 человек на тысячу, то есть полтора процента, Менделеев и составляет свою знаменитую таблицу, исходя из того, что оный прирост останется неизменным. Полтора процента в год на протяжении ста лет, вынь да положь, как взнос по ипотеке. Нет, если бы речь шла о физических или химических процессах, он бы непременно вспомнил какое-нибудь умное слово, например «насыщение», – но это же статья не по химии, работа называется «К познанию России», тут можно и линейную зависимость начертить, кто оспорит-то?

Более того, он делает еще более потрясающий прогноз: *«Мне кажется, что народы будущего отличаются большей рождаемостью, и для них особо важное значение имеют меропр-*

¹²⁸ Кстати, в британских колониях многие промышленные производства были запрещены – например, металлообработка. Интересно, много ли в Российской империи было английских заводов? Мне почему-то на память только немецкие приходят. Англичане вкладывались в разработку ресурсов.

¹²⁹ Эдмон Тери – французский экономист и политический обозреватель. В 1913 году по поручению двух французских министров провел исследование экономики России. Написал книгу «Экономическое преобразование России».

ятия страны, способствующие росту благосостояния, увеличивающие жизнедеятельность и продолжительность жизни»¹³⁰.

Вот и пойми этих ученых! То ли народы будущего станут активнее плодиться, потому что у них будет высокий уровень жизни, то ли им надо обеспечить высокий уровень жизни, потому что они активно плодятся (а кто это должен делать, на какие деньги и с какого перепугу?). Но, обратим внимание: это ученому *кажется* (надо полагать, как и линейная зависимость прироста, выросшая в глазах не догадавшихся перекреститься монархистов до неоспоримого факта).

А что там насчет оврагов?

Как мы уже знаем, плодилось в основном население сельской России, крестьяне-общинники, причем по вполне конкретной причине: земля. Столыпинская реформа для любого апологета «золотой России» есть абсолютное добро. Но ведь реформа была нацелена на укрепление земли в частную собственность и на разрушение общины. И вот вопрос: если на детей (хоть на мальчиков, хоть по числу едоков, в разных общинах бывало по-разному) не станут давать земли – то какой интерес рожать? И как в таком случае быть с темпами прироста?

Это не говоря уж о цене самой реформы. Совершенно непонятно, сколько народу выжило бы к ее окончанию и от какой численности населения пришлось бы стартовать через двадцать лет.

Второй фактор: уменьшение детской смертности. Нет, в России с ней все было прекрасно: четверть рожденных умрет по первому году, до 20 лет доживет примерно половина. Но пример других стран заставлял надеяться, что и в России она постепенно начнет уменьшаться. А если мы подставим к дореволюционной рождаемости почти стопроцентную выживаемость второй половины XX века, то какие там 600 миллионов? Дотянем и до миллиарда!

А он нам нужен, миллиард жителей?

Но вот незадача: с достижением практически полной выживаемости детей рождаемость обычно падает. Правда, в развитых и в так называемых «развивающихся» странах (а на деле в богатых и бедных) по-разному. В Европе количество коренного населения катастрофически уменьшается, да и у нас с приростом не очень. В бедных Африке и Азии повышение выживаемости привело к демографической катастрофе, причем в бедных семьях детей больше, чем в богатых. Отсюда и китайская программа «Одна семья – один ребенок», и жесткие ограничения на рождаемость в Азии, и постоянная нехватка еды в Африке. Так что еще одно условие достижения 600-миллионных показателей – нищета.

Ну и чисто технический вопрос: чем кормить 600 миллионов, если Россия, с ее средневековым земледелием, еле-еле кормила 150 миллионов человек, и никаких прорывов ни в какой перспективе не просматривалось? Даже если бы столыпинская реформа увенчалась успехом и вместо 20 миллионов крестьянских хозяйств появилось бы 4–5 миллионов фермерских, ситуацию это бы не изменило. Если вести интенсивное хозяйство не получилось у помещиков, в заведомо лучших условиях, то с чего бы оно получилось у кулаков-фермеров? Тем более им и так жилось неплохо...

Чтобы в столетней перспективе прокормить 600 миллионов человек, надо создать на селе не кучу фермеров, а высокоинтенсивное сельскохозяйственное производство в комплексе с промышленной и научной инфраструктурой в городах. Если Россия не создала ничего подобного за предшествующие двести лет, то с чего бы нам предполагать, что это получится у нее в последующие сто? Научно-техническая революция не обойдет нас стороной? Но раньше ведь обходила! Мало ли в мире и сейчас государств, где в нескольких крупных городах верхушка пользуется всеми благами цивилизации, а в деревнях крестьяне рыхлят землю мотыгами? Вся Африка так живет! А мы чем лучше?

¹³⁰ О 600 миллионах Менделеева. Миф и реальность // <https://grey-croco.livejournal.com/889424.html>

Чтобы провести такую реформу, требовалась государственная воля и плановая экономика. Ни того, ни другого не было у царского правительства, которое, даже если бы оно имело самые благие желания, было сковано развивающимся диким капитализмом с его приоритетом быстрых денег и лоббистами в каждой дырке государственного аппарата. Но зато, как выяснилось на опыте, и то, и другое имелось у большевиков. Чтобы привести к власти большевиков, потребовался Октябрь. А Октябрь не состоялся бы без Февраля. Ну и какие претензии к историческому процессу? Почему выморить двадцать миллионов мужиков во имя аграрной реформы – приемлемо, а устроить революцию – нет? Потому что с голоду умирают тихо и о них в парижских газетах не пишут?

О. Тихон Шевкунов. *«Научно-техническую революцию рубежа веков Россия встретила на пике демографического бума, с огромным потенциалом трудовых резервов для бурно растущих городов. Ее необъятные просторы были богаты всеми видами ресурсов, и оставалось лишь правильно распорядиться этими возможностями, превратив их в источник национального богатства».*

Момент неопределенности находится в словах «правильно распорядиться». Что значит правильно? Чтобы бурно развивалась промышленность? Чтобы увеличивался ВВП? Или... что?

«Огромный потенциал трудовых резервов», выкидываемых из деревни аграрной реформой, оборачивался массовой безработицей и резким падением цен на труд. Демографический бум – хроническим голодом. Это – хорошо?

Увеличивать интенсивность труда и качать прибыли, экономя на зарплате и вынуждая рабочих жить в нечеловеческих условиях, – это правильно? Наверное, ведь промышленность развивается быстрее и ВВП растет. Выморить голодом двадцать миллионов крестьян – правильно? Наверное, ведь это приведет к укрупнению хозяйств и хоть и небольшой, но интенсификации производства.

Наверное, так. И российские «низы» не имели ничего против. И чтобы начать разносить державу, им требовалась злокозненная агитация революционеров. А так бы они утром вместо молитвы пели «Боже, царя храни».

Несомненно!

«Россия, которую мы потеряли». *«Как и все люди моего поколения, я раньше думал, что, если бы не революция, не советская власть, не было бы в России ни Днепрогэса, ни Магнитки, ни атомной бомбы, ни Гагарина... Но вот что мы обнаружили в историческом архиве Санкт-Петербурга. 1832 год. Доклад полковника Шишова в комиссию проектов и смет о строительстве каменной плотины на днепровских порогах... Проектов много, но самый ошеломительный из несостоявшихся – этот: Трансаляска – Сибирь, железнодорожный путь от Красноярска... к мысу принца Валлийского на Аляске...»*

Здесь ключевое слово «несостоявшиеся». Великих идей много, а какие именно из них были реализованы? Транссибирская магистраль – раз. А два – что?

Планы большевиков мы все знаем, еще в школе проходили – и ГОЭЛРО, и аграрная реформа, и ликбез, и здравоохранение, и многие другие – царские-то где? Ладно, в советское время их могли замалчивать, но СССР вот уж больше тридцати лет как не существует – а рассказа о великих начинаниях Российской империи как не было, так и нет. Разве что в таком варианте:

О. Тихон Шевкунов. *«Многочисленные стратегические планы царской России были осуществлены в советское время. Но достигнутые свершения вовсе не были результатом революционных переворотов. Беспрецедентные социальные лифты, мощные системы образования и здравоохранения, академическая наука, национальная промышленность, огромный творческий потенциал народа – все это было наследием Империи».*

Ну конечно же, проекты были наследием империи. Результатом революционных переворотов стала всего лишь их реализация. Великие большевистские программы не в Смольном придумали. Их разрабатывали царские ученые, инженеры, чиновники – нередко в свободное от основной работы время. Вот только эти идеи никого в той России либо не интересовали, либо денег на них не было. Когда появилась новая власть, все те, кого «послало» царское правительство, пришли уже к ней – а вдруг получится? И новые властители России не говорили: «Стране это не нужно», или «Погодите, идет война, сейчас не до вас».

Во время тяжелейшей Гражданской войны, голода и разрухи:

1918 год

– Открыты семь университетов, тех самых, которые последний русский царь считал ненужными для страны.

– Создано первое в мире Министерство здравоохранения – Наркомат здравоохранения РСФСР.

– Основан Физико-технический институт в Петрограде.

1919 год

– Принята общегосударственная программа ликбеза.

– Открыты еще три университета.

– Создано издательство «Всемирная литература».

1920 год

– Разработан план ГОЭЛРО – электрификации всей страны.

– Кстати, открыт еще один университет...

И это так, навскидку перечислила, что в памяти первым всплыло. Что, Советская Россия была богаче Российской империи? Или Гражданская война была легче империалистической? А может быть, дело в чем-то другом?

Что же касается реальных, а не выдуманных парижскими сидельцами перспектив – так ведь все очевидно. Аграрный вопрос решению не поддавался. Столыпинская реформа к 1917 году захлебнулась и, даже будучи проведена в жизнь, ничего бы не решила. Ставить на мелкого частника в то время, когда в передовых странах уже идет укрупнение производства и появление агропромышленных гигантов, – это и значит отстать навсегда. Даже если бы удалось избежать новой пугачевщины, в которую ввергло бы страну погибающее от голода население – а это еще не факт, что ее удалось бы избежать, без всякого Февраля и Октября. А если не удалось – так чем этот вариант легче большевистского?

Развитие собственной промышленности уперлось бы в отсутствие платежеспособного спроса. Все более-менее прибыльные отрасли – от золотых приисков и нефтяных скважин до производства швейных машинок – уже были обсажены иностранцами, а с окончанием войны за долги взяли бы и остальное. Пролиты бы, возможно, и отдали – почему бы не посадить сторожить их, вместо малонадежных турок, верную собачку Европы? Интерес у «союзников» был четкий: вывозить ресурсы, использовать дешевый труд и качать прибыли. Примерно то же самое, что мы видели в 90-е, только тогда страну предали, а тут и предавать не надо, англоязычная верхушка уже ощущала себя представителями туземной администрации в дикой стране. Низкопоклонство российских элит и элиток перед Западом не при Сталине началось – Сталин лишь тщетно пытался с ним бороться. Впрочем, оно и теперь процветает, и в нынешние времена многие как олигархи, так и чиновники ощущают себя приказчиками Белого Господина. И вот это, безусловно, – наследие империи.

Интересно, оно нам надо – такое наследие?

Практика социального расизма

Вот долго думала: писать про сословия или же не писать? С одной стороны, тема большая и нудная, с другой – вроде бы всем всё известно. А копнёшь – так и вообще ничего не понятно, потому что мышление у россиян нынче другое. Все мы родом из СССР, избалованы советской жизнью, в которой царило железобетонное убеждение: все люди равны, вне зависимости от того, кто, где и от каких родителей родился. Нет, конечно, у них разные мозги, разное благосостояние семьи, разные возможности и «мохнатые лапы», но ни в одном законе не записано, что дочка уборщицы не имеет права поступать в университет, а сын рабочего может быть принят, только если останется свободное место, на которое не претендуют дети чиновников.

А ведь были времена, и не так уж давно, когда такие вещи писались в законах. Иначе с чего бы крестьянину Михаилу Ломоносову, чтобы поступить в Греко-славяно-латинскую академию в Москве, потребовалось подделывать документы, выдавая себя за сына холмогорского дворянина? А не подделал бы – и не было бы у нас великого ученого.

Сейчас тема сословий рассматривается исключительно на уровне «Дворянских собраний». Кто из монархистов не старается причислить себя к дворянам? Кто не старается, тот и не монархист – велика радость перед каждым дворянчиком шапку ломать.

Но что такое на самом деле сословное устройство общества? Это вовсе не спор о местах и титулах, это нечто другое. Можно ли сказать, что это практика социального расизма? А почему нельзя, когда это она и есть...

...Каждый человек, родившийся в Российской империи, от рождения принадлежал к одному из сословий. И по этой причине – исключительно в силу рождения в том или ином доме, от тех или иных половых клеток, имел разные права и разные обязанности. Одна из причин напряженности в российском обществе как раз и состояла в том, что у дворянского сословия за время правления Романовых права увеличились, а обязанности скукожились. Сперва им отдали в личную собственность землю и людей, к ней прикрепленных, потом освободили от обязательной службы. А народ, соответственно, послаблений не получал, наоборот, многие стали из крепостных – рабами.

Дворяне от сладкой жизни вырождались (думаете, почему провалилась реформа 1861 года?), крестьяне от горькой – озлоблялись. А когда во Франции рухнул аналогичный заповедник средневековья, в России задумались: «А что – так можно было?» Задумались, естественно, верхи общества – низы ни о какой революции и не слышали. Но о справедливости мрачно мечтали.

Основными сословиями в России были: дворянство, духовенство, купечество, мещанство, цеховые ремесленники, казаки, крестьяне, инородцы. Все со своими особенностями и правами... или их отсутствием, что не менее важно.

...В истории Кровавого воскресенья очень меня удивил один момент. Сюжет, надеюсь, подробно излагать не надо? Рабочие пошли к Зимнему дворцу, понесли царю петицию, в которой жаловались на беспросветную жизнь. Там содержались и политические требования – не без того, но в целом ситуация была вполне управляемая. Николай I, который своих подданных не боялся нисколько, который говорил с народом из экипажа во время холерного бунта, просто вышел бы на балкон Зимнего дворца и принял петицию – с него бы случилось так поступить! От его тезки никто такого подвига не требовал, да и сидел он в то время в 25 верстах от Петербурга в Царском Селе – но генерал-адъютанта хотя бы мог послать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.